ПИОНЕР 11

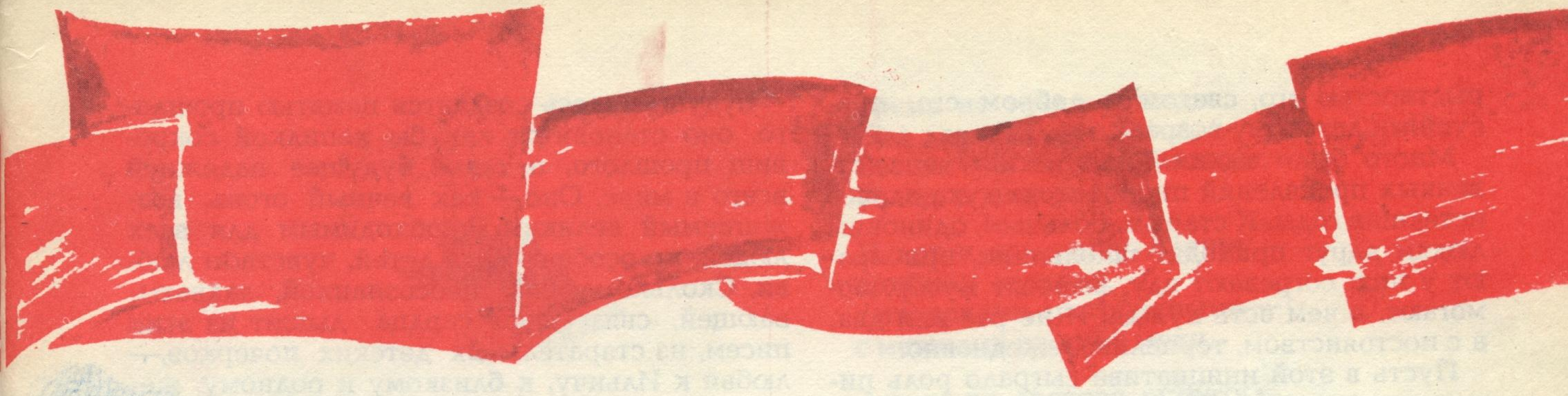
НОЯБРЬ ● 1977 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Родине Октября — 60 лет!

С праздником, дорогие ребята!

Мы принимаем новую Конституцию
в канун 60-летия
Великой Октябрьской
социалистической революции.
Это не просто совпадение во времени
двух крупнейших событий
в жизни страны.
Связь между ними гораздо глубже.
Новая Конституция —
это, можно сказать,
концентрированный итог
всего шестидесятилетнего развития
Советского государства.
Она ярко свидетельствует о том,
что идеи, провозглашенные Октябрем,
заветы Ленина
успешно претворяются в жизнь.

Л. И. Брежнев
(Из доклада на сессии
Верховного Совета СССР
4 октября 1977 г.).



Мариэтта **ШАГИНЯН,**
Герой Социалистического Труда

РОСТКИ ИЗ КОРНЯ

В нашей новой Конституции есть замечательное место, где говорится, что социализм уже развивается на своей собственной основе. Мы постоянно пишем и говорим о строительстве социализма как о деле наших рук, о творческой работе нашей партии и всего советского народа. Но то, что посажено в землю шестьдесят лет назад, что дает зеленые побеги и растет из прижившегося в земле корня,— уже само по себе начинает помогать человеку. Наши младшие товарищи, носящие красный галстук на груди и гордое имя «пионер»,— они тоже ростки из самого корня, естественные побеги социализма.

Пионер, если объяснить точный смысл этого слова, значит **инициатор,** зачинатель **нового,** делающий первый шаг по целине. И если присмотреться к историческому движению нашей пионерии от ее возникновения до последних лет, то интересно в нем как раз то, что рождалось в сердцах и воображении самих ребят, создавалось ими самими, тем порывом детского сердца, чистотой и беско-

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Москва 1977 г.
Издательство «Правда»

рыстностью его, светом и добром его, присущими детскому возрасту.

Много было таких «инициатив», общественных проявлений пионерского духа за все истекшие годы. К старым, больным, одиноким людям вдруг приходят школьники, прибирают у них, согревают еду, выносят мусор, помогают, в чем есть нужда. И не раз или два, а с постоянством, терпеливо, ежедневно.

Пусть в этой инициативе сыграло роль писательское имя А. Гайдара, подражание литературному образу, но движение это искренне и самостоятельно.

Я нарочно взяла одно из самых скромных (но, на мой взгляд, самых **трудных**) проявлений пионерской деятельности вне школы. Именно потому, что оно предъявляет самое тяжелое требование к молодой душе — требование постоянства. Порыв мгновенен, он приходит — уходит. Но сделать душевный порыв постоянным, ввести его в повседневную норму — это и взрослому не всегда по плечу. Дети тут иногда показывают пример взрослым.

Но сейчас, в праздник 60-летия Великого Октября, перевернувшего страницу в книге мировой истории, я хочу рассказать об одном из важнейших дел в нашей советской педагогике, созданном и разгорающемся в нашей школе главным образом инициативой пионеров. Лежат у меня на столе много, много конвертов со штампами разных лет и разных местностей. Вот одно — из-под Москвы, а другое — чуть ли не из-под самого полюса — из Заполярья; с вершин Закавказья, из низин Каракумов; из мест, чьи названия новы мне, ни разу не слышаны; из очень известных городов-героев; из поселков, районов, краев, областей, деревень, столиц — отовсюду, где есть средние школы.

Написаны эти письма тоже по-разному; рукой учителя, руками самих ребят, подписаны десятками фамилий. Но смысл этих писем одинаков. Авторы их сообщают, что у них в школе инициативой ребят (чаще всего!) открывается или открылся уголок Ленина, музей Ленина, комната Ильича,— и просьба: помочь, прислать книги, фотографии, совет, как лучше устроить, пожелания.

Будущее здесь создается памятью прошлого, оно становится как бы копилкой сокровищ прошлого, и такое будущее надежней всего в мире. Оно — как вечный огонь, возжигаемый великим, необходимым для всех людей, но особенно для детей, чувством любви. Сколько любви, неосознанной, захватывающей, связующей сердца, дышит из этих писем, из старательных детских почерков,— любви к Ильичу, к близкому и родному, желания поучиться у него, послужить его делу, быть с ним, иметь его рядом. Такие письма говорят нам о жизни Ленина в народе, о бессмертной силе его учения, о могучих корнях его дела для человечества больше, чем десятки и сотни иных брошюр.

Много ли знают дети из того, что написано Ильичем? И многое ли там понятно им? Но больше иной раз, чем взрослый, чувствуют дети **бытие Ленина.** И они принимают эстафету этого особого чувства от старых большевиков, от первых дней Октября и передают ее будущему, скрепляют с воздухом школы, с учением, с поведением. Они читают и перечитывают лучшие, достовернейшие книги о Ленине: воспоминания Надежды Константиновны Крупской, Марии Ильиничны, Анны Ильиничны, Дмитрия Ильича Ульяновых. Миллионными тиражами надо выпускать эти книги, потому что они дают опору и силу юному гражданину Советской страны.

Желаю от всей души в день праздника Октября нашей пионерии, нашим живым росткам светлого коммунистического будущего, хранить и крепить своим творческим званием «пионера» уголки Ленина в школах, где они созданы, и создавать их там, где их еще нет, чтоб **из поколения в поколение жило, крепилось, возрастало чувство бытия Ленина рядом с нами.**

И главное — хранить эти ячейки памяти о Ленине от формализма, от казенщины, от закостенения, от «птички» на полях мероприятий, чтоб жили они своей инициативной пионерской жизнью на века!

Рисунки В. КОСТИЦЫНА.

СЛУШАЙТЕ МУЗЫКУ РЕВОЛЮЦИИ!

Луис ФЮРНБЕРГ

ВСЕЛЕНСКИЙ ГИМН

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

...Смольный. Товарищ Ленин...
Его соратники с ним.
Грядущие поколенья —
мы видим его живым.

Солдаты, студенты, матросы,
мы входим в его кабинет.
И, слушая наши вопросы,
на всё он дает ответ.

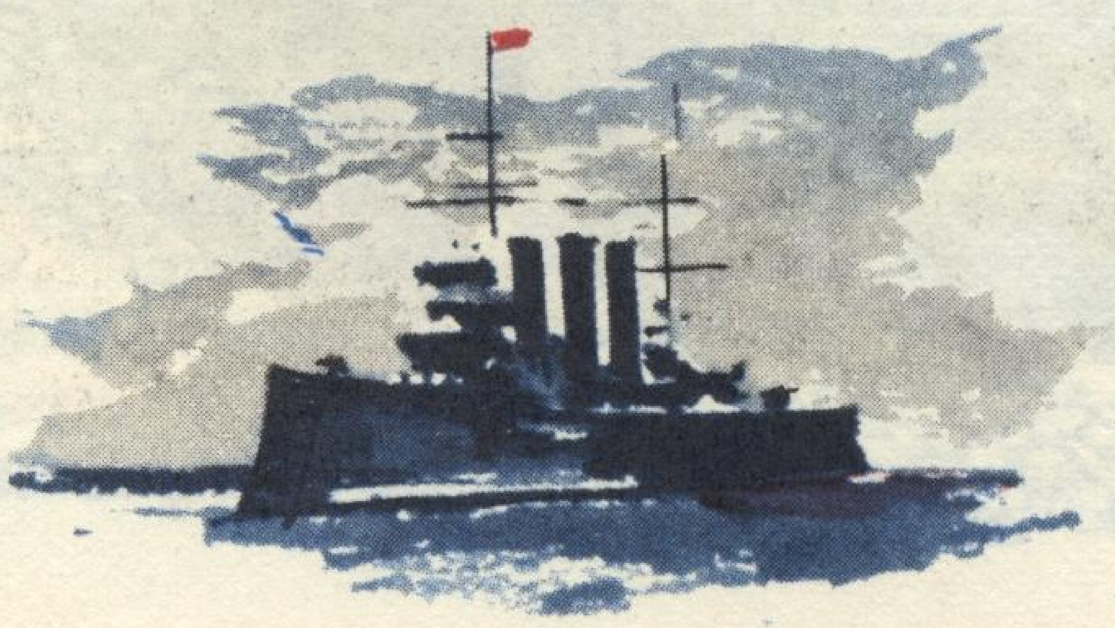
Без царственных жестов державных,
без позы, без пышных фраз,
как равный среди равных,
Ленин слушает нас.

К его приобщенные славе,
с ним связаны жизнью всей,
считать свою жизнь мы вправе
прекраснейшей из эпопей!

Думаю, что едва ли
в любой уместится том
все, что о нем мы читали
или слыхали о нем.

Ленин в Казани и в Шушенском...
Ленин Октябрьской поры...
Ленин, читающий Пушкина...
Ленин среди детворы...

Звуча легендами, были
обходят материки...
«Синьора Дринь-дринь» не забыли
каприйские рыбаки...



Время не знало пощады...
Шел девятнадцатый год.
Россия — в кольце блокады.
Голод и недород.

И вот к товарищу Ленину
прибыли мужики
с подарками драгоценными —
с мешками ржаной муки.

Ленин их ласково встретил,
руки пожал он им:
«Мы голодающим детям
подарок передадим!»

И каждый подобный случай
(не домысел и не слух)
в себе отражает могучий,
бессмертный ленинский дух.

Тут дело не просто в скромности,
которой он был велик,
а в безграничной огромности
понятия «большевик».

Горький рабочего Павлова
приводит слова неспроста:
Ленин — ПРОСТ, КАК ПРАВДА...
Но как не проста простота!

Да, простота такая
в сложнейшем труде родилась.
В сущность эпох проникая,
жил он, уча и учась,

сердцем с массами связанный,
сам он был сердцем масс...
Каждое слово, им сказанное,
слышится и посейчас...

Лживые прочь идиллии!
Вечно во мне живи
гнева его всесилие,
ярость его любви,

зоркость и ясность зрения...
Ленинец, сберегу
ленинское презрение
к классовому врагу.

...Дела его нетленные
вошли в нашу плоть и кровь,
в черты ПОВСЕДНЕВНОГО Ленина
всмотримся вновь и вновь.

На пьедестале вечности,
над толпами вознесен,
во всей своей человечности
мне явственно виден он.

Масс миллионных вожатый,
он смотрит в простор мировой...
Но величавей всех статуй
облик его ЖИВОЙ.

Перевел с немецкого
Лев ГИНЗБУРГ

Рисунки А. АЗЕМШИ

Владимир ТОРОПЫГИН

РАССКАЗЫ О ЛЕНИНГРАДЕ

Есть на земном шаре несколько городов, красоту и судьбы которых знаешь, даже не побывав в них. Таковы Рим, Венеция, Париж, сердце России — Москва. Таков и Ленинград.

Ленинград был «окном в Европу», «Северной Пальмирой» — он стал «колыбелью революции».

На Большой Невке, на вечной стоянке, застыл крейсер. Но вслушайтесь, и оживут страницы истории: подходят матросы к шестидюймовке — «Аврора» дает сигнал к штурму старого мира...

Ох, как разрослись деревья вокруг Смольного! Желтые, оранжевые кусты — точь-в-точь красногвардейские костры Октябрьской ночи...

Сердце города — мужество.

Он знал наводнения и болезни.

Он выстоял девятьсот дней блокады.

Парк Победы. Аллея героев. Рядом с ней — заросшие окопы, обвалившиеся блиндажи... Для революционеров всего мира Ленинград — священное место, потому что здесь жил и работал величайший борец за счастье людей Владимир Ильич Ленин.

Ленин пришел в Смольный в ночь на 25 октября 1917 года. Отсюда на весь мир прозвучали первые ленинские декреты: власть — народу, народу — землю, земле — мир!

Нельзя не любить Ленинград — город неповторимой красоты, удивительной судьбы, великих подвигов!

Я счастлив, что родился и живу в Ленинграде. Я записываю в свою записную книжку все новые и новые истории из его биографии. Вот некоторые из этих историй...

УЛИЦА ВОИНОВА

Я живу на улице Фурманова. Улица Воинова рядом. На углу ее гранитная стела, барельеф и надпись: «Улица Воинова названа в 1918 году в честь Ивана Авксентьевича Воинова (1884—1917), рабочего корреспондента «Правды», зверски убитого 6 июля 1917 года на этой улице». Раньше улица называлась Шпалерной. Чем была знаменита Шпалерная? В самом ее конце расположено одно из самых старых зданий Ленинграда, построенное еще в 1714 году, — «Кикины палаты», принадлежавшие боярину Кикину; чуть ближе — Таврический дворец...

Угол улицы Воинова и Литейного проспекта. Отсюда начался последний отрезок пути Владимира Ильича Ленина в Смольный в ночь на 25 октября 1917 года. Этим Шпалерная знаменита прежде всего.

Ленин шел в Смольный с Выборгской стороны, из квартиры большевички Маргариты Васильевны Фофановой на Сердобольской улице. Сопровождал Ленина Эйно Рахья. Шел дождь и мокрый снег. Они миновали Сампсониевский проспект, Лесной, Боткинскую и Нижегородскую улицы, Литейный мост. На углу Шпалерной их окликнули:

— Стой! Пропуск!

Рахья шепнул Ленину:

— Идите, не останавливайтесь!

Ленин пошел вперед. На седоватом парике — старая кепка, щека подвязана платком, будто бы от зубной боли.

— Ладно, что с ними связываться! — услышал он за спиной голос одного из остановивших их юнкеров.

Ленин прошел мимо мрачного дома — «предвариловки» (когда-то он отсидел в этой тюрьме год и два месяца), мимо церкви на углу Воскресенского, мимо Таврического... Уже совсем близко и поворот к Смольному. До начала революции оставались считанные минуты...

Улица Воинова постоянно меняется, становится красивее. Несколько лет назад в конце ее, у площади Растрелли, поднялось огромное светлое здание — Дом политпросвещения. А в этом году старые одноэтажные казармы, что тянулись чуть ли не от Таврического, уступили место широкому бульвару. Улица превратилась в парк!

ЛЕГЕНДА О РАЗВЕДЧИКЕ

Об этой истории из времен Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде написано мало. Она упоминается в воспоминаниях некоторых участников восстания. Достоверно известно, что имя ее героя — Петр Сацердов. В остальном это легенда, но легенда, как говорится, рожденная жизнью, и нет сомнения, что еще найдутся документы, которые поведают нам ее во всех деталях...

Рассказывают, что накануне Октябрьского восстания Военно-революционному комитету потребовалось разведать систему обороны Зимнего дворца. Знали, что его охраняют юнкера и женский батальон. Тех, кто входил в этот батальон, называли «бочкаревки», по имени

командира Бочкаревой. Знали, что юнкера и «бочкаревки» построили вокруг Зимнего две линии баррикад: одна — у самого дворца, вторая — рядом с Александрийской колонной в центре площади. А вот как расположена артиллерия у Зимнего и где пулеметные точки, надо было уточнить.

Посылали в разведку матросов. Матросы добирались почти до самых баррикад, но тут их обнаруживали, открывали огонь...

И тогда председателю Военно-революционного комитета Николаю Ильичу Подвойскому пришла такая мысль:

— А что, если послать в Зимний дворец кого-нибудь из подростков, наших связных?.. Мальчишкам легче обмануть бдительность юнкеров, чем взрослым.

Выбор пал на Петю Сацердова, рабочего завода «Треугольник». В Смольный его прислал Социалистический союз рабочей молодежи...

Петя вышел из Смольного вечером 24 октября. В саду, под деревьями, стояли броневики. Моторы их грохотали: водители проверяли боевую готовность машин. На Суворовском проспекте Петю неожиданно обогнал пожарный обоз: фыркающие лошади, грохочущие бочки, сверкающие начищенной медью каски...

— Дяденька, не прокатите? — крикнул Петя дующему в сигнальный рожок верховому.

Верховой кивнул:

— Садись!..

К Зимнему дворцу Петя подошел в полной форме пожарного — роба, широкий ремень, каска...

Дворцовый лакей открыл дверь:

— Ты куда?

— Дымоходы приказано проверить...

— Нашел время! — проворчал лакей. — Проходи... Да не по Иорданской поднимайся, а по винтовой... Понятно?

В узком коридоре первого этажа было полутемно. На полу спали юнкера. Рядом валялись бутылки.

Петя миновал один коридор — другой лестницы все не было. Неожиданно лабиринт коридоров вывел его к входной двери.

Лакей, впустивший Петю, полулежал в кресле, спал. Петя быстро побежал вверх по лестнице, покрытой широкой ковровой дорожкой.

На ступеньках сидели и лежали юнкера. Некоторые из них провожали Петю безразличными взглядами: видимо, появление пожарного не смущало их...

А вот и чердачная лестница! Петя навалился плечом на дверь, она со скрипом отворилась.

Петя оказался на чердаке. Только теперь он почувствовал, что волосы его мокры от пота. Снял каску, вытер лоб рукавом.

В слуховом окне тускло мерцало вечернее, осеннее небо. Петя ухватился за раму, подтянулся, вылез на крышу.

Железо под его ногами гремело, но сильный ветер заглушал его шаги.

Пригнувшись, Петя подошел к парапету, на котором стояли каменные статуи.

Дворцовая площадь была как на ладони. Прямо перед Петей, за штабелями дров, юнкера устанавливали орудие. Пулеметные точки были за баррикадами по углам дворца...

На следующий день сведения о системе обороны Зимнего были доложены Военно-революционному комитету.

КОМЕНДОРЫ

Раннее ленинградское утро. Безмолвная песня льется от чуть тронутых зарей окон верхних этажей домов. От золотящихся крон деревьев. От цветов на Марсовом поле.

Невская волна лизнула гранитный парапет...

И тогда стали слышны склянки — корабельный сигнал побудки!

Склянки звучат с «Авроры»!

Еще миг, и пустынная палуба заполняется матросами. Раздается команда:

— На флаг и гюйс смирно!

На кормовом флагштоке поднимается сине-белый военно-морской флаг, а на гюйсштоке — красный флаг.

Солнце поднимается выше. В его лучах мемориальная доска на пушке-шестидюймовке: «Баковое орудие, из которого произведен исторический выстрел 25 октября 1917 года в момент взятия Зимнего дворца».

Я смотрю на орудие и вспоминаю его комендоров. Евдокима Огнева прежде всего. Его портрет запомнился мне с первого посещения музея на «Авроре» — открытый взгляд, лихие матросские усики, тельняшка, полосатый воротник, бескозырка... Это ему 25 октября 1917 года комиссар «Авроры» Александр Викторович Белышев скомандовал:

— Орудие зарядить... Огонь!

И Евдоким Огнев выстрелил...

Вскоре после 25 октября Огнев вместе с другими авроровцами подал заявление в Военно-революционный комитет: «Мы обращаемся к вам от команды крейсера «Аврора»... Просим не отказать в нашей просьбе. Мы изъявили свое желание пойти на фронт... чтобы бить всем нам ненавистного врага».

Весной 1918 года отряд Огнева вступил в степной хутор Казачий. Переход был долгим, отряду требовался отдых. Выставили дозоры, легли спать. Ночью к хутору подошли белоказаки. Огнев приказал отряду отходить, а сам с двенадцатью бойцами остался прикрывать этот отход. Силы были неравные... Утром белоказаки принесли своему атаману окровавленный бушлат и бескозырку комендора «Авроры».

Осенью 1941 года подвиг Огнева повторил комендор Алексей Смаглий.

Тогда, в тяжелое для блокированного Ленинграда время, пушки «Авроры» были сняты с корабля и отправлены для укрепления батареи, стоявшей в местечке Дудергоф, на Вороньей горе. Смаглий был комендором одного из авроровских орудий...

Гитлеровцам удалось прорваться к батарее. Моряки стали забрасывать вражеских солдат гранатами. Но моряков оставалась горстка. Почти все они были ранены. Их захватили фашисты...

Чтобы организовать и поддержать своих товарищей, Алексей Смаглий запел «Интернационал»...

Есть что-то прекрасное и грозное в самом звучании этого слова: комендоры!

ФИДЕЛЬ КАСТРО В СМОЛЬНОМ

Мне позвонили из «Комсомольской правды»:

— Завтра в Ленинград приезжает Фидель Кастро... Наш корреспондент заболел... Мы просим вас сопровождать Фиделя Кастро и написать нам о его пребывании в Ленинграде...

И вот мы в коридоре Смольного. Я еле поспеваю за широко шагающим кубинским гостем. Мы идем в кабинет Владимира Ильича Ленина. Фидель Кастро торопится, взгляд его горит нетерпением. Завтра я так и напишу:

«...Казалось, это спешит солдат-связной, чтобы скорее сообщить Ленину, что Зимний взят!..»

Потом я был с Фиделем Кастро на «Авроре»...

Она не похожа на моторную яхту «Гранма», с которой в 1956 году Фидель Кастро и его товарищи высадились на побережье Кубы, и в то же время как удивительно схожи их судьбы!

Мы на Дворцовой площади...

Зимний дворец... Нет, он совсем не такой,

как казарма Монкада в Сантьяго-де-Куба, но есть общее между ними! Потому что в июле 1953 года группа смельчаков во главе с Фиделем Кастро брала ее штурмом, как Зимний дворец.

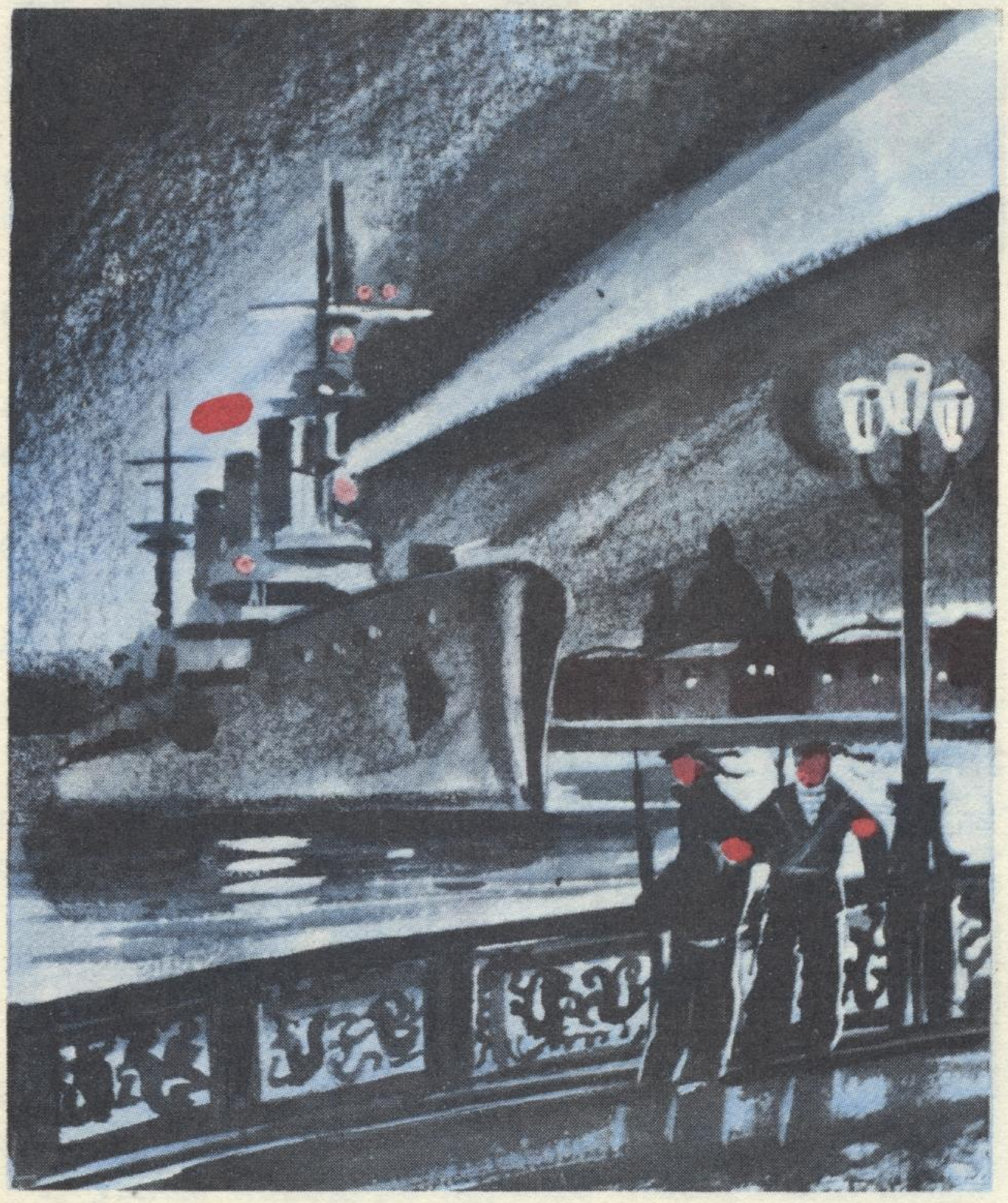
Статья для «Комсомольской правды» рождалась как бы сама собой...

ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОЧИЙ РЕСПУБЛИКИ

У замечательного советского поэта Михаила Луконина есть строки, обращенные к другу-ленинградцу:

Я буду ездить из года в год,
Друг мой, хочу я, чтобы
Ты на Кировский вел завод
Меня
для моей учебы.

Я люблю водить приезжающих в Ленинград гостей за Нарвскую заставу. Здесь еще можно встретить стариков, что шли когда-то с красногвардейскими отрядами на штурм Зимнего. Здесь живут рабочие, чьим трудом славен сегодняшний Ленинград. Я познакомился с одним из них, замечательным человеком, Героем Социалистического Труда, бригадиром шлифовщиков Кировского завода, Евгением Ивановичем Лебедевым, и решил написать очерк «Заслуженный рабочий республики Евгений Лебедев». («Заслуженный рабочий республики» — это звание придумал сам Евгений Иванович, не для себя, конечно. Он говорил: «Не пора ли для лучших рабочих установить звания? Как бы хорошо звучало: заслуженный рабочий республики». Ну, а я «присвоил» это звание ему.)



Лебедев сказал:

— Очерк хотите обо мне писать?.. Жизнь свою я вам рассказывать не буду, а дам вот этот листок — здесь я свою биографию написал... Что надо, возьмите!..

На листке было написано:

«Родился 23 декабря 1923 года в Калининской области в деревне Чернево Высоковского района, в семье крестьянина. В 1931 году с отцом и матерью переехал в Ленинград и учился в школе № 34, что расположена на улице «Правды».

В 1939 году отец ушел в действующую армию, семья почувствовала материальные затруднения — мне нужно было идти работать (учился я тогда в седьмом классе).

По совету друга отца, который работал на Кировском заводе и много рассказывал мне про свой завод, я пошел на Кировский...

Я хотел стать токарем, но на заводе сказали, что с кадрами трудно на шлифовке, и я пошел учеником шлифовщика. К работе у меня было большое желание, и за короткий срок я хорошо освоил станок — заработок у меня стал, как у отца (так говорила мать).

Ростом я был мал, и для того, чтобы я нормально трудился, мне ставили под ноги трапик. Вскоре я освоил работу на всех профилях шлифовки...

И вот 1941 год. Я подал два заявления: одно с просьбой, чтобы меня приняли в комсомол, другое — с просьбой отправить на фронт. В комсомол меня приняли, на фронт не пустили.

Завод наш очень часто подвергался бомбежкам. Я был зачислен в группу, которая несла патрульную службу.

И вот меня вызывает начальник цеха и говорит: «Обстановка в Ленинграде серьезная... Решено: лучшие наши кадры отправить в тыл... Собирайся!» «Как же так, — говорю, — враг у ворот, а меня туда, где потише?! Да здесь у меня все товарищи, родня — младшие братишка и сестренка!..» Начальник говорит: «Это приказ!» И потом, чуть смягчившись: «После войны, Женя, тоже будут пятилетки!..»

До Тихвина мы летели самолетом. В Тихвине пересели в эшелон...

Потом — Челябинск. Цеха на Челябинском тракторном просторные, светлые, но зимой приходилось работать в ватниках, разжигать жаровни на коксе, чтобы согреться. Работали по шестнадцать часов. «Все для фронта, все для победы!»

В 1949 году я возвратился в Ленинград».

Я сказал Евгению Ивановичу:

— Автобиография ваша очень интересна, но оборвана как-то... А дальше что было?..

— Дальше? — Евгений Иванович улыбнулся. — А дальше новые пятилетки, про которые мне начальник цеха говорил, когда из Ленинграда отправлял. Наши новые тракторы «Кировцы» — «К-700», «К-701»... Видели их?..

Я видел их: на полях Казахстана, на стройке Саяно-Шушенской ГЭС, на БАМе — они везде напоминали мне о моем городе...

И. И. Бродский.

ЛЕНИН НА ФОНЕ КРЕМЛЯ.
1924 год.

Равнение на «Аврору»!

М. МАТВЕЕВА

Рисунки А. ГРИШИНА

ОКТЯБРЬСКАЯ ЭСТАФЕТА «ПИОНЕРА»

«АВРОРА»!.. Боевой крейсер, символ Революции! А сейчас корабль-музей. Можно сказать, «живой» музей. Приходят сюда ветераны крейсера, несут вахту пионеры. Нескончаем поток посетителей, и неиссякаем их интерес к героическому прошлому страны.

...Мальчики и девочки в пионерских формах и гюйсах (матросских воротниках) дежурили в залах музея. Они знали тут каждый экспонат, каждую надпись чуть ли не наизусть, могли ответить на любой вопрос и помочь разобраться в бесчисленных лестницах (можете себе представить, сколько лестниц в музее, если этот музей расположен на корабле). Им хотелось самим вести экскурсии, летом уезжать в другие города в поисках новых документов, держать в руках старые фотографии и подлинные вещи участников Революции! Но здесь они были лишь помощниками. И они мечтали о своем музее...

Десять лет назад на двери одной из классных комнат появилась табличка: «Школьный музей истории краснознаменного ордена Октябрьской Революции крейсера «Аврора». Десять лет назад дружина 152-й ленинградской школы завоевала право называться дружиной имени крейсера «Аврора».

ИЗ ИСТОРИИ КРЕЙСЕРА

24 октября 1917 года команде «Авроры» было поручено восстановить движение по Николаевскому мосту.

Юнкера развели Николаевский и Дворцовый мосты, чтобы отряды красногвардейцев не смогли пройти в центр города. Командир крейсера отказался вести корабль, ссылаясь на то, что фарватер Невы давно не проверялся и крейсер может сесть на мель.

Комиссар Белышев поручает секретарю судового комитета Захарову проверить глубину средней части Невы. Через полчаса Захаров доложил, что глубина позволяет подойти к Николаевскому мосту. Команда готовилась самостоятельно, без капитана вести корабль. Только в последнюю минуту, когда командир понял, что его отказ не помешает матросам выполнить задание Военно-революционного комитета, он согласился подняться на мостик.

25 октября в половине четвертого утра «Аврора» встала на якорь у Николаевского моста. Механизмы разводной части моста были приведены в действие, пролеты сомкнулись, и отряды красногвардейцев хлынули с Васильевского острова к центру города.

Утром 25 октября рабочие и матросы заняли телефонную станцию, телеграф, радиостанцию, вокзалы... Весь город, за исключением Зимнего дворца, где находилось Временное правительство, был в руках вооруженного пролетариата.

Из Смольного связной доставил на корабль пакет с воззванием «К гражданам России!». Воззвание написал В. И. Ленин. Текст исторического обращения был передан радиостанцией «Авроры» в эфир.

Днем на корабль прибыл представитель Военно-революционного комитета В. А. Антонов-Овсеенко. Он объяснил судовому комитету задачу, стоящую перед крейсером. Группе матросов «Авроры» предстояло принять участие в штурме Зимнего. Командовал этой группой матрос А. С. Неволин. Как только над Петропавловской крепостью появится красный световой сигнал, «Аврора» должна будет произвести холостой выстрел в сторону Зимнего. По этому сигналу солдаты и матросы начнут штурм.

25 октября в 21 час 45 минут из Петропавловской крепости был дан условный световой сигнал. По команде комиссара А. В. Белышева артиллерист носового орудия Евдоким Павлович Огнев выстрелил из 6-дюймовой баковой пушки...

...В ночь с 25 на 26 октября Зимний дворец был взят!

МАРИНА ШАРЫГИНА, председатель совета дружины:

— Александр Викторович Белышев, первый комиссар «Авроры», присутствовал на открытии нашего школьного музея. У нас хранится магнитофонная лента с записью его выступления. Еще он написал пожелания красным следопытам в нашу рукописную книгу: «От легендарных авроровцев — юному поколению». Там столько теплых, хороших слов написали ветераны, такая интересная она получилась, эта книга, что «взрослый» музей на «Авроре» решил переснять ее для своей экспозиции.

...Операция «Миллион — Родине» проходила у нас как обычно: собирали макулатуру. Только деньги на этот раз, решили мы, пойдут на мемориальную доску А. В. Белышеву. В колхозе «Красный Октябрь» мы убирали морковь, потому что денег, полученных за макулатуру, не хватило. Ушел человек из жизни, а память о нем осталась. Будут люди идти мимо дома и читать сделанную золотыми буквами надпись: «Здесь жил первый комиссар «Авроры» А. В. Белышев»...

Ребята из 6-го «Б» рассказывали на пионерском сборе, как ездили на завод «Красная заря», где в 30-х годах работал Александр Викторович, показывали альбом с материалами поиска. Потом выступили дочь Александра Викторовича — Галина Александровна и его внук Андрей, шестиклассник. Отряд 6-го «Б» борется за право носить имя комиссара Белышева. Весной отряд ездил на Большеохтинское кладбище, где похоронен А. В. Белышев. Посадили на его могиле цветы.

ИЗ ИСТОРИИ КРЕЙСЕРА

Гражданская война разбросала авроровцев по разным фронтам. Группа моряков во главе с А. С. Неволиным была направлена на Северный фронт. Другая группа защищала Пет-

роград от банд Юденича. Е. П. Огнев командовал партизанским отрядом под Ростовом-на-Дону. В 1918 году он пал смертью храбрых в бою с белогвардейцами... А «Аврора» в июле 1918 года была поставлена на долговременную консервацию в Кронштадтский порт.

1922 год — год комсомольского призыва. V съезд РКСМ принял постановление о шефстве комсомола над флотом. Тысячи юношей отозвались на призыв съезда и пошли служить на флот.

В 1924 году крейсер «Аврора» отправился в первое заграничное плавание. Командовал крейсером Лев Андреевич Поленов.

СИМА ШЕВКИНА, председатель совета отряда:

— Мы дружим с несколькими моряками «Авроры», которые пришли на корабль по комсомольскому призыву. М. И. Синозерский подарил нам свою бескозырку и гюйс. В. А. Штольценвальд — полевую сумку и фляжку, которыми он пользовался в годы службы на корабле. «Взрослый» музей даже позавидовал.

Давно уже нет Льва Андреевича Поленова, но мы знакомы с его сыновьями. Мы были в гостях у Андрея Львовича. Он рассказал нам об отце, показал семейный альбом. У них в роду все мужчины—моряки. Только дед капитана был врачом. И вот Андрей Львович — биолог. Зато его старший брат — тоже моряк.

ИЗ ИСТОРИИ КРЕЙСЕРА

В годы Великой Отечественной войны крейсер «Аврора» находился в порту Ораниенбаум (сейчас город Ломоносов). С корабля сняли орудия и установили их на Вороньей горе, на подступах к Ленинграду. Фашистские танки несколько раз атаковали позиции артиллеристов, но огонь авроровских пушек заставлял их отступать. Враг пустил в ход авиацию. Силы стали неравными.

Особенно отличился в этом бою расчет лейтенанта А. В. Смаглия. Моряки дрались до последнего снаряда, потом в ход пошли гранаты, бутылки с горючей смесью.

...Все они погибли смертью храбрых.

АНДРЕЙ КИРИЛЛОВ, член совета дружины:

— Теперь каждый год на Вороньей горе проходит манифестация школьников. Ветераны «Авроры» рассказывают пионерам о прошлом. Мы возлагаем цветы к памятнику, минутой молчания чтим память героев.

На Вороньей горе наша школа посвящает своих пятиклассников в красные следопыты.

В наш школьный музей приходила Антонина Григорьевна Павлушкина — жена Алексея Васильевича Смаглия. Антонина Григорьевна в войну была военврачом. Она единственная женщина, которая служила на «Авроре». В музее хранится ее портрет с дарственной надписью.

Тридцать шесть авроровцев воевали в Отечественную

войну на Чудском озере. Ребята из нашей школы ходили с Иваном Федоровичем Хариным (он тоже служил на «Авроре») в поход по этим местам. А с Василием Ильичом Бурдасовым, авроровцем комсомольского призыва, мы прошли по Дороге жизни.

Наши красные следопыты побывали почти во всех городах, где живут теперь люди, служившие на «Авроре».

Из Крыма от А. П. Ермоленко, авроровца комсомольского призыва, привезли довоенную газету со статьей об «Авроре». Экземпляра этой газеты не было даже во «взрослом» музее. Мы отдали его в музей на крейсере.

★

Совсем небольшой музей в 152-й школе, а интересных экспонатов, связанных с «Авророй», Балтийским флотом и историей нашей страны, много. В музее есть и библиотека: книги о море, о кораблях, об «Авроре». Есть книги, написанные самими моряками крейсера. Есть макеты кораблей, веревочная лестница. Ее сплел для ребят Михаил Петрович Синозерский. Мальчики здесь могут научиться вязать морские узлы.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ТУРЧАНЕНКО, капитан 2-го ранга, научный сотрудник музея:

— Мы помогли ребятам организовать музей в школе. Дали часть материалов: фотографии, фотокопии документов... Научили располагать экспонаты. Мы направляем поисковую работу следопытов. Ветераны крейсера постоянно связаны со школой. И октябрятам повязывают красные галстуки, и комсомольские билеты вручают, и уроки мужества проводят... Моряки, которые служат сейчас на «Авроре», частые гости в школе. Выступают на сборах, организуют морские викторины... Пионерские линейки дружина проводит на крейсере, а на все праздники школьники приглашают ветеранов и нас, сотрудников музея, к себе.

★

Что больше всего запоминается в школьном музее? Его создатели. Увлеченные, самостоятельные, жаждущие узнать и понять. Давно уже выросли те пятиклассники, что были первыми красными следопытами, экскурсоводами. Теперь фотография их класса — тоже история. Но интереса, энтузиазма у тех, кто ведет работу сегодня, не убавилось. И пионерские сборы они проводят замечательно, и поиск ведут умело, и фильмы о жизни дружины снимают хорошие. Потому что в 152-й школе прекрасные традиции, потому что заботливо растит пионерия свою смену — октябрят, потому что заняты ребята по-настоящему важным и нужным делом: изучением истории своего города, своей страны, истории Революции.

СЛУШАЙТЕ МУЗЫКУ РЕВОЛЮЦИИ!

Великая Октябрьская революция многих поэтов вдохновила на создание прекрасных стихов, прекрасных поэм. Они звучат на разных языках, в разных странах.

На этих страницах ты прочтешь несколько поэтических произведений, написанных поэтами нашей страны. Все стихи посвящены одной высокой теме — рождению первого в мире Советского государства. Вслушайся в их звучание, и ты почувствуешь неповторимое своеобразие каждого из них.

У Валерия Брюсова строки чеканные, торжественные, величественные. У Владимира Маяковского — то суровые, как военный марш, то задорные, как частушка, полные энергии, рвущиеся в бой. У Павло Тычины — очень лаконичные, без единого лишнего слова, четкие, решительные. Ярослав Смеляков о великом историческом событии говорит словами самыми простыми, почти будничными — стихотворение «Наш герб» напоминает народный сказ.

Выбери те стихи, которые понравились тебе больше других, и выучи наизусть ко дню рождения нашей Революции.

Какие еще стихи о Великой Октябрьской социалистической революции ты знаешь и любишь? Напиши нам об этом.

Валерий БРЮСОВ

К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ломая кольцо блокады,
Бросая обломки ввысь,
Все вперед, за грань, за преграды
Алым всадником — мчись!

Сквозь жалобы, вопли и ропот
Трубным призывом растет
Твой торжествующий топот,
Над простертым миром полет.

Ты дробишь тяжелым копытом
Обветшалые стены веков,
И жуток по треснувшим плитам
Стук беспощадных подков.

Отважный! Яростно прянув,
Ты взвил потревоженный прах.
Оседает гряда туманов,
Кругозор в заревых янтарях.

И все, и пророк и незоркий,
Глаза обратив на восток, —
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке, —
Видят твой огненный скок.

Там взыграв, там кляня свой жребий,
Встречает в смятеньи земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.

1920

Х. А. Якупов.

ЧЕЛНИНСКИЕ КРАСАВИЦЫ. (КамАЗ). 1975 год.

«Юбилею Октября посвящается» — эти слова можно отнести к трудовому подвигу токаря, завершившего годовой план на два месяца раньше; ткачихи, соткавшей тысячу метров сверх плана; комбайнера, убиравшего зерно без сна и отдыха. «Юбилею Октября посвящается» — так говорят и художники, создавая полотна, скульптуры, панно.

Два портрета — В. И. Ленина и скульптора И. Д. Шадра — взяты с выставки «Советский портрет за 60 лет», а картина «Челнинские красавицы» экспонировалась на Всесоюзной выставке прошлого года. Эти ежегодные выставки в Москве — отчет художников перед народом.

Труд художников вливается в труд всей страны.

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПАРОЛЬ— НАДЕЖДА

КНИГА ТРЕТЬЯ

Продолжение. Начало в № 10.

Рисунки С. ТРОФИМОВА

Тишина...

Тишина всегда противоборствует звуку и вместе с тем слышна. Всякая бывает тишина. Тишина теплого летнего леса, замершего перед дождем, тишина зимнего вечера, когда снежинки неслышно ложатся на землю. И тишина мертвящая, гнетущая тело и душу, — тюремная тишина. Тюремное одиночество. Почему дома не слушаешь тишину? Почему здесь хочется разорвать эту паутину тишины, от которой болят уши? Володя никогда не писал в письмах, что его угнетает тишина. Наверное, она ему помогает сосредоточиться. Надо уметь не замечать тишины, не поддаваться ее гнету.

Надо собрать волю в кулак, установить жесткий режим. Делать тысячу шагов в день. Сколько же здесь шагов? Она прислонилась спиной к двери и стала переставлять ноги, прижимая пятку к носку другой ноги. Шестнадцать ступней от двери до окна. Восемь ступней в ширину, это если к стене откинуты кровать, стол и сиденье.

С чего же начать? Прежде всего узнать, кто арестован вместе с ней, откуда идет провал. Как связаться с ним, Владимиром Ульяновым? Как связаться с волей?

Надежда Константиновна подошла к умывальнику. Наверное, здесь проходит труба, и стена должна быть полая внутри. Помнит ли она тюремную азбуку? Да, конечно, помнит. Кто за стеной? Оглянулась на глазок — закрыт. Постучала согнутым пальцем. «Кто рядом?» Ответа нет. Выстукала еще раз. Тишина. Постучала в другом месте стены. Приложилась ухом к стене. Молчание... Стучит изо всех сил: «Кто рядом? Отзовитесь! Я — Крупская. Я — Крупская». В ответ тишина. В отчаянии села на койку. За окном лил дождь. В камере было сумрачно. Что это — белая ночь или серый, пасмурный день? Часов нет. Надежда Константиновна уткнулась головой в подушку — пахнет карболкой. Все равно. Мгновенно уснула.

Проснулась оттого, что ее трясли за плечо. Рядом стояла надзирательница.

— Одетой спать не положено. Тут вам не будуар, а тюрьма. И спать до полудня тоже не положено. Извольте убрать помещение, вымыть раковину, пол и протереть пыль на мебели. Потом я принесу кипяток.

Надежде Константиновне стало почему-то весело. Ночное отчаяние смыло сном. Рассмешило слово «мебель».

— Прошу извинить, я очень устала, вот и уснула не раздеваясь.

— То-то! — сочувственно произнесла надзирательница. — Видно, впервые попалась?

— Да, первый раз. — Про себя подумала: «Надо сделать все, чтобы это был и последний раз». — А все-таки как вас зовут? Неудобно к живому человеку обращаться не по имени.

— Звать меня Марья, по батюшке Семеновна, а вы должны называть меня «надзирательница». Нас тут трое работают, посменно. Только у других не спрашивайте. Не положено. И меня называйте, чтобы другие не слышали. — Надзирательница загляделась на распушившуюся косу девушки. — Ну и косица, не видала краше. Только вылезут в тюрьме волосы, вода у нас плохая, ржавая, да и воздух здесь не тот. Ну да ладно, — спохватилась вдруг Марья Семеновна. — Не положено языком чесать, — буркнула она, словно сердясь не то на себя, не то на арестованную. — Сменщица сейчас придет.

Гремя ключами, она пошла к двери, переваливаясь на тяжелых, видимо, больных, ногах.

Уборка «помещения» заняла несколько минут. Туалет, гимнастика, прическа — еще несколько минут. Можно было бы натереть полы, но нечем. На все про все уйдет час, спать восемь часов, а остальные пятнадцать часов куда девать? И никто не отзывается по соседству. Постучала в стену, не надеясь на ответ. «Кто рядом?» И вдруг, как сверчок: дробные, слабые удары. «Нев-зо-ро-ва», — прошептала Надежда Константиновна и застучала костяшками пальцев, путая буквы, волнуясь. «Зина, это я, Надя». «Надюша!» «Зинушка!» Перестук веселил душу. Надежда Константиновна словно видела сквозь стену свою задушевную подругу, ее яркие глаза, видела, как смеется она и, наверное, одновременно плачет. Надежда Константиновна глотала рыдания, комом подступившие к горлу. Какое счастье! Всего в нескольких вершках от нее рука друга. «Я стучала тебе ночью, почему не отвечала?» — спрашивает Надя. «Спала как убитая», — слышит в ответ. «Кого еще взяли?» — спрашивает Зина. «Пока не знаю». «Как себя чувствуешь?» «Сейчас хорошо. Учти, что выдал провокатор, давай подумаем, кто это, кто-то рядом с нами или среди нас».

Провокатор! Что может быть грязнее, презреннее, трусливее и опаснее его. Враг идет с открытым забралом. Провокатор — это враг, надевший маску друга. Он рядом. Он куплен врагами, он продает за серебреники и чечевичную похлебку свою совесть. Провокатор приходит в наше общество как друг, но уже где-то тронутый червоточиной. Врагу в наши ряды доступа нет. Поэтому он ищет лазейку, он ищет людей среди нас, людей с изъяном совести, с червоточиной.

Человек любит выпить. Враг помогает ему сделаться алкоголиком. Любит деньги. Враг сделает так, чтобы запутать этого человека в долгах и потом предложить «помощь», предложить деньги, чтобы спасти от долговой тюрьмы, от общественного позора и «честно» отработать эти деньги в качестве осведомителя полиции.

Враг нащупывает элементы трусости, неустойчивости, и тогда арест. В тюрьме угрозы, что упекут надолго в Сибирь, засадят в крепость, семья будет обречена на нищету. А если согласишься работать на царя-батюшку, на полицию, обещаются свобода, деньги, почет.

Вот, например, Михайлов. Его разоблачил Владимир Ильич. Этот Михайлов был студентом, участвовал в студенческих выступлениях в Харьковском университете. Был членом студенческой корпорации. В 1891 году, во время

3. «Пионер» № 11.

страшного голода в России, собирал деньги на помощь голодающим. Собрал большую сумму, и эти деньги прельстили его душонку... В руках неимущего студента оказалась вдруг большая сумма. Деньги, которые должны были спасти умирающих от голода детей.

Но притягательная сила денег была превыше всего — так приятно хрустели ассигнации в распухшем бумажнике, который всегда был пуст. Михайлов хвастался «своим» капиталом перед однокашниками. Дружки ахали. Уговорили пойти в ресторан и покутить, а потом собрать деньги, когда получат от родителей очередные переводы, и возместить. «Я не Христос, — успокаивал свою совесть Михайлов. — Все равно всех голодных не накормишь, каждому голодающему едва ли достанется по зернышку, а для меня...» Так понемногу, каждый день Михайлов прокучивал эти деньги.

И это стало известно полиции. «Куда вы, господин студент, девали деньги, собранные вами для голодающих? Сдали в кассу? Нет. Об этом станет известно обществу, благотворителям, которые давали деньги. Знаете ли, что с вами сделают сами голодающие, когда узнают, что вы пропили их деньги? Они разорвут вас на куски, от позора не скроетесь, общество отвернется. Ах, как не стыдно прокутить деньги, собранные для голодных, трупы которых не успевают убирать с улиц».

Михайлову было стыдно, мерзко, гадко, он боялся расправы, боялся позора. Но бумажник был пуст. Пополнить растрату было нечем. Друзья, которые вместе с ним пили и ели, исчезли. «А вы еще участник студенческих беспорядков, — мягко напоминал жандармский чиновник. — Вам верят рабочие, связанные с социал-демократическими кружками, куда вы тоже имеете доступ; нам все это известно, и вам грозит двойное наказание и как растратчику и как бунтовщику.

Желаете обрести душевный покой, уважение в обществе, любовь рабочих? Мы вам в этом великодушно поможем. Мы дадим вам деньги, вы их торжественно сдадите в кассу для голодающих и потребуете привлечения к ответственности клеветников, которые распространяли позорящие вас слухи, называли вас растратчиком. Вы в глазах общества станете жертвой клеветы, вы пойдете искать защиты в рабочих кружках и скажете им, что вам мстят как бунтовщику за ваши идеи, ваши убеждения. Вас социал-демократы примут с распростертыми объятиями.

Но... деньги даром не даются. Вы же понимаете. Вы уже свернули с той дороги честного студента, на которую когда-то ступили. Вы падаль, которую мы подбираем, мы возвращаем вам жизнь, честь и деньги, но за это вы будете служить нам верой и правдой. Вы будете нашим информатором, вы будете нам рассказывать, что затевают социал-демократы.

Мы разрешаем вам выступать с антиправительственными речами, ругайте и поносите нас в среде рабочих, как вам будет угодно — мы вам это разрешаем. Мы вас не тронем, но каждую неделю, если понадобится, то и каждый день, вы будете писать нам донесения. Если попробуете что-либо утаить, обмануть нас, тогда вам несдобровать: вы исчезнете с лица земли, и никто не найдет вашего праха.

Выхода у вас нет, господин Михайлов. Вы кончаете зубоврачебный факультет, мы поможем вам создать собственный зубоврачебный кабинет. Этот кабинет станет конспиративной квартирой для революционеров, это будет наша ловушка. Но, предупреждаем, работать с нами надо честно».

И Михайлов согласился. Каждую неделю он строчил донесения на своих вчерашних товарищей, прикидывался другом рабочих и предавал их. Он безбоязненно говорил о необходимости вести борьбу против царского режима, против полиции, бояться ему было нечего. Его охраняла полиция, а те, кто откликался на его призывы и готов был отдать свои знания и ум за дело рабочего класса, брались на учет полиции.

Михайлов переехал в Петербург, связался с народовольцами. Полиции надо было выявить тайную типографию, в которой печатались не только народовольческие, но и социал-демократические боевые, революционные брошюры и листовки. Через народовольцев Михайлов стал близок к социал-демократам, к их центральной группе.

Когда были арестованы Ульянов, Кржижановский, Запорожец и другие, из перечня предъявленных им обвинений Владимир Ильич пришел к выводу, что полиция располагала сведениями, добытыми через провокатора. Анализ привел его к выводу, что этим провокатором является Михайлов.

Но не так-то легко было Владимиру Ильичу бросить обвинение человеку в таком страшном преступлении. Улик против Михайлова много, но как бы не ошибиться. Владимир Ильич, как юрист, знал, какие коварные стечения обстоятельств бывают в юридической практике. И кропотливо, перебирая факт за фактом, переписываясь с товарищами по тюрьме, с болью в сердце, с гневом и гадливостью он пришел к окончательному выводу, что Михайлов — агент полиции. И из тюрьмы он написал товарищам на волю предупреждающее письмо. Михайлов был разоблачен и отстранен от всех дел.

Но Михайлов не был связан с учениками и с социал-демократами — учителями Варгунинской школы. Значит, был другой провокатор. Кто же? Кто?

Надежда Константиновна стоит посреди камеры и по очереди вызывает в памяти каждого из своих учеников, каждого товарища. И они предстают перед ней.

Фрося? Вот она, крепкая и сильная, утопившая свое горе в работе, преданнейший друг, одна из замечательных женщин-организаторов. Надежда Константиновна готова просить прощение у этой славной женщины за то, что вызвала ее.

Но надо перебрать в памяти всех, всех до единого. Кто носит маску друга? И перед На-

деждой Константиновной проходит вереница людей. Каждому она заглядывает в глаза, анализирует его поведение. Нет, не может быть. Не этот. Не тот.

Но вот Рудаков... Он был одним из связных Надежды Константиновны, ее ученик. Решил уехать в деревню. Рекомендовал вместо себя своего приятеля с Александровского механического завода Павла Пономарева. Надежда Константиновна познакомилась с ним. У него оказалась удобная квартира для конспиративных встреч. Жена — простая, милая женщина. Пономарев был еще зеленый, не искушенный в политике и конспирации человек. Надежда Константиновна кропотливо занималась с ним и его женой. Спрашивала о знакомых, которых можно привлечь к работе.

Пономарев указал на своего кума, соседа по дому — Ларионыча, владельца слесарной мастерской. У него в мастерской, заваленной разной железной утварью, в подвале, можно было хранить нелегальную литературу... Когда началась забастовка, он вносил деньги в стачечный комитет, а затем заявил Пономареву, что решил «к чертовой матери» продать свою мастерскую и деньги передать в рабочую кассу, а самому пойти работать на завод. Не хочет он жить на отшибе от всего рабочего люда.

Пономарев уговаривал его не делать этого, потому что больше пользы принесет, если прикроет своей вывеской подпольную типографию, которую намерены организовать социал-демократы. Ларионыч дал себя уговорить. Ворчал, что не дают ему возможности показать себя, принять участие в общем деле так, чтобы все видели, каков он.

Пономарев и его жена ценили такую дружбу. И не было от Ларионыча секретов. Ларионыч стал первым советчиком, первым помощником: оборудовал у себя в мастерской подполье, где могли бы собираться руководители рабочих организаций. На вопросы Надежды Константиновны о Ларионыче Павел Пономарев и его жена твердили одно: отец родной.

Не этот ли отец родной выдал ее, а стало быть, членов стачечного комитета, и Зину, и Лиру Якубову? Она сама видела Ларионыча мельком у Пономарева. Не понравились его глаза — угодливые, бегающие, заискивающие. Но дело было горячее. Листовки надо было печатать каждый день, и хранить их, и распространять, и Надежда Константиновна всецело положилась на Пономарева. Ему-то она верила. Досконально проверить Ларионыча не было тогда просто физической возможности.

Надя стучит Зине: «Выдал, по-моему, Ларионыч». «Я думаю, Пономарев», — отвечает Зина. «Нет, нет, нет». За честность Пономарева Надежда Константиновна спокойна. Беспокоит его судьба. Наверное, и его загребли в ту ночь...

Первую неделю свиданий не разрешают. Когда же она свяжется с Владимиром Ильичем, когда увидит мать?

«Меня вызывают на допрос», — стучит Зина. На допрос! В любой день могут вызвать и ее, Крупскую. «Надо подготовиться. Надо подготовиться», — шепчет про себя Надежда Константиновна и начинает отсчитывать первую тысячу шагов по камере.

В школе Варгунина

2 сентября 1896 года в распахнутые двери варгунинской школы рабочие втягивались сплошной массой еще задолго до начала занятий. Хотелось до звонка узнать, что же осталось от школы после массовых летних арестов. По тракту ходили слухи, что всех учителей арестовали и что школа будет закрыта как «крамольная».

Николай Александрович Варгунин и директор Вячеслав Яковлевич Аврамов пришли сюда спозаранку. Оба сильно волновались: а ну как напуганные карательными мероприятиями рабочие побоятся теперь пойти в школу? Из шестидесяти восьми учителей мужских и женских классов осталось двадцать семь. Сорок один преподаватель выбыл из школы. Большинство из них было арестовано, а другим министерство народного просвещения выразило политическое недоверие и запретило заниматься преподавательской работой.

Но опасения их были неосновательны. Пришли все учащиеся, пришло много новых, пришли и те, которые окончили когда-то эту школу.

Прозвенел звонок.

Варгунин с Аврамовым обошли классы. В младших было битком набито, на скамейках для четверых сидели по шесть человек и больше. Николай Александрович и Вячеслав Яковлевич зашли в старший класс. Здесь занята едва ли половина мест. Староста класса Зиновий Трофимов, рабочий стеаринового завода, сам похожий на истаявшую восковую свечу (болел туберкулезом), встал и доложил попечителю и директору:

— На занятия не явились двадцать два человека по уважительному случаю — засадили в кутузку за участие в забастовке, за то, что встали на борьбу против нищеты и произвола.

— Понятно, понятно, — остановил Николай Александрович, чувствуя, что начало занятий может превратиться в митинг протеста. В классе уже поднимался гневный гул голосов.

— Где наша Кстинна? Надежда Кстинна? Наша учительница? — раздались голоса.

— Она арестована! — ответил Варгунин глухим голосом.

Рабочие отметили, что попечитель школы за это лето сдал, лицо у него было желтое и отекшее, под глазами набрякли тяжелые водянистые мешки.

— Не можем мы без нее, никак не можем, — сказал Зиновий Трофимов. — Мы напишем про-

шение, поручимся за нее всем классом, попросим, чтобы вернули ее нам. Как же мы теперь без нее?

— Все подписи поставим, — произнес кто-то.

— Все подпишем, — подтвердили другие.

Варгунин снова сделал предупреждающий жест.

— Это не поможет, и мы не имеем права вмешиваться, навлечем на школу новую беду. Соединим классы и будем продолжать учиться.

— Обдирают нас, как липку, а мы должны молчать? — спросил гневно старый ткач с фабрики Торнтона.

— Приступайте к занятиям, перейдите в соседний класс, — распорядился Аврамов. — Не тратьте попусту время.

— Желаю вам успеха, — произнес Варгунин, торопясь уйти из класса.

В коридоре он прислонился к стене. Одышка мешала ему идти.

— Совсем другие стали наши ученики, взбудоражила умы им забастовка, — сказал Аврамов.

— Они почувствовали себя людьми, — ответил Варгунин. — И вы заметили, Вячеслав Яковлевич, что посадили в тюрьму и отчислили из школы самых талантливых преподавателей. Что это, случайность? Именно самые способные, любимые учениками, самые опытные педагоги оказались у полиции и в министерстве просвещения в «черных» списках. В ряды революционеров и руководителей забастовки встали самые лучшие ученики. Этот Зиновий Трофимов недавно перешел к нам на тракт, его еще не успели раскусить, а он тоже талантлив. Я очень сожалею, что Надежду Константиновну Крупскую постигла такая участь... Я видел ее девочкой, когда приезжал к своему брату в Углич. Ее отец, Константин Игнатьевич, работал у моего брата фабричным инспектором на бумажной фабрике. Красивый и достойный человек. Я был поражен, встретив такого высокообразованного человека в медвежьем углу; я тогда писал кандидатскую диссертацию «О рабочих союзах Англии» и, представьте себе, нашел в лице Константина Игнатьевича блестящего оппонента. Он отлично был осведомлен о положении рабочих в Европе, о трудовом законодательстве, о профсоюзах. Дочь пошла в отца...

— Но зачем ей губить свой талант педагога и лезть в политику? — спросил Аврамов. — Разве ей и другим ее коллегам не доставляло удовлетворения просвещать рабочих, делать их грамотными, мыслящими людьми?

— Вот именно, — ответил Варгунин. — Она их делала мыслящими, и сама она глубоко мыслящий человек. И, вы подумайте, на уроки закона божьего к отцу Серафиму мы насильно загоняли учеников, а у таких преподавателей, как Крупская, ни один ученик не покидал школы. Кстати, отец Серафим потребовал расчета, заявил, что не желает брать грех на душу и служить в крамольной школе. Вы считаете его мыслящим человеком?

— О нем ученики жалеть не будут, даже не вспомнят, — согласился Вячеслав Яковлевич. — Подали прошения об отчислении из школы две учительницы — Савостьянова и Крутогорова. Одна занималась нумизматикой, а другая учила «от сих до сих». Что потеряла с их уходом школа? Ничего, кроме двух равнодушных людей.

Вячеслав Яковлевич заметил, что пот крупными каплями покрыл лоб Варгунина.

— Где наша Кстинна?
Где наша учительница?

— Очень я беспокоюсь за вас, Николай Александрович, вы дурно выглядите, и, по-моему, у вас неважно со здоровьем.

— Да, — признался Варгунин. — Что-то сердце шалит, я, пожалуй, пойду домой.

— Проводить вас?

— Нет, нет, я сам.

Николай Александрович шел домой, как всегда, пешком. Но вопреки обычаю он не замечал прохожих, не отвечал на приветствия. Он находился под тягостным впечатлением сорока пустых стульев с узкими черными спинками в его кабинете. Во время заседаний педагогического совета они никогда не пустовали. На этот раз не было веселого шума, как всегда, когда учителя

после каникул собирались перед началом занятий на первый педсовет. Сорок пустых стульев стояли, словно вжавшись в стены.

Варгунин почувствовал, что ноги у него стали ватными, потеряли упругость, перед глазами замелькали черные клочья копоти, мелкие мушки, которые он досадливо отгонял ладонью, но они не исчезали. Сердце билось натруженно, словно кувыркалось в груди. Понял, что неладно с головой, со зрением... Он присел на первую попавшуюся скамейку, прикрыл глаза ладонью, а мушки, хрустальные брызги и темные спинки стульев всё кувыркались, мелькали перед глазами.

Кто-то подошел, обхватил его за плечи, Николай Александрович услышал встревоженные голоса и открыл глаза. Вокруг него столпились рабочие и работницы. Каждый из шестидесяти тысяч жителей Шлиссельбургского тракта знал Варгунина.

Николай Александрович посмотрел на людей, смущенно улыбнулся.

— Ничего, ничего. — Присел на скамейку, задумался.

— Побелели вы очень. Лица на вас нет... Неможется? — слышались голоса.

Варгунин встал.

— Нет, нет, что вы, право! Вон какая жара стоит, а я толстый, ну и разморило меня.

— Школу-то не закроют? — спросил мужской голос.

— Сегодня начала работать и будет работать, как всегда, — твердо ответил Варгунин.

— И читальня?

— Обе читальни открыты. Через месяц в зимнем театре начнутся представления. Ребятишки хорошо лето провели?

— Да уж спасибочко вам, Николай Александрович, столько забав устроили для ребят. Благодарствуем.

Варгунин поторопился уйти. Он всегда чувствовал себя неловко, когда его благодарили, считал, что он в долгу перед рабочими, особенно перед их детьми.

Он был создателем «Невского общества устройства народных развлечений», народного парка для гуляний, зимнего театра, детского парка, которые за одиннадцать лет обслужили около миллиона человек.

Теперь над всем этим нависла угроза.

Понимал ли он, Николай Александрович Варгунин, что в его школе ведется социал-демократическая пропаганда, что школа стала базой, прикрытием для революционной деятельности? Да, понимал. Он знал всех революционеров и среди учителей и среди учеников. И что же? Старался «не видеть», «не слышать». Молчал. Оставался нейтральным. Понимал, что все учительницы, которые сейчас заключены в тюрьму, — Крупская, Невзорова, Книпович, Мещерякова, и рабочие — воспитанники школы, вернее, воспитанники этих учительниц — Иван Бабушкин, Борис Зиновьев, братья Бодровы и все другие — являются участниками революционной организации. Сочувствовал им, но считал своей первейшей обязанностью просвещение рабочего, обучение его грамоте. Сам готовил благодатную почву для восприятия марксизма.

Маркса читал, учение великого мыслителя потрясло его, взволновали слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». «Манифест Коммунистической партии» читал и перечитывал с огромным волнением, но понимал, что сам бойцом стать не может.

Во время петербургской стачки рабочие его фабрики тоже бастовали. И тогда с болью в сердце он почувствовал, что сидит между двух стульев, что положение его двусмысленно. Демократ и... капиталист. Просветитель и... эксплуататор.

Рабочие на его фабрике работали тоже по двенадцать-тринадцать часов. Правда, большую долю своей прибыли он отдавал на дело просвещения, на читальни, на театр, на развлечения для детей. В одну только школу за десять лет он вложил более двадцати пяти тысяч рублей. Но все же солидная толика осталась ему одному... И живет он не в казарме, а́, прямо скажем, в роскошной квартире и ездит отдыхать и лечиться на воды за границу, дома имеет много прислуги.

Но нет в его жизни интереса выше, чем видеть рабочих просвещенными, достойными человеческого, а не рабского существования. Была бы его власть, он установил бы восьмичасовой рабочий день, как в Европе, построил бы удобные жилища для рабочих, но его капитала на это не хватит, да и не может он стать уж совсем белой вороной среди своего класса капиталистов.

Он очень дорожил уважением рабочих, больше, чем льстивым низкопоклонством чиновников в городской управе. Николай Александрович любил Россию, ненавидел бездельников, угодливых чиновников, с брезгливостью относился к полиции и жандармерии и знал цену рабочему человеку.

На его глазах токарь Ваня Бабушкин вырастал в рабочего-вожака, в интеллигентного рабочего. Умный, зоркий, острослов, влюбленный в книгу, он завоевал завидный авторитет среди рабочих. Варгунин радовался за Бабушкина и опасался за его судьбу.

Не мог без душевной боли вспоминать и о Надежде Крупской. Красивая, глубокая натура, талантливый педагог, обладает большими знаниями, высокой культурой. Россия должна гордиться такими девушками. А она сидит в тюрьме.

Варгунин знал, что после занятий Крупская остается с избранными ею учениками и не задачи по арифметике решает вместе с ними, а что-то более важное, что касается не только школы, но и переустройства всей жизни. Но он никогда ни о чем у нее не спрашивал.

Кто-то из угодливых преподавателей однажды пришел к Варгунину и «из самых благородных побуждений» стал рассказывать о «тайных сбо-

рищах», которые устраивает учительница Крупская. Николай Александрович резко оборвал доносчика и заявил, что все вопросы, касающиеся школы, они обсуждают на педагогических советах, а доносы он не желает слушать.

...И снова мушки, осколки хрусталя, черные спинки стульев закружились перед глазами Варгунина. Но вот уже дом. Он схватился за перила лестницы. Прислуга распахнула дверь.

Допрос

Двадцать два дня Надежда Константиновна ждала вызова на допрос. Чтобы не потерять счет дням, она каждое утро ручкой ложки делала еле заметную царапинку на стене, покрашенной масляной краской. Серая оловянная ложка стала палочкой-выручалочкой. Костяшки пальцев уже не выдерживали перестукивания, покраснели и распухли. Потом догадалась — стала перестукиваться ручкой ложки... Зина, видно, тоже нервничала: ее тоже не вызывали на допрос. «Испытывают наши нервы», — отвечала Надя.

Второго сентября Надя проснулась ночью. По звездному небу она сориентировалась, где запад, где восток. Лежала с открытыми глазами и не отводила взгляда от серенького облака, которое медленно ползло за окном с севера на юг.

Сегодня понедельник. Начинаются занятия в школе. Всегда с нетерпением ждала она этого первого дня занятий, встречи со своими учениками. Последние пять лет это был самый счастливый день в ее жизни. Кто сегодня придет в классы, кто будет вместо нее вести урок?

Раздался дробный стук в стену. Зина.

— Доброе утро!

— Доброе утро! Сегодня первый учебный день. Как они без нас?

— Горько плачу, — отвечает Зина.

— Мы еще вернем... — Надя сунула ложку под подушку. В дверях загремел засов.

Надзирательница вошла с тяжелым чайником, налила в кружку кипяток.

— Поторапливайтесь. Сейчас за вами придут.

Надя поспешно умылась, заплела косу, выпила теплую бурду, заела четвертушкой баранки.

Снова загремел засов. В двери появился жандарм.

— На допрос! Руки назад!

Надя вдруг почувствовала, что все приготовленные ответы на придуманные ею вопросы, которые ей должен будет задавать следователь, вылетели из головы... Шли долго, спускались, поднимались и снова спускались. Два раза становилась лицом в угол. Благословляла длинный путь: за это время пришла в себя, снова обрела уверенность. Перед входом в кабинет машинально пробежалась тонкими пальцами по пуговицам блузки. Усмехнулась: проверяла не платье, проверяла волю и поняла: зашнурована натуго, выдюжит.

Перешагнула порог кабинета и первое, что увидела в окно — людей, шагающих там, на улице, на воле. Ее вдруг охватило чувство, что от нее, именно от нее, от того, как она будет держаться сейчас, зависит дальнейшая судьба революционного движения. «Ты продолжаешь борьбу», — сказала она сама себе.

Затем, чуть прищурив близорукие глаза, рассмотрела двух мужчин, которые вызвали ее на допрос: одного с погонами подполковника в жандармской форме, второго — в синей форме прокурора.

Когда она вошла, они оба машинально встали.

— Подполковник отдельного корпуса жандармов Филатьев — четко и раздельно, словно отдавая рапорт начальству, отрекомендовался первый.

— Товарищ прокурора Петербургского окружного суда Носович, — вежливо поклонился второй.

Предложили стул.

«Все понятно, — подумала Надежда Константиновна, — готовятся разговаривать как с барышней, как с заблудшей овечкой. Прием оказан, как на светском рауте. Вызов принимаю».

— Вы успели позавтракать? Не желаете чаю? — осведомился подполковник.

Надежда Константиновна сквозь зубы процедила:

— Благодарствую, я завтракала.

— Курите?

Она отрицательно покачала головой.

— У вас нет жалоб на содержание в тюрьме, на обращение с вами надзирателя, нет претензий к тюремной администрации?

— Нет... нет... нет... — кратко отвечала Надежда Константиновна.

Помощник прокурора с нескрываемым восхищением посмотрел на ее косу. Надежда Константиновна перекинула ее назад.

— Итак, приступим к делу, — сказал Филатьев и, отставив в сторону мизинец, захватил в щепоть ручку, обмакнул в чернильницу и внимательно оглядел подследственную, словно собирался рисовать ее портрет. На мизинце у него был длинный, чуть загибавшийся ноготь, руки цепкие, а большой палец неожиданно короткий, толстый, и ноготь на нем короткий, широкий. Расчесанные на прямой пробор русые, смазанные не то бриллиантином, не то маслом волосы, такие же напомаженные, словно приклеенные над верхней губой усики, нос с широко распахнутыми ноздрями делали его похожим на актера из провинциального театра. Больше ему подходила бы косоворотка и гармонь в руках, чем жандармский мундир, воротник которого, кстати, натер ему красный рубец на шее.

Помощник прокурора — темноволосый, с узким болезненным лицом, обрамленным темной бородкой, — сидел у края стола, заложив ногу за ногу и переводил взгляд с подполковника на подследственную, оставаясь пока наблюдателем.

— Крупская Надежда Константиновна... 28 лет... Дочь коллежского ассесора... Дворян-

ка... Православная,—отвечала Надежда Константиновна на вопросы подполковника.

— Вы, мадемуазель Крупская,—почти ласково сказал Филатьев,—обвиняетесь в том, что принадлежали к преступному, антигосударственному сообществу, носящему название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Перед Надеждой Константиновной вдруг возник образ ее отца. Почти четверть века тому назад его вот так же допрашивали в Варшавской судебной палате. Константин Игнатьевич Крупский, не имея адвоката, сумел тогда сам из двадцати двух пунктов обвинения доказательно отвергнуть двадцать один пункт. Но он был образованным юристом, он знал, как пробираться в лабиринтах судебного законодательства Российской империи. И позже, семь лет спустя, он в Сенате, тоже без адвоката, защищал себя сам и сумел снять последний пункт обвинения. Судьям не удалось установить его связь с I Интернационалом, с Карлом Марксом. Теперь ее, Надежду Крупскую, дочь руководителя революционной организации «Земля и Воля» в 25-й дивизии, связавшего свою судьбу и судьбу своей семьи с великими задачами Международного товарищества рабочих, обвиняют в том, что она является членом революционной марксистской организации, распространяет учение Маркса, которому служил и ее отец.

Здесь, в этом кабинете дома предварительного заключения, вот уже девять месяцев ведут следствие по делу Владимира Ильича Ульянова и его товарищей. Не однажды, наверно, он сидел на этом самом стуле перед этим следователем. Но Владимир Ульянов, как и Константин Крупский, тоже по образованию юрист. Ему под силу состязаться со следователем и прокурором. Он знает, как отвечать на вопросы следователя, чтобы не выдать своей руководящей роли в организации, чтобы отвести обвинение от товарищей, не вовлечь в дело других людей, отвести обсуждение вопросов, которые должны решать не царские чиновники, полиция и прокуроры, а рабочий класс.

А как же быть ей, Надежде Крупской, не имеющей понятия о юрисдикции? Чем вооружена она против этих опытных законников? У нее единственное оружие—убежденность в своей правоте, и она должна сделать все возможное, чтобы не дать в руки следствия ниточки, по которой они могут раскрыть организацию. Итак, держись, Надежда, сказала она сама себе, и ей захотелось, чтобы эти царские чиновники, как приговор себе, произнесли еще раз название организации, к которой она принадлежала.

— Как вы назвали преступное сообщество?—спросила она.

— «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»,—повторил следователь.

— Первый раз слышу о таком «Союзе»,—спокойно ответила ему Надежда Константиновна.

— Нам точно известно, что вы принадлежали к социал-демократическому сообществу и вовлекали в него рабочих.

— Нет, ни к какому сообществу я никогда не принадлежала.

— Вы встречались с рабочими?

— Да, конечно. Я пять лет учительствовала в вечерней воскресной школе.

— Вот именно,— обрадовался чему-то Филатьев,—вы вовлекали рабочих в марксистские кружки.

— Помилуйте, я преподавала арифметику и географию, давала частные уроки гимназисткам, работала в Главном управлении казенных железных дорог, а вы почему-то решили, что я принадлежала еще к каким-то трем организациям — к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», к социал-демократам и к марксистским кружкам. Право, вы преувеличиваете мои силы и возможности.

— Ваше запирательство излишне. Нам все известно. Вот посмотрите, кто из этих лиц вам известен?—Филатьев вынул из конверта пачку фотографий и разложил на столе. Беглого взгляда было достаточно, чтобы узнать всех своих товарищей по «Союзу».

Надежда Константиновна, прищурившись, брала по очереди каждую фотографию, вглядывалась в нее. Узнала Кржижановского, Запорожца, Ванеева, Старкова, Невзорову Зинаиду и ее сестру Софью.

— Это все студенты и слушательницы Бестужевских курсов, с которыми я встречалась на вечеринках, на балах в Дворянском собрании, но уже давно никого из них не видела. Разве является преступлением для молодых людей встречаться, танцевать, петь, ходить в театр, кататься на лодке? — вскинула она спокойные, ясные глаза на Филатьева.

— А другие вам известны?

Крупская брала по очереди фотографии, долго всматривалась и произносила:

— Нет, не знаю... Не знаю...—откладывала в сторону фотографии Шелгунова, Зиновьева, Бауэра и других. Вгляделась в фотографию Бабушкина.— Этот, кажется, учился у меня в классе, но забыла его фамилию. За пять лет через классы, где я преподавала, прошли сотни учеников, разве всех запомнишь?

— У вас бывали на квартире ученики из рабочих?

— Нет, никогда.

— А вы у них бывали?

— Кое у кого бывала. То книгу в библиотеку забыл сдать, то заходила, чтобы выяснить, почему перестал посещать школу.

— А по какому делу вы ходили к Пономареву в дни забастовки текстильщиков, что вы там делали?

— Забастовка была летом, когда школу распустили на каникулы, я ездила к своей тетке в Полтаву и, разумеется, ни к кому из своих учеников ходить не могла, просто не было надобности. Летом все учительницы отдыхают. А вот сегодня начались занятия, и я вместо того, чтобы объяснять ученикам таблицу умноже-

— *Вы обвиняетесь в том, что принадлежали к антигосударственному сообществу...*

ния, по какому-то недоразумению нахожусь здесь, — сказала Надежда Константиновна.

— И заставляете нас заниматься чистописанием, — добавил прокурор.

Филатьев вызвал конвоира.

— Уведите арестованную.

Подполковник с прокурором остались вдвоем.

— Ну, что скажете? — спросил Филатьев.

— Не похожа на революционерку: спокойна, при обыске ничего не найдено. Может быть, «Паяльник» спутал ее с кем-то? — поинтересовался прокурор.

— «Паяльник» докладывал, что после каждого посещения Крупской Пономарев приносил ему на хранение нелегальную литературу.

— Но «Паяльник» не принимал эту литературу лично из ее рук.

Михайлов тоже на нее показывал как на весьма деятельного члена сообщества, чуть ли не руководителя. Была тесно связана со всей группой «центра», часто встречалась с Ульяновым. Наружное наблюдение установило, что Ульянов каждое воскресенье заходил к ней.

— Ну и что же? Разве у такой красивой девушки не могут быть поклонники? — спросил прокурор.

— Я полагаю, что ее нужно будет освободить и проследить тщательно за ее связями. Сделаем вид, что поверили в ее невиновность, тогда она будет действовать более свободно, проследим за ней и тогда решим окончательно.

— Ее показания, как две капли воды, сходятся с показаниями Невзоровой, а виновность Невзоровой полностью установлена. Невзорова сидит в соседней камере, не перестукиваются ли они? Может быть, именно Невзорова является руководителем, а Крупская исполнителем. Поэтому я просил бы ваше превосходительство распорядиться перевести Невзорову в Петропавловскую крепость, она нам тут мешает. Крупскую мы всегда можем взять снова.

— Согласен, — сказал прокурор.

10 сентября Филатьев явился к Крупской в камеру.

— Мадемуазель Крупская, мы не нашли ничего, что бы подтверждало вашу преступную деятельность, и решили вас освободить. Честь имею кланяться. Надеюсь, вы не будете на нас в претензии за то, что месяц с лишним заставили вас пробыть взаперти. Ошибки в нашем деле неизбежны.

— Другого исхода я и не ожидала, — спокойно ответила Надежда Константиновна, но поняла, что надо быть настороже.

Зина на второй день после допроса Надежды Константиновны из камеры исчезла.

— Меня переводят! — только и успела она выстукать.

Куда переводят? В крепость?

Свобода не обрадовала Надежду Константиновну. К ней приставили сразу нескольких филеров, которые неотступно следовали за ней днем и дежурили у ворот ночью.

Егор

Егора схватили на улице, когда он вышел из домика Пономарева и только успел завернуть за угол. Дюжие полицейские закрутили ему руки за спину, засунули кляп в рот и поволокли в стоявшую поодаль пролетку.

«Чистые бандиты», — подумал Егор. Мысли вихрем неслись в голове. Что делать с листовками? На квартире Пономарева Егор был всего второй раз, пришел туда «чистый», без хвоста. Выдал кто-то? Как предупредить Надежду Константиновну, чтобы не ходила к Пономареву? Что говорить в полиции?

Его повели по коридору и втолкнули в какую-то комнату с зарешеченными окнами, уставленную столами. Полицейские сновали взад и вперед. Высокий худой полицейский чиновник встал из-за стола и, подергивая левым плечом, подпрыгивающей петушиной походкой подошел к Егору, молча уставился на него. «Двинуть его плечом, враз свалится! Нет, ни к чему это», — решил Егор. Чиновник, видно, начальник, приказал развязать арестованному руки, раздеть и обыскать. Он пошел за свой стол, дергая плечом и головой. «Вот чертова дрыгалка», — подумал Егор.

Полицейский сорвал с него пиджак, да так рванул, что у Егора плечо заломило.

— Потише ты, фараон!

— Что ты сказал, а ну повтори! — вызверился полицейский.

— И повторю, что вы есть фараон, то есть царь из Древнего Египта, — невозмутимо ответил Егор.

Полицейский раздевал Егора, не щадя пуговиц.

— Ишь ты, социалист, а с крестом на шее, — визгливо рассмеялся Дрыгалка.

Егор сорвал с шеи суровую нитку, на которой висел медный крест, и бросил на пол. Носил его с детства, носил и когда стал социал-демократом — так посоветовала сестра Фрося: «Пойдешь в баню, увидят, что без креста, сразу разговоры пойдут. Носи для конспирации». «А мне что, — сказал тогда Егор. — Авось не тяжелый, не вериги. Буду носить».

— Тэк-с, — сказал Дрыгалка. — Запишем в протокол. Не успел порога бастиона переступить, как начал богохульствовать, грубиянить.

«Бастион! — уловил Егор. — Так, значит, я в Трубецком бастионе».

Он яростно сопротивлялся унизительному обыску, не раскрывал рта и прищемил крепкими зубами пальцы полицейского, когда тот полез ему в рот.

— Эге! — воскликнул тюремщик. — Да парень-то с начинкой.

Он снял с Егора широкий пояс, который сшила ему Фрося из холстинкового полотенца с простроченными карманами, чтобы закладывать в них листовки.

Дрыгалка подошел, взял в руки полотенце, набитое листовками, взвесил его на руке.

— Знатный патронташ! — сказал он. — Туго набит патронами.

«Что правда, то правда, — подумал Егор. — Наши листовки — они и есть пули против таких, как ты, мерзавец. Ишь обрадовался, рассматривает и улыбается, словно его к генеральскому званию представили. А ну-ка, почитай, что про тебя и таких, как ты, там написано».

Егор невольно вздохнул. Жаль ему было этих листовок. Забастовка шла на убыль, и листовки должны были поддержать дух рабочих, вселить в них веру. Их ждали. Ждали пуще хлеба. И сейчас ждут его, Егора; на Торнтоне ждут, на Максвелле ждут, а он очутился в Петропавловской крепости.

Тюремщик швырнул Егору штаны, куртку, халат.

— Облачайся.

Егор выплюнул кровавую слюну, долго отплевывался от тошнотворного запаха пальцев полицейского.

Дрыгалка вскипел.

— Здесь плеваться не разрешается. Это тебе не трактир и не казарма.

— А в рот человеку залезать погаными лапами дозволено? — вызывающе ответил Егорка и еще раз плюнул.

— Пожалуй, для начала его в карцер на трое суток, пусть там подумает.

Тюремщик грубо толкнул арестованного.

— А ну, окороти свои руки, — обозлился Егор. — Жалобу на всех вас напишу.

Дрыгалка рассмеялся.

— Интересно, а писать-то ты умеешь?

— Обучен.

— А жаловаться-то кому будешь?

Егор смерил с головы до ног Дрыгалку презрительным взглядом.

— Рабочему классу буду жаловаться. Ух, и разделаемся же мы с вами, придет наше время!

Дрыгалка с интересом посмотрел на молодого рабочего.

— Ваше время кончилось.

— Нет, только начинается, а вот ваше-то время закатывается.

— Грубиян! Мразь! Безмозглая скотина! Без роду, без племени, подзаборная тварь! — сыпал без устали разъяренный помощник смотрителя бастиона, дергая плечом.

Егор спокойно и насмешливо смотрел на него. Он чувствовал себя сильнее, словно в броню был одет.

— В карцер! В карцер! — задыхаясь от ярости, приказал Дрыгалка. — Посмотрю, как ты будешь болтаться на виселице.

Но бешенство жандарма не распалило Егора, он чувствовал себя каменным, и все эти угрозы, оскорбления уже не вызывали ответной реакции. Он был неуязвим.

— Руки назад! — приказал тюремщик.

Егор стоял, не двигаясь.

— Руки назад или наденем кандалы и наручники.

Егор заложил руки назад.

— Иди!

Шли длинными коридорами, спускались вниз. Тюремщик долго возился возле узкой двери, над которой мерцала газовая лампочка. Выбрал из связки ключ, открыл, толкнул Егора внутрь и тотчас захлопнул дверь. Завизжал ключ. Егор очутился в темноте. На улице была теплая августовская ночь, здесь — ледяной холод и полный мрак. Егор протянул руки вперед, стал ощупывать помещение. Два шага... Стоп. Стена, мокрая, скользкая, холодная. Повел рукой вдоль стены. Угол. Руки вновь шарят по шершавой стене. Три шага... Ударился ногой о какое-то железо. Ощупал: кровать из железных переплетенных полос, скрепленных на пересечении гайками. Ни матраца, ни подушки, ни одеяла. Пошарил по полу рукой — асфальтовый. Попробовал лечь на железное ложе, но холод цепкими когтями вонзился в тело. Сел на пол, съежился, чтобы сохранить тепло своего тела. А на нем бязевые штаны и рубашка, бумажный халат. Вскочил на ноги и стал делать энергичные движения руками, подпрыгивал, сгибался, чтобы разогнать по телу кровь, унять озноб, согреться. Устал. Забрался на кровать, сложился, как перочинный нож, боясь шевельнуться, согревал своим телом железные прутья кровати, а они только отбирали тепло, отбирали самую жизнь. Мрак... Тишина... Холод... Егор порой забывался сном. Просыпался оттого, что дробно стучали зубы, ноги сводило судорогой. Сколько спал — минуту, час? Сколько времени прошло, как его здесь заперли? Часы? Сутки? Что сейчас — день, ночь? Егор растирал одеревеневшие пальцы ног, тер руки.

Открылась железная форточка, в неверном свете мерцающей лампы показалась рука с кружкой. Егор кинулся к форточке. Взял из чьей-то руки кружку и небольшой кусок хлеба. Вода в кружке оказалась холодной, а хлеб черствый. Егор уткнул лицо в кусок хлеба и впивал в себя его запах, который в этой омерзительной, пропахшей плесенью и зловонием камере показался душистым караваем. От этого куска жесткого ржаного хлеба пахнуло чем-то родным, близким. Хлеб был как привет с воли. Егору показалось, что он теплый. А может, этот хлеб из тех колосьев, которые вырастила его мать, ею сжатых, обмолоченных, ею смолотых. И Егор вдруг ясно представил себе мать, преждевременно состарившуюся, о которой он так редко вспоминал и деньги посылал только после неоднократных напоминаний Фроси. Егор представил мать возле печки. Левой рукой она оперлась о край дежи, а правой месит хлеб, мерно покачиваясь, и под ее маленькими пальцами хлюпает и вздыхает тесто. Но вот она поскребла ножом пальцы, накрыла дежу полотенцем и занялась другими делами. И вот она разделывает на столе круглые ковриги, кладет их на деревянную лопату, устланную кленовыми листьями, мокрой ладонью оглаживает, прихорашивает и со словами «господи, благослови» осторожно размещает их на поду печки. Закрывает за-

слонку. И скоро изба наполняется теплым запахом свежего хлеба.

Первые месяцы после уборки хлеб ели настоящий, ржаной, без примеси лебеды. Ковриги у матери получались блестящие, без трещин. И нарезала она этот хлеб аккуратно, крепко прижав к груди ковригу. И все ребята зарились на горбушку, которую мать делила между всеми. И строго следила, чтобы не падали крошки на пол — грех великий...

Егор вдруг почувствовал острый приступ голода. Впился зубами в черствый кусок хлеба, медленно разжевывал его. Отхлебнул два глотка воды, пахнущей ржавчиной. А голод все пуще терзал его. Мрак... Холод... Тишина... И невыносимое желание съесть большую краюху материнского хлеба.

Егор сел на кровать и горько, по-ребячьи заплакал, благо никто не видел его слез. Плакал потому, что было жаль мать, которая узнает о его смерти и будет убиваться. И Настю стало жалко. Ведь ходили на гулянки вместе, и, конечно, у обоих была одна дума о будущем, еще не высказанная, но понятная им. И Фросю жалко. Может, ее тоже посадили и она где-то здесь, рядом, а может, тоже в карцере? Нет, Фрося буянить не будет, она рассудительная. А Надежда Константиновна? Какой она мир перед ним, Егором, распахнула, как сумела приохотить к чтению, доверяла ему, как взрослому, и упреждала, что в случае — попадется с листовками в руки жандармов, всё отрицать. Листовки, мол, нашел на улице, подобрал себе на курево. «Не курю я, Надежда Кстинна», — засомневался Егор. А она засмеялась. «Так про это жандармам неведомо, а откуда ты листовки получил, они не должны допытаться».

Степана вспомнил Егор, Фросиного мужа. Его на морозе полицейские водой обливали, проміерз он, захирел после этого и помер. Холодно ему, наверно, было, как сейчас Егору. Нет, еще холоднее, ведь вся одежда на нем обледенела тогда, скорлупками с него в бараке лед отваливался.

Егор то впадал в отчаяние, то цепенел, и мысли, казалось, тоже застывали в голове, а время тянулось бесконечно долго. Отсчитывал он время по тем кружкам воды и кускам хлеба, которые ему протягивала чья-то большая, жесткая рука. Пять кружек воды, пять кусков хлеба получил Егор. Сколько же раз в день его кормят? Два или три? Если два, тогда третьи, последние сутки на исходе, если три, тогда только двое суток прошло. Егор совсем примерз к своей кровати, не было желания ни переменить позу, ни двигаться, мысли становились все путанее, голова стала пустой, ничего не хотелось — ни есть, ни спать, ни плакать. Ничего... Пустота...

Когда загремел засов, Егор никак не реагировал. По глазам резанул свет фонаря. Кто-то потянул его за рукав, велел встать и идти. А у Егора ноги ослабли, не держат, и никуда идти он не хочет и плохо соображает, где он и что с ним. Двое взяли его под руки и поволокли. Ноги у Егора как чужие, больно ударяются пальцами о каменные ступени, а наступить на них он не может. Втащили в камеру, швырнули на кровать, как корягу, как мешок. В камере было тепло, и на кровати хоть и твердый, но тюфяк и подушка. Егор сел, осмотрелся. Увидел в ногах скатанное в трубку одеяло, развернул его, закутался с головой, долго дрожал...

...Следователь глянул на стопки листовок, посмотрел запись смотрителя тюрьмы... Прядильщик... 18 лет... Социал-демократ... Распространитель листовок.. Зевнул. Скучно... Больше двадцати лет работает он следователем. Всегда имел дело с адвокатами, студентами, инженерами, а вот теперь возится с мастеровым. Те, интеллигенты, представляли интерес, с ними было занятно состязаться, приходилось ломать голову, находить уязвимые места, ловить на слове, показывать свою эрудицию. Тонкая это работа — вести следствие по делу опытных, образованных конспираторов. А здесь... Молодой мастеровой... темный, невежественный... Делал, что велели.

Ввели Егора. Следователь бросил на него быстрый взгляд. Поразили вздутые губы с черными, засохшими болячками вокруг. Понял: лихорадка, просидел в карцере трое суток.

— Ну как, понравился тебе карцер? — спросил следователь.

— Посидите три дня — узнаете сами, — ответил Егор.

— Однако ты дерзок.

— Ответил, как умел.

— Ты социалист?

— Мы — социал-демократы.

— Кто это «мы»? Сколько вас? Фамилии?

— Мы — это я, — ответил Егор, спохватившись.

— Мы — так величает себя только государь-император, — внушительно сказал следователь. — Так кто же это «мы»?

— Я сказал о себе. Социал-демократ я. О других знать ничего не знаю.

— Попугай ты! Заладил: социал-демократ, социал-демократ. Да понимаешь ли ты, что это такое? Ведь это иностранные слова.

— Для вас-то они иностранные, а для нас, рабочих, что ни на есть самые русские.

— И что же они означают? — насмешливо спросил следователь.

— А означают они то, что социал-демократы борются за справедливую жизнь на земле и перво-наперво за то, чтобы власть была в руках рабочих.

— Молчать! — стукнул кулаком по столу следователь.

— Ладно, буду молчать, — согласился Егор.

— Где листовки взял?

Егор молчал.

— Кто тебе их передал? — начал терять самообладание следователь.

Егор не ответил.

— Ты будешь говорить или нет?

— Так вы ж велели молчать. Вот я и мол-

Угрозы жандарма не задели Егора.
Он был неуязвим.

чу. А ни про какие-такие листовки ничего мне неведомо. Чего не знаю, того не знаю.

— А листовки, которые были обнаружены на тебе, зашитые в полотенце?

— Так я то полотенце на улице подобрал.

— Ты дурачка из себя не валяй. Полотенце было заколото булавками на тебе, под рубашкой. Как же это ты «нашел»?

— Обыкновенно как. Иду по улице, вижу, полотенце валяется. Поднял — тяжелое. Пощупал — шуршит. Значит, думаю, ассигнации там. Зашел в подворотню и вокруг себя замотал. А то, думаю, увидит тот, кто потерял, выхватит из рук.

— Так кто же мог их потерять?

— Наверное, какой фабрикант аль банкир.

— Что же, по-твоему, банкиры деньги в полотенце зашивают?

— А кто их знает! Ведь куда наши денежки идут, мы не знаем, как их прячут, не ведаем. Я и то свою получку стараюсь куда подальше засунуть, чтобы не вытащили.

— Ну ладно. Хватит. Говори, откуда взял листовки? Кто их тебе передал, кому они предназначались? Мы же все знаем. Но я хочу правду слышать от тебя. Будешь запираться, поплатишься каторгой, а то и жизнью. А до этого еще в карцере насидишься. Втемяшили в твою дурную башку всякие там идеи социалистические, в которых ты не разбираешься, обманули тебя. До тюрьмы тебя довели, а толку что? Скажи правду — отделаешься легко, поедешь к себе обратно в деревню. Будешь изворачиваться — в тюрьме сгниешь.

— Как я сказал, так оно и было. Больше мне добавить нечего.

— Тебе известна Надежда Константиновна Крупская?

Егор молчал, соображая, как лучше ответить.

— Я тебя спрашиваю.

— Да, известна, — ответил Егор. — Учительница в вечерней школе. Грамоте меня обучила, письму, чтению, географии, истории. Хорошая учительница, ее все уважают.

— А какие книги она давала тебе читать? Как ты стал социал-демократом? С ее помощью?

— Нет, своим умом дошел. А книги она давала разные.

— Какие именно? Вспомни.

Егор сморщил лоб.

— Жюль Верна «Восемьдесят тысяч верст под водой», Дефо «Робинзон Крузо», Сервантеса «Дон Кихот», Короленко «Дети подземелья», Льва Николаевича Толстого «Война и мир»...

— А Карла Маркса давала?

— Нет, таких книг у нее не было.

— А как же ты стал социал-демократом?

— Дак я ж говорю, своим умом дошел. Раз я рабочий, значит, у меня ничего нет, кроме моих рук и уменья прясть. Вот я свое уменье и свою рабочую силу продаю капиталисту, а он мне платит за то, что я сделал, самую малость, а большую часть кладет к себе в карман. Иль там в полотенце зашивает. Выходит, то, что я сделал своими руками, принадлежит не мне, а капиталисту. Настоящий-то хозяин я, все мы, рабочие, а капиталисты — грабители.

— Этому тебя учительница Крупская обучила?

— Я же сказал, что своим умом дошел, а с ней у меня об этом разговору не было.

— А листовки она сочиняла?

— Про листовки я ничего не знаю. Какие – такие листовки?

— А вот это, — хлопнул ладонью следователь по пачке листовок. — Это у тебя в полотенце было зашито.

— Так я думал, что это деньги. Выходит, просто так, бумажки?

— Пономарева знаешь? — спросил неожиданно следователь.

— Нет, не знаю такого.

Следователь позвонил в колокольчик.

Вошел полицейский.

— Привести сюда из камеры номер 77.

У Егора часто-часто заколотилось сердце.

— Вот сейчас твое вранье вылезет наружу, — предупредил следователь.

Встал, подошел к окну, потом круто повернулся к арестованному.

— Ты же темный, у тебя тут, — постучал себя по лбу следователь, — пусто, а начинка сейчас чужая, не твоя. Твое дело — знай вкалывай, работай, зашибай деньгу честным трудом. А эти учительницы не знают, что такое труд.

— Еще как знают, — заметил Егор.

Дверь открылась, и ввели Пономарева. Одет он был так же, как и Егор, в полосатые штаны и бурый халат.

— Тебе известен этот человек? — спросил следователь Егора.

Егор часто заморгал глазами, стараясь не встретиться взглядом с Пономаревым.

— Нет, первый раз вижу.

— А тебе этот малый знаком? — спросил Пономарева следователь.

— Может, где и встречался, только не запомнил, — ответил Пономарев. Егор взглянул на него и увидел добрую усмешку на губах. От сердца отлегло.

— Тэк-с, значит, не знаете друг друга.

— Нет, не знаем, — в один голос ответили заключенные.

Следователь позвонил снова в колокольчик.

— Приведите второго, — приказал он и стал молча ходить по кабинету, заложив руки назад.

Скрипнула дверь. Вошел Ларионыч. «И этого сцапали, — подумал Егор. — Значит, и Надежду Константиновну засадили».

Следователь сел, раскинувшись в кресле и переводя взгляд с Егора на Пономарева.

— А этот человек тебе известен? — спросил он Егора.

— Нет, первый раз вижу.

— А тебе? — кивнул следователь в сторону Пономарева.

Пономарев мрачно посмотрел на Ларионыча.

— Это мой сосед, мой кум.

— А что тебе еще о нем известно?

— Имеет слесарную мастерскую.

— А что известно вам об этих молодцах? — спросил следователь Ларионыча.

— Ох, прости господи, спутался я с ними на свою голову. Нечистый попутал. Листовки у меня в подполе прятал вот он, мой соседушка, а этот малый, — показал он на Егора, — за теми листовками приходил. У Пономарева собирался стачечный комитет, приходила туда учительница воскресной школы Крупская, которая подбивала их на революцию, на то, как царя-батюшку с трона того... ох, прости меня, господи... даже выговорить страшно. А евонная сестра, — показал он на Егора, — Ефросинья, так та первая помощница у Крупской была, и еще Русаков был, но тот в деревню уехал. Но я свою ошибку признаю и прошу прощения у вашего благородия. Больше я такими делами заниматься не буду и своей верной службой искуплю свою вину перед царем и господом богом.

— Вот это действительно честное признание, — заметил следователь. — И за чистосердечное раскаяние вы освобождаетесь от тюрьмы и наказания. Занимайтесь честным трудом.

— Иуда! — сжав кулаки, хрипло крикнул Пономарев. — Предатель.

— Иуда Христа продал, а я антихристов предаю на суд царский, — хихикнул Ларионыч.

— Иди переодевайся и марш домой, ты еще нам понадобишься, — напутствовал Ларионыча следователь.

Егор отчаянными глазами смотрел на Пономарева. Зубами он сорвал с нижней губы болячку и смахивал кровь рукавом халата. Ему хотелось выть от тоски и отчаяния. Еще несколько дней назад Ларионыч, застегивая на нем полотенце с листовками, ласково приговаривал: «Берегись царя, иди темными переулками, где нет городовых, а то неровен час. Ты за домом Пономарева сразу за угол сверни. Ну, с богом! Кланяйся Надежде Константиновне, святой она человек».

«За угол сверни», — повторил про себя Егор. Значит, уже тогда Ларионыч его сам толкал в ловушку. За углом сразу его и схватили, а сейчас Ларионыча обрядили в арестантскую одежду и разыграли, будто за раскаяние его освобождают. Егор теперь знал, что никакими пытками, никакими угрозами, никакими посулами из него не выжмут ни слова.

Следователь приказал увести Егора.

Ноги его опять не слушались. Его колотил озноб от отвращения, ненависти.

Еще не раз уличал его Ларионыч, но Егор все отрицал: и знакомство с Пономаревым, и встречи, помимо школы, с Надеждой Константиновной, и знакомство с Ларионычем. Отрицал все, упрямо, настырно повторяя: нет, не знаю... не видел... не встречался... не распространял...

Следователь ничего не мог узнать от Егора, но улики против него были неопровержимы. Год провел Егор в тюрьме. Потом его отправили в ссылку в Пермскую губернию.

На пересыльном пункте он встретился с ткачом Михеичем, тоже ехавшим отбывать свою ссылку, и от него узнал, что Фросю с фабрики уволили и отправили в деревню, запретив ей появляться в Петербурге. «Ну что ж, — сказал Михеич, — в деревне наши люди тоже нужны, нам с мужиком вместе за власть воевать. Наше дело не кончилось, оно продолжается».

Именины

— Вот уж действительно сюрприз к Надиному дню рождения, — не переставала удивляться Елизавета Васильевна, пододвигая Владимиру Ильичу то кусок яблочного пирога, то розетку с вареньем. — Никак не ожидала. Никак.

— К сожалению, в день рождения Надежды Константиновны выпустили из тюрьмы не ее, а меня. Содеяна явная несправедливость, — старался шутить Владимир Ильич, чтобы как-то подбодрить Елизавету Васильевну, которую он застал в тяжелом настроении, сидящей за нетронутым именинным яблочным пирогом. — Они даже не поинтересовались, — продолжал Владимир Ильич, — закончил ли я свою работу над книгой. Оторвали меня от работы. Здесь я мог любую нужную мне книгу получить через день-два, а в Сибири придется ждать неделями. Я уверен, дорогая Елизавета Васильевна, что Надюшу долго не продержат. Выпустят к моему дню рождения.

— Для нее ваше освобождение — тоже большой подарок, — вздохнула Крупская.

Владимир Ильич огляделся. Увидел на письменном столе фотографию, на которой Надежда Константиновна была снята вместе с матерью восемь лет назад. Хорошо знакомая ему фотография. Но он подошел к столу, взял карточку в руки и долго вглядывался, словно видел впервые.

— Вы знаете, я ведь не видел Надежду Константиновну четыреста тридцать четыре дня. Какая она теперь?

— Не узнали бы! Худая, бледная. Измоталась она. Ваш арест... Потом стачка... Ее арест... Сорок восемь дней в тюрьме... Выпустили и такую бешеную слежку учинили, шагу без филеров не могла ступить... Через полтора месяца снова арестовали... И вот уже три с половиной месяца опять в одиночке. Тюрьма подорвала ее силы. — Елизавета Васильевна взяла папиросу, огонек спички дрожал в ее пальцах. Глубоко затянулась и продолжала: — Даже тюремный врач вынес заключение, что состояние ее здоровья «крайне неудовлетворительное». Сколько я прошений написала, чтобы ее выпустили на поруки, приняли во внимание ее болезненное состояние. Но каждый раз отказ... отказ... Очень страшно мне за нее, Владимир Ильич, боюсь, что сломится.

Владимир Ильич встал и зашагал по комнате. Елизавета Васильевна отметила, что ходит он

как-то странно, ставя одну ногу впереди другой. Поняла, что это привычка шагать по узкому проходу в камере. Так он шагал четыреста тридцать четыре дня. И лицо у него мучнисто-бледное, как у Нади, только глаза горят по-боевому, и весь он стал как-то старше, мужественнее.

— Дорогая Елизавета Васильевна, — остановился он перед ней, — такие люди, как Надежда Константиновна, не сломятся. Я переписывался с ней все время — и когда она была на свободе и когда мы оба сидели в тюрьме. Она настоящий революционер, боевой товарищ. На допросах держалась великолепно. Все отрицала. Хоть и подсунула полиция в нашу организацию провокаторов, хоть и установлена неопровержимо, свидетельскими показаниями ее связь с «Союзом борьбы», но ее руководящую роль в «Союзе» и в стачке текстильщиков доказать им не удалось.

— Руководящую роль? — удивилась Елизавета Васильевна.

— А как же? — живо ответил Владимир Ильич. — Когда нас взяли, она оставалась наследницей и блистательно справилась со всеми делами. В этой промышленной войне была одним из командующих нашей наступательной армии.

— Ну, положим, — невольно улыбнулась Елизавета Васильевна, представив свою Надюшу в роли командующего. — Главнокомандующим были вы. Я-то знаю, как ждала она ваших писем, указаний, как терзалась сомнениями, правильно ли они все делают. Получит от вас книгу, прогладит листы утюгом, прочитает раз-другой, а потом закроет глаза и шепчет, заучивает наизусть. Листы с тайнописью, конечно, немедленно сжигались. Во время обысков у нас ничегошеньки не нашли, хотя во время первого ареста ножка стола была битком набита нелегальщиной. Они все перевернули, вспороли обшивку на диване, банки с вареньем и те ложкой перемешали, а вот на столик внимания не обратили. Выручил он всех нас.

— Выручили конспиративный опыт, ум и выдержка Надежды Константиновны, — возразил Владимир Ильич. — Но, Елизавета Васильевна, вы должны быть готовы к тому, что ей тоже дадут ссылку, думаю, что тоже года на три. В Петербурге ее не оставят.

— Ну что ж, — горестно покачала головой Елизавета Васильевна. — И в Сибири люди живут. Климат там не хуже петербургского, воздуха побольше, чем в тюрьме. Я поеду вместе с ней, буду отпаивать ее молоком, будем много гулять...

Владимир Ильич с какой-то особой нежностью поглядел на Елизавету Васильевну, на ее еще больше истончившийся профиль и тронутые сединой виски.

— Моя мама, втайне от меня, выхлопотала себе разрешение следовать со мной в ссылку, и мать Глеба Кржижановского Эльвира Эрнестовна едет с ним в Сибирь.

— Мария Александровна едет вместе с вами, в ее годы? — воскликнула Елизавета Васильевна.

Владимир Ильич взял руки Елизаветы Васильевны, заглянул ей в глаза.

— Нет, я уговорил маму не делать этого. Я пока еду один, а потом... а потом все будет отлично! — с каким-то веселым озорством воскликнул Владимир Ильич. — Мы еще молоды, мы еще многое успеем... Но вот сейчас у меня каждая минута на счету. Нас должны были отправить в ссылку тотчас же после освобождения, сегодня, но маме удалось пробиться к генерал-губернатору и получить разрешение задержаться мне в Петербурге на три дня. Ну, а раз разрешили одному, разрешили и всем остальным — Глебу, Ванееву, Старкову... Нам надо повидаться со многими людьми, посмотреть, что здесь осталось, что возникло нового, на кого можно положиться, договориться о связях. Ведь в Сибири мы не кедровые орешки будем собирать, — мы будем собирать и умножать наши силы, строить партию, снова поднимать рабочих на борьбу. Очень многое надо успеть сделать!

Владимир Ильич накинул на шею шарф, надел пальто, взял обе руки Елизаветы Васильевны и покрыл их поцелуями.

— Надюше передайте сердечный привет, сегодня я послал ей письмо. Уговорите ее по выходе на свободу сфотографироваться и прислать мне карточку. Спасибо! Спасибо за все! Вы наши настоящие, бесценные матери!

Спасибо вам, настоящие Матери, за ваше бережное отношение к новому человеку, за заботу о его будущем; за то, что пеленали вы его в белые пеленки добра, а не в черный свивальник ненависти; за то, что неустанно оберегали его ум и сердце от всяких сорняков — корысти, лености, зависти; за то, что вы первые открыли ему красоту земли, научили отличать песнь жаворонка от вороньего грая, вместе с ним любовались красками утренней зари; за то, что нежностью своей, строгостью и умением разбудили в нем протест к несправедливости, научили залечивать обиду, нанесенную им товарищу, и терзаться от содеянного зла.

Спасибо вам, матери, что, воспитывая свое дитя, вы знали меру строгости и нежности, забаве и труду, поощрению и укоризне, сумели с болью в сердце приобщить своего ребенка к страданиям других и познать самое высшее счастье — делать счастливыми людей.

Спасибо вам за то, что подготовили и передали великой матери-Родине бесценный дар — сынов и дочерей своих, и благословили их на ратный подвиг, созидательный труд, деятельную доброту.

Люди! Посадите и вырастите в честь вашей матери плодоносное дерево, — вы увидите, как прекрасна и богата будет наша земля!

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Ярослав СМЕЛЯКОВ

НАШ ГЕРБ

Случилось это
в тот великий год,
когда восстал
и победил народ.

В нетопленный
кремлевский кабинет
пришли вожди державы
на Совет.

Сидели с ними
за одним столом
кузнец с жнеей,
ткачиха с батраком.

А у дверей,
отважен и усат,
стоял с винтовкой
на посту солдат.

Совет решил:
— Мы на земле живем
и нашу землю
сделаем гербом.

Пусть на гербе,
как в небе, навсегда
сияет солнце
и горит звезда.

А остальное —
трижды славься труд! —
пусть делегаты
сами принесут.

Принес кузнец
из дымной мастерской
свое богатство —
вечный молот свой.

Тяжелый сноп,
в колосьях и цветах,
батрак принес
в натруженных руках.

В куске холста
из дальнего села
свой острый серп
крестьянка принесла.

И, сапогами
мерзлыми стуча,
внесла ткачиха
свиток кумача.

И молот тот,
что кузнецу служил,
с большим серпом
Совет соединил.

Тяжелый сноп,
наполненный зерном,
Совет обвил
Октябрьским кумачом.

И лозунг наш,
по слову Ильича,
начертан был
на лентах кумача.

Хотел солдат —
не смог солдат смолчать —
свою винтовку
для герба отдать.

Но вождь народов
воину сказал,
чтоб он ее
из рук не выпускал.

С тех пор солдат —
почетная судьба! —
стоит на страже
нашего герба.

1948

Павло ТЫЧИНА

НА ПЛОЩАДИ

Как на площади у церкви
революция идет.
«Пусть чабан,— все закричали,—
нас на пана поведет!»

«Ну, прощайте, ждите воли,—
гей по коням!..» — И кругом
закипело, зашумело —
только флаги за селом...

Как на площади у церкви
голос грустных матерей:
«Так сияй же, ясный месяц,
над путями сыновей».

Как на площади все тихо —
сна не превозмочь...
Вечер.
Ночь.

1918

Перевел с украинского
Н. УШАКОВ

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ

ИСТОРИЯ В КАРТИНКАХ

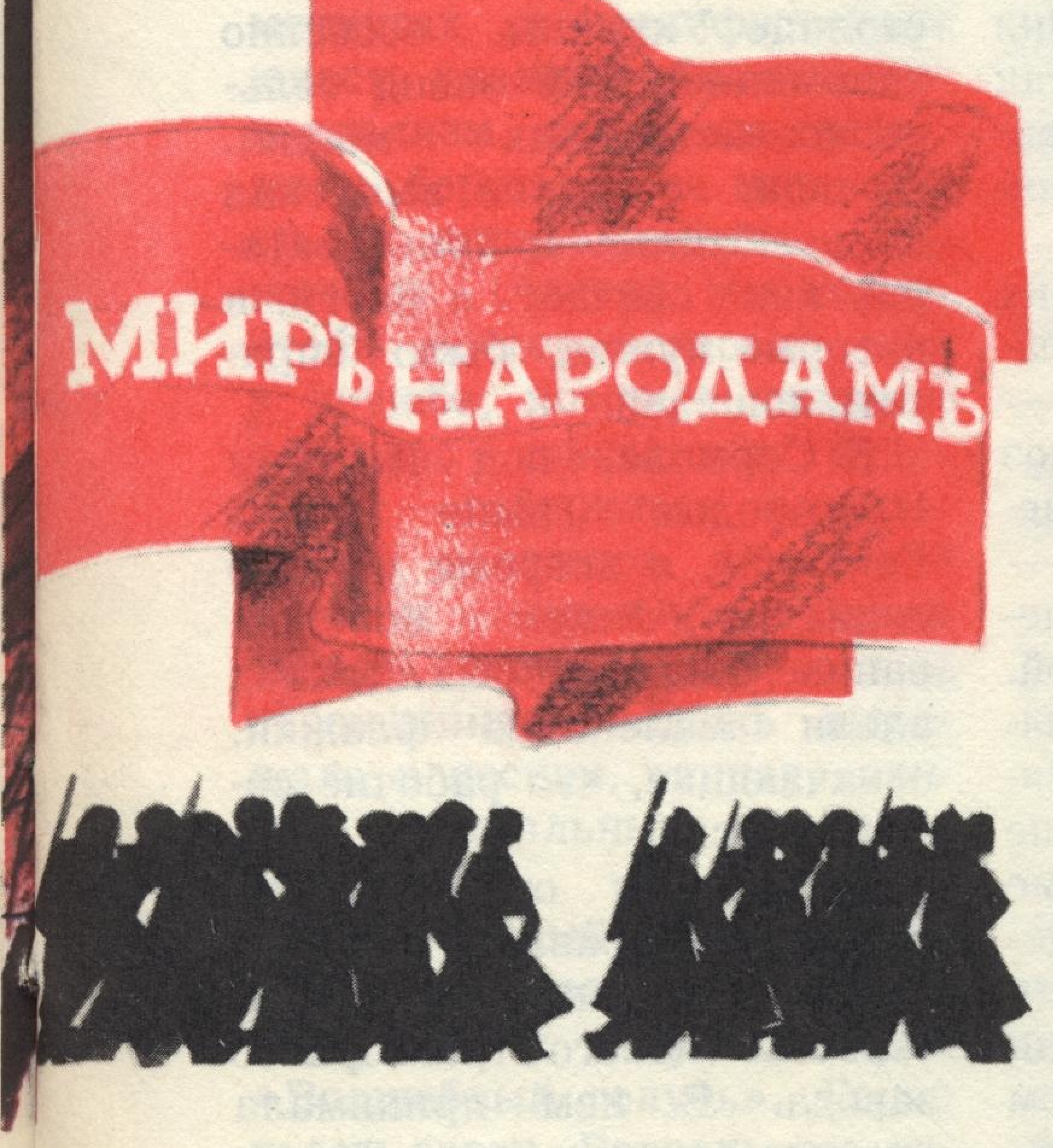
КРАСНЫЕ ЗНАМЕНА РЕВОЛЮЦИИ

О. МОСКОВАЯ

Рисунок И. КРАСУЛИНА

На этих страницах ты видишь реликвии нашей истории — **красные знамена семнадцатого года.** Вглядись в эти строгие полотнища, в скупые слова надписей и призывов — в дни Великого Октября под этими стягами сражались революционные рабочие, крестьяне, солдаты, матросы...

«Красное знамя означает борьбу не только за землю и за волю, но и борьбу против всякой эксплуатации человека человеком, борьбу против нищеты народных масс, борьбу против господства капитализма», — так писал Владимир Ильич Ленин в 1905 году. Поднять красное знамя над колоннами — значило тогда, рискуя жизнью и свободой, открыто выступить против царского строя.



Алые стяги вспыхивали над рабочими демонстрациями и маевками задолго до Октября.

В 1905 году — в дни первой русской революции — красные флаги были подняты на баррикадах Петрограда, Москвы и других городов России.

Одиннадцать дней гордо развевался алый стяг над мятежным броненосцем «Потемкин» — «непобежденной территорией революции», как назвал его Владимир Ильич Ленин.

Знаменосцы всегда были впереди. На них в первую очередь направляли дула винтовок и пулеметов царские жандармы, им первым была уготована тюремная камера.

Но не склонялось древко с алым полотнищем, еще теснее смыкался строй вокруг знаменосцев. А если падал знаменосец, настигнутый пулей, знамя подхватывали товарищи по борьбе.

А сегодня мы рассказываем тебе о революционных знаменах 1917 года. Вот они перед тобой, знамена, дорогие сердцу каждого советского человека, — красногвардейское, матросское, солдатское. Они сохранились до наших дней, ты можешь увидеть их в залах Центрального музея Вооруженных Сил СССР. Как святыню, храним мы эти революционные стяги: под их сенью рождалось наше государство, наша армия, наш флот, мужал и креп трудовой народ в борьбе за свободу.

Знамя красногвардейского отряда Охтинского завода в Петрограде.

Видишь, на этом знамени всего два слова: Красная гвардия. Но как много они говорят нам сегодня! В отрядах Красной гвардии рабочие готовились к вооруженной борьбе за власть Советов. Под красногвардейскими знаменами они шли на штурм Зимнего дворца.

После победы Октябрьской революции красногвардейцы Охтинского завода передали это знамя революционным солдатам, тем, кто шел на защиту молодой Советской Республики.

Перед тобой флаг Центробалта.

Моряки Балтийского флота — легендарные бойцы Октября, участники штурма Зимнего. Центробалт — так сокращенно называлась Центральная революционная организация моряков Балтийского флота. На помощь петроградскому пролетариату Центробалт направил в дни Октября двадцать тысяч вооруженных моряков и двадцать два военных корабля. Вот флаг Центробалта. По нижнему краю бело-голубого русского военно-морского флага вышиты четыре буквы: СФРР (Свободный флот Республики Российской).

Знамя 55-го Сибирского стрелкового полка Северного фронта.

Сибирский полк одним из первых перешел на сторону революции. Еще в 1916 году под влиянием большевиков солдаты-сибиряки отказались воевать «за веру, царя и отечество». А в 1917 году солдаты полка самоотверженно сражались за власть Советов.

Рядом — знамя 242-го Волжского полка.

Вот короткая и героическая история этой части. В октябрьские дни 1917 года в штурме Зимнего участвовал красногвардейский отряд Выборгского района. А через год после Великой Октябрьской социалистической революции отряд соединился со Вторым революционным полком московских рабочих. Так возник 242-й Волжский полк — боевая часть молодой Красной Армии. Полк героически сражался на Восточном фронте под командованием героя гражданской войны С. С. Вострецова. Этот прославленный командир был одним из немногих награж-

денных четырьмя орденами Красного Знамени.

...Красные знамена, о которых ты сегодня услышал, заняли почетные места в залах музея.

Но каждый день ты, наш читатель, где бы ты ни жил, видишь красные знамена нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик.

Под красными знаменами живет и трудится советский народ — на стройках и шахтах, в цехах заводов и на колхозных полях. Под красными знаменами он строит свое светлое коммунистическое будущее!

И как частица великого знамени революции горит на груди пионеров нашей страны красный пионерский галстук. Так будь же его достоин!

Ведет журналист-международник Вл. ВАСИЛЬЕВ

Рассказывает **Джордж МОРРИС**, американский коммунист, корреспондент газеты «Дейли уорлд» в Москве

НАШ СОБЕСЕДНИК

СТРАНА СОВЕТОВ СТРОИТСЯ, МУЖАЕТ, КРЕПНЕТ

Впервые я приехал в Москву в 1929 году на учебу. То был очень волнующий период в истории вашей страны — начало первой советской пятилетки. Когда я покидал богатую Америку, буржуазные пропагандисты все еще высмеивали первую в мире социалистическую республику. Советская власть, говорили они, долго, мол, не продержится, страна слишком отсталая для того, чтобы построить современную индустрию; разрушения после гражданской войны так велики, что даже восстановление хозяйства представляется немыслимым.

Однако нас, американских коммунистов, в то время радовало то, что в 1928—1929 годах Советский Союз в общем достиг экономического уровня 1913 года — последнего мирного года перед первой мировой войной. Конечно, с точки зрения нынешних грандиозных достижений СССР это было не очень много. Но эти первые успехи Советской страны доказывали всему миру, что рабочие и крестьяне России могут управлять обществом без капиталистов-эксплуататоров.

Мне посчастливилось тогда побывать во многих городах вашей страны и своими глазами увидеть вдохновенный труд советских людей.

Я вспоминаю поездку в Ленинград на Международный день молодежи. Комсомольцы с гордостью показали нам Путиловский завод, фабрику «Красный треугольник», завод «Электросила». В то время в цехах было много станков заграничных марок. Экскурсоводы говорили: «Посмотрите, мы научились на них работать!»

В Харькове, тогдашней столице Украины, особенно запомнился мне завод сельскохозяйственных машин. Правда, тогда он выпускал не комбайны и культиваторы, как сейчас, а плуги, в которые нужно было впрягать лошадей.

В Сормове, под Нижним Новгородом (ныне город Горький), я впервые узнал о социалистическом соревновании. На некоторых станках алели маленькие флажки, означающие, что рабочие соревнуются.

Поблизости от города, на поросших травами берегах Волги, начиналось строительство нового тракторного завода. В нем принимала участие американская фирма «Форд мотор компани». На строительной площадке были вырыты два огромных, длиной в три четверти километ-

ра, котлована под фундамент. Тысячи рабочих орудовали кирками и лопатами. Начальник стройки рассказал мне, что строители — в основном крестьяне из окрестных деревень. Позднее я узнал, что большая часть их осталась работать на построенном ими заводе. Сначала он выпускал слабосильные тракторы «Фордзон», а со временем — мощную сельскохозяйственную технику.

Я видел электростанцию Волховстрой — с него началось воплощение ленинского плана ГОЭЛРО. Сейчас в Советском Союзе много мощных электростанций. Красноярская ГЭС, к примеру, вырабатывает в сто раз больше электроэнергии, чем Волховская. Но Волховстрой был маяком, указывающим путь к будущим свершениям.

В то же самое время, в октябре 1929 года, в Соединенных Штатах начался Великий экономический кризис.

Я и еще несколько слушателей Ленинской школы почувствовали, что мы нужны партии у себя на родине.

В Америке я увидел толпы безработных, осаждавших биржи труда. Коммунистическая партия разворачивала борьбу с безработицей, проводились демонстрации, митинги. Это были предвестники ожесточенной борьбы американских трудящихся, вспыхнувшей в годы Великого кризиса. Весь мир увидел: в Советском Союзе — успешное созидание социализма, в капиталистических Соединенных Штатах — тяжелый экономический кризис, массовая безработица.

Почти полвека спустя я снова приехал в СССР в качестве корреспондента газеты «Дейли уорлд». Я побывал во многих из тех мест, где был в 1929—1930 годах. И не узнал их. В частности, город Горький. Трудно было даже предположить в то время, что на Каме вырастет гигант КамАЗ и новый современный город Набережные Челны. Страна Советов, отмечающая в этом году свое 60-летие, продолжает строиться, мужать и крепнуть.

Перевел с английского
С. ДАНИЛОВ

МАРШРУТАМИ ВСЕМИРНЫХ ФЕСТИВАЛЕЙ

Бухарест

IV Всемирный фестиваль молодежи и студентов проходил в 1953 году в столице Румынии Бухаресте. Посланцы ста одиннадцати стран собрались, чтобы рассказать о жизни и борьбе своих юных соотечественников. На митингах и манифестациях юность планеты обличала империализм, выражала решимость бороться за мир, счастье и справедливость. «Мы жаждем счастья, мы хотим, чтобы восторжествовал мир и дружба, которые откроют для нас счастливое будущее»,— говорилось в обращении делегатов фестиваля ко всем юношам и девушкам Земли. Эти благородные стремления молодежь выражала в песнях, танцах, стихах, театральных постановках.

Театральный коллектив Ги Моне из Франции показал пьесу-сказку Анри Бассиса «Волшебный голубь». Героя пьесы зовут Гаврош, это отважный и смелый юноша. Он полюбил девушку, но ее отец не хочет, чтобы они встречались, потому что Гаврош беден. Старик посылает юношу на поиски Волшебного голубя, заключенного в темницу Великим чародеем, олицетворяющим силы Зла. Гаврош смело вступает в бой с Великим чародеем, освобождает голубя и добивается счастья... В сказочной форме французский писатель рассказал участникам фестиваля о стремлении молодежи своей страны бороться за лучшую жизнь.

С таким другом никакой дождь не страшен!

— Кажется, мы с вами танцевали... на прошлом фестивале!

В дни работы фестиваля для делегатов был выпущен специальный «Путеводитель», иллюстрированный вот такими шутливыми рисунками.

— Вы тоже весь день раздавали автографы?

...Человек рождается не
для войны,
Он приходит в мир, чтобы
созидать и любить.
Пусть народы протянут
друг другу руки,
И мир восторжествует, —

пел хор бельгийских студентов. Их багаж с национальными костюмами был задержан на границе — бельгийские власти не хотели, чтобы студенты поехали на фестиваль.

Молодые нигерийцы показали на фестивале танец, который в Нигерии запретили исполнять колонизаторы: он изображал дружескую встречу молодежи из разных селений.

Обширной была программа IV фестиваля. Выходившая в те дни в Бухаресте газета «Фестиваль» подсчитала, что, если бы кто-нибудь захотел побывать на всех митингах, манифестациях, концертах и соревнованиях фестиваля (конечно, при условии, что они следовали бы одно за другим), ему потребовалось бы... 70 лет.

ТВОЙ РОВЕСНИК ЗА РУБЕЖОМ

«ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК»

Восьмиклассницы одной из школ Дюссельдорфа (ФРГ) все чаще стали приходить в класс, не подготовив уроков. В ответ на расспросы учительницы они рассказали, что после занятий в школе работают в частной клинике: убирают палаты, сортируют медицинские карточки, выполняют мелкие поручения. Нередко работать приходится допоздна, и на уроки не хватает времени. Зато хозяин клиники обещает одну из девочек, самую исполнительную и старательную, после окончания восьмого класса взять к себе в ученицы. И девочки стараются из последних сил, чтобы получить желанное место...

В ФРГ много безработных, особенно среди молодежи. В этом году 50 тысяч выпускников школ не смогли найти никакой работы. У многих из них нет специальности. Часто родители подростков предлагают владельцам фабрик и заводов плату лишь за то, чтобы их детей взяли учениками... Мелкие и крупные хозяева заставляют молодежь работать на себя, как правило, бесплатно, удерживая ее на своих предприятиях неопределенными обещаниями на будущее.

Н. КАЙТМАЗОВА

РУБЕН, С РОЖДЕНИЕМ КОТОРОГО НАЧИНАЕТСЯ НОВАЯ ГЛАВА В ИСТОРИИ ИСПАНИИ

Это рассказ о человеке, который вошел в историю Испании, но не скоро узнает об этом.

И о другом человеке, умершем 20 ноября 1975 года с мыслью, что его имя навсегда сохранит история его страны, но оно проклято народом.

И еще об одном человеке, настоящее имя которого стало известно совсем недавно, раньше вся Испания знала лишь его подпольную кличку.

Первого зовут Рубен. Он родился 15 июня 1977 года ровно в 9 утра, минута в минуту. С его рождением население Испании достигло 36 миллионов 335 тысяч 80 человек. Факт сам по себе не такой уж примечательный.

Так почему же тогда его имя попало на страницы газет и журналов? Потому что его рождение совпало с поистине историческим событием в жизни испанского народа: 15 июня 1977 года ровно в 9 утра по всей стране начались выборы в кортесы, в испанский парламент.

Кортесы не избирались 41 год! В последний раз испанцев приглашали к избирательным урнам в 1936 году. Тогда на выборах победил Народный фронт, куда входили коммунисты, социалисты и другие левые прогрессивные партии.

Но испанские фашисты во главе с генералом Франко подняли мятеж. Началась гражданская война.

Народ Испании поднялся на борьбу с франкистами — за свободу, демократию, за свои права. Но силы были неравными: испанским фашистам помогала гитлеровская Германия — самолетами, танками, пушками. Глава итальянских фашистов Муссолини направил на помощь Франко отборные войска. Несмотря на героическое сопротивление народа, фашисты тогда взяли верх. Франко стал диктатором Испании.

Без малого 40 лет Франко правил страной, как своей вотчиной, грабил ее богатства, угнетал народ. Сам назначал членов кортесов, министров, главу правительства. Чувствуя близкую кончину, он назначил королем Испании внука последнего испанского монарха Альфонсо XIII, свергнутого народом в 1931 году.

Все эти годы фашистского засилья трудовой народ Испании вел

борьбу с диктаторским режимом — борьбу самоотверженную, мужественную.

Недавно я был в Испании и познакомился с одним из тех, кто, несмотря на кровавый полицейский террор, боролся, чтобы в конце концов победить. Товарищи по подполью звали его «Пайсано». Впервые он попал в лапы франкистов в 1937 году, в разгар гражданской войны, и был приговорен к смертной казни, которую в последний момент заменили длительным тюремным заключением.

Вышел на свободу в 1943 году и сразу же ушел в горы, к партизанам. Боролся против фашизма. Через два года снова оказался за решеткой, на целых девять лет.

Выйдя из тюрьмы, снова работал в подполье. В 1969 году «Пайсано» опять схватили и заточили без суда и следствия. Фашисты подвергали его мучительным пыткам, здоровье «Пайсано» было подорвано, но ничто не могло сломить волю коммуниста, его веру в победу справедливого дела.

Осенью прошлого года трудящиеся, во главе которых шли коммунисты, потребовали от властей, пришедших на смену Франко: объявить амнистию политзаключенным, и «Пайсано» вышел на свободу. Тогда-то испанцы и узнали его настоящее имя: Орасио Фернандес Ингуансо. Сейчас, после двадцати двух лет заключения в франкистских застенках, он руководит организацией коммунистов провинции Астурия.

Прогрессивные силы Испании продолжают борьбу за демократические преобразования в стране. На снимке: один из митингов испанских демократов.

На прошедших в июне этого года парламентских выборах 92 процента избирателей отвергли кандидатов, которые хотели вернуть фашистские порядки в Испании. Но означает ли это, что завтрашний день маленького Рубена будет безоблачным, что не будет новых претендентов в диктаторы? Гарантировать это пока никто не может. Одними выборами вряд ли можно уничтожить наследие диктатуры Франко.

Миллионы испанцев, отдавших свои голоса за левые партии, за коммунистов, начеку. Они бдительно следят за теми, кто стремится остановить продвижение Испании по пути к подлинной демократии и свободе.

Мадрид — Москва.

Вадим ПОЛЯКОВСКИЙ,
член редколлегии газеты «За рубежом».
Фотография автора

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ — избрание депутатов в высшие и местные органы государственной власти. Избирая своих депутатов в парламент, народ выражает свою волю.

Однако в капиталистических странах правящие классы используют выборы для давления на волю трудящихся. Вся выборная кампания в буржуазных государствах пронизана духом лживой пропаганды, подлогов, подкупов, насилия, политической и расовой дискриминации. Во многих капиталистических странах ограничены избирательные права молодежи, женщин, граждан другого цвета кожи. Или их вовсе не допускают к выборам. И только когда народ един в своем стремлении к подлинной демократии и прогрессу, трудящимся удается добиться победы на выборах.

В СССР и других социалистических странах выборы выражают политическое единство народа, победившего эксплуататоров, строящего социализм и коммунизм. В новой Конституции СССР в статье 94 говорится: «Выборы депутатов во все Советы народных депутатов производятся на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании». Правом голоса на выборах обладают все граждане СССР, достигшие восемнадцати лет.

С этого возраста каждый гражданин может быть избран депутатом в местный или Верховный Совет. Избирателям гарантировано право свободного и всестороннего обсуждения политических, деловых и личных качеств кандидатов в депутаты местных и высших органов народной власти.

«За нефтью, газом, углем, рудой мы идем теперь все дальше на восток и на север»

Л. И. БРЕЖНЕВ

ДОРОГИ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО

Мурад АДЖИЕВ

Наш рассказ — о Сибири, о том, как советские люди осваивают ее просторы и недра, строят дороги, города, заводы. О том, как решается великая задача, поставленная XXV съездом КПСС: «В Западной Сибири продолжить формирование крупнейшего территориально-производственного комплекса — главной базы страны по добыче нефти и газа».

ВЕЛИЧАЙШАЯ РАВНИНА МИРА

Словно каменый шов, соединяют Европу и Азию гранитные скалы Урала. За древним уральским хребтом простирается Западная Сибирь…

Мне довелось изъездить ее, как говорят, вдоль и поперек. И я всегда не переставал удивляться, какая она разная, Западная Сибирь, какая неодинаковая.

Взгляни на нашу карту.

С севера на юг Западная Сибирь протянулась почти на три тысячи километров.

На студеном арктическом побережье лежит пустынная тундра — это Западная Сибирь.

Южнее — болотистая равнина, которая постепенно уходит под зеленый полог тайги. Это тоже Западная Сибирь.

Еще южнее, в западносибирских степях, колышется ковыль, шумят березовые леса, сосновые боры. Встречаются в здешних степях и островки засушливых полупустынь.

Западносибирская равнина, раскинувшаяся от берегов Арктики до южных степей, — одна из величайших и самых контрастных земель в ми-

Рисунки Ю. РОДИНА

МАРШРУТАМИ
ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ
Енисей
Тазовское
Урал
Салехард
Надым
Уренгой
Обь
Сургут
Самотлор
Нижневартовск
Усть-Балыкское
Обь
Томск
Новосибирск
Тобольск
Новокузнецк
Тюмень
Омск
Иртыш
Нефтепровод
Газопровод
Железная доро
Нефть
Газ
Строящаяся
железная доро

ре. И в ее недрах обнаружены ценнейшие полезные ископаемые.

...Все вы, ребята, наверное, слышали о Самотлоре. Что же такое Самотлор? Ответить на это можно по-разному.

Можно сказать, что это — озеро, поросшее тиной и ряской, среди чавкающих сибирских болот. Можно добавить, что Самотлор — столица комариного царства. Но сказать только это — значит, умолчать о главном.

Самотлор — это знаменитое месторождение нефти и газа. Посмотри на нашу карту: видишь, к Самотлору тянется железная дорога, а от него идут и нефтепроводы? Самотлор уже служит советским людям!

В Западной Сибири обнаружены и другие месторождения нефти. Над ними сейчас ревут вертолеты, рычат вездеходы, одолевая болота. Геологи готовят новые месторождения к промышленной разработке.

В недрах Западной Сибири обнаружены и подземные хранилища газа. Они лежат довольно близко к поверхности, а стало быть, легче их осваивать. Особенно это касается северных месторождений — Медвежьего, Уренгоя, Юбилейного.

И еще есть в Западной Сибири удивительные месторождения: наполовину газовые, наполовину нефтяные. Из пробуренных скважин здесь густым паром поднимаются облака. Это газоконденсат — газ, смешанный с мельчайшими капельками нефти. Причем нефти особенной, высшего качества, из которой делают лучшие сорта бензина.

Но, разумеется, эти облака появляются ненадолго. Газоконденсат сразу же направляют по трубам в хранилище.

ДОРОГИ ПО-ТЮМЕНСКИ

К богатствам Западной Сибири подступить было нелегко. Дорог на севере Тюменской области раньше почти не было — ни железных, ни автомобильных, ни проселочных. Их заменяли водные пути. Люди селились по берегам рек. А кругом болота, болота, болота... Болота и тайга.

К примеру, тот же знаменитый Самотлор. Когда я впервые увидел его — мы прилетели туда на вертолете, — то даже не поверил, что передо мной прославленное месторождение, гордость Сибири. Широкая равнина без единого бугорка. То здесь, то там робкими группками или поодиночке высились корявые деревья. Вдалеке на солнце поблескивало озеро, а воздух кругом звенел от невыносимых комариных туч. И эти малые островки тайги со всех сторон окружало бескрайнее болото.

И так на любом другом месторождении: островок суши, вокруг него на сотни километров болота, а в глубине нефтяные пласты.

Как тут добывать и вывозить нефть и газ?

Летом по болоту вообще не проедешь. Только зимой, когда зыбкую землю скует мороз, машины кое-как могут продвигаться.

Но и по промороженной земле ездить надо очень и очень осторожно: ледовое покрытие непрочно, оно хоть и в один-два метра толщиной, но хрупкое, под тяжестью машин может разломиться. И тогда болото, глухо охнув, поглотит все: и машины, и грузы, и людей...

До начала разработки нефтяных месторождений, как я уже говорил, в Западной Сибири не было почти ничего, что могло бы относиться к транспорту. Ведь транспорт — это не только автомобили, самолеты, поезда, корабли. Это еще и дороги, и аэродромы, и пристани, и многое другое.

Начинать в Западной Сибири пришлось со строительства дорог, и строить их стали по-особенному, по-тюменски, с поправкой на болото и на мороз.

Вот как здесь строится дорога. В раскисшей земле прорывают глубокую траншею. Не теряя времени, быстро заполняют ее песком. Сверху насыпают гравий, утрамбовывают его и на эту твердую подушку укладывают бетонные плиты. Такие дороги уже есть в Среднем Приобье.

Аэродромы строят почти так же. Только глубже роют траншеи, больше затрамбовывают гравия и песка, толще укладывают бетонные плиты.

Аэродромы и шоссе по-тюменски обходятся государству в 5—8 раз дороже, чем, например, где-нибудь под Москвой или в Рязани. Как же быть?

Смелое, даже неожиданное решение подсказала... вечная мерзлота.

Мерзлота? Но ее почти нет в Западной Сибири — только на Севере.

Нет, так будет! **Строители стали создавать временную мерзлоту и заставили ее «работать».**

Зимой мощные бульдозеры осторожно вскапывали ледяной панцирь сонного болота. Глубокая траншея морщиной тянулась за ними по заснеженной тайге. Затем ее набивали снегом, сверху утрамбовывали льдом, поливали водой. А чтобы ледяная дорога не растаяла, насыпали подушку-насыпь из грунта, хвои, щепок или мха, что было под рукой.

И такая ледовая дорога работала! Работала даже весной и летом! Сибиряки благодарно прозвали такие дороги «снегурочками».

А еще по болотам протянулись «лежневки» — дороги, покрытые ветками и бревнами. Чавкающая трясина все время медленно засасывает это ненадежное покрытие, а люди настилают новое.

Спору нет, по таким дорогам далеко не уедешь. Но они дешевы, а главное, строить их можно быстро.

Стальные дороги тоже строят в Западной Сибири, но строят уже основательно и надолго.

РЕЛЬСЫ НАД БОЛОТОМ

В 1969 году, как десантники в тылу врага, первые строители захватили у болот сухой плацдарм около речки Демьянки, притока Иртыша. Их было двадцать парней и девчат. Первых! Они прибыли сюда, чтобы строить железную дорогу, вести ее навстречу другим строителям — тюменским.

Ребята поставили палатки и принялись готовить жилье на зиму. Болота уже впали в долгую зимнюю спячку и не мешали людям.

Неподалеку, всего в каких-то пятидесяти километрах, расположено село Демьянское. О таких расстояниях в Сибири говорят: «Рядом». Но это были болотные километры. Дорожные машины, которые привезли в Демьянское на речных баржах, с трудом прошли его за полтора месяца. Вернее, проползли, то и дело проваливаясь в промороженное болото.

С этого зимнего марш-броска начинается ис-

тория железной дороги к нефтяным месторождениям Западной Сибири.

Шесть лет медленно, но упорно шел по нетвердой тюменской земле отряд строителей, оставляя за собой насыпь с тускло поблескивающими рельсами дороги.

Много трудностей преодолели строители, пока дошли до Сургута. Так, чтобы пройти чудовищные Садымские болота, пришлось возвести над болотом даже не насыпь, а семидесятикилометровую земляную плотину высотой в двадцать метров и на ней уложить стальные рельсы.

Наконец, долгожданный Сургут — сердце нефтяного края. Железную дорогу венчает здесь мост через широкую Обь. Мощные железобетонные опоры ровной цепочкой встали от одного берега до другого. Высоко над рекой они подняли изящную стальную паутину двухкилометрового моста...

Дорога пришла в Сургут, но это, по существу, лишь начало большого пути. Нужно строить дальше — дорогу к нефтяному Самотлору, на Нижневартовск.

Но, главное, конечно, проложить путь на север, к газовому месторождению Уренгой.

На XXV съезде партии особо важной стройкой в Сибири вместе с БАМом названа именно эта северная железная дорога Сургут — Уренгой.

На нашей карте видно, что эта железная дорога скоро подойдет к берегам Ледовитого океана, и Сургут станет железнодорожным перекрестком — первым в нефтяном крае.

Гудок тепловоза уже услышали жители Самотлора. Совсем недавно сюда пришли поезда с грузами для нефтяников, а в центральные районы страны направились в цистернах нефть, в вагонах — лес...

Велик подвиг железнодорожных строителей! Но ученые-транспортники ищут новые пути преодоления непроходимых топей...

В ряде стран уже построены подвесные монорельсовые дороги. Они тянутся на многие сотни километров по воздуху, как линия электропередач. Мощные столбы-сваи соединены блестящим рельсом, повиснув на котором, движется поезд.

На вечной мерзлоте уже есть дома на сваях, прокладывают и трубопроводы, подняв их над землей. На столбах-сваях поднимется над болотом и нитка железной дороги! Тогда уйдут в прошлое многокилометровые насыпные плотины, мосты.

СТАЛЬНЫЕ РЕКИ СИБИРИ

И еще с одним видом транспорта я познакомился в Западной Сибири. **От нефтяных промыслов к далеким заводам протянулись стальные рукава трубопроводов. По стальным трубам нефть идет на запад, юг и восток.**

Один из первых трубопроводов был проложен из Усть-Балыка в Омск. Его длина — около тысячи километров. Приход нефтяного потока сначала из Поволжья, а затем из Западной Сибири многое изменил в старом Омске. Поднялись корпуса заводов по переработке нефти. Скоро такие же заводы появятся и в других городах — в Тобольске, Томске, Павлодаре.

Так решил XXV съезд нашей партии.

Но все-таки основной поток нефти пока будут перекачивать на запад от Урала, к нефтеперерабатывающим и химическим заводам Центра страны.

С севера Тюменской области тянутся газопроводы. Взгляни снова на карту. Рядом с городом Надым — газовое месторождение Медвежье. Отсюда газ идет в Москву, Ленинград, на Урал, в социалистические страны Европы...

А сколько еще придется построить трубопроводов для транспортировки сибирской нефти и газа! Сейчас каждый год строится новый трубопровод. И каждая стальная нитка дорого обходится государству. Судите сами: один метр мощного трубопровода требует больше полутонны металла. Сколько же его понадобится для новых нефтяных рек?

Ученые предложили лучше использовать уже действующие сети труб. Если газ охладить или сделать жидким, по трубопроводу из особых сталей его пройдет в несколько раз больше!

Укладывать трубы строители тоже пробовали по-разному. Как-то даже гарпунера — охотника за китами — пригласили на промыслы. Зачем это понадобилось? А вот зачем.

Зима приходит в Сибирь сразу. Замерзают болота. С каждым днем становится все холоднее. И в сильные морозы на поверхности болот то тут, то там вырастают ледяные бугры. Это расширяется, вспучивает землю замерзшая вода в торфяниках. Зимние бугры растут медленно. Весной они осядут. Но если зимой на таком растущем холме окажется стальная труба, она искорежится, погнется и сломается.

Что только не перепробовали нефтяники! И тяжестью пытались придавить такие бугры и подкопаться под них...

Инженеры предложили крепить трубы с помощью специальных якорей. Но как их загнать в промерзший грунт? Вот тут-то и вспомнили о гарпунной пушке. Пушку прикрепили к трактору стволом вниз. Выстрел!

И якорь ушел на шесть метров в глубь замерзшего болота. Еще выстрел. И новый якорь надежно притянул трубу к земле.

Трактор отъехал на небольшое расстояние — слышны новые выстрелы. Так метр за метром крепится трубопровод. Так метр за метром советские люди осваивают сибирские недра...

Нелегко покорить этот район.

Но без нефти, без газа нет движения вперед, нет научной революции, нет технического прогресса. Значит, затраты оправданны и трудности неизбежны. Неизбежны ради главного: **несмотря ни на что, создать в Западной Сибири новую топливно-энергетическую базу, которая обеспечит надежное развитие экономики нашей страны в будущем.**

В будущее нацелены сибирские вышки!

Чингиз АЙТМАТОВ,
лауреат Ленинской премии,
народный писатель Киргизии

Я—сын Токтосуна

РАССКАЗ

Это рассказ о войне. Война несет с собой утрату близких, горе, боль даже тем, кто не слышал свиста снарядов, грохота пушек.

Никто не знает точной меры детскому горю. Мой герой тоскует без отца, ушедшего на войну, мечтает о его возвращении.

Мне хочется, чтобы современный читатель — и взрослый и юный — ощутил боль маленького человека, проникся к нему сочувствием.

Мой рассказ печатается в праздничном номере «Пионера», посвященном 60-летию Октября. Это великая дата в жизни нашей страны. Да и не только нашей. Все лучшее в нашей жизни связано с преобразующей силой Великой Октябрьской Социалистической революции.

Разрешите поздравить тех, кто «делает» журнал «Пионер», и тех, кто его читает, с нашим всенародным праздником.

Первый раз Авалбек увидел отца в кино. Тогда он был малышом лет пяти.

Произошло это в той большой кошаре, где каждый год стригут овец. Кошара эта, крытая шифером, и поныне стоит за совхозным поселком, под горой, у дороги.

Сюда он прибегал с матерью. Его мать, Джеенгуль, телефонистка почтового отделения совхоза, каждое лето устраивалась подсобной работницей на стригальном пункте. Для этого она брала отпуск и отгул за сверхурочные дни и ночи, проведенные у коммутатора во время посевной и окотной кампаний, и работала здесь до последнего дня стрижки. Оплата на стрижке сдельная, тут можно было неплохо заработать. А солдатской вдове, ой, как нужна была каждая копейка! Хотя семья и невелика — она сама да сын, но все равно: семья есть семья. Топливо надо запасти на зиму, муки купить, одеться надо, обуться... Да и мало ли чего еще надо.

Сына оставлять дома было не с кем, и она брала его с собой на работу. Здесь, чумазый и счастливый, бегал он целыми днями среди стригалей, чабанов и лохматых пастушьих собак.

Он первый увидел, как во двор кошары въехала кинопередвижка, и первый бросился оповещать всех об этом чрезвычайно радостном событии:

— Кино приехало! Кино!

Картину должны были показать после работы, когда стемнеет. А до этого Авалбек томился в ожидании. Но зато вечером он был вознагражден. Фильм был про войну. На белом полотнище, натянутом между двумя столбами в конце кошары, началось сражение, загрохотали выстрелы, со свистом взмывали ввысь ракеты, освещая истерзанную всполохами тьму и приникших к земле разведчиков. Ракеты гасли, и разведчики снова бросались вперед. А пулеметы строчили среди ночи так, что у мальчика дух захватывало. Вот это была война!

Они с матерью примостились позади всех, на тюках шерсти. Отсюда было виднее. Ему, конечно, хотелось бы сидеть в самом первом ряду, там, где устроились на полу прибежавшие из совхоза ребятишки. И он кинулся было к ним, но мать удержала:

— Носишься с утра до вечера, побудь со мной! — И усадила его к себе на колени.

Киноаппарат стрекотал, война шла. Люди напряженно следили за ней. Мать вздыхала, порой испуганно вздрагивала и крепко прижимала мальчика к себе, когда танк шел прямо на них. Какая-то женщина, сидевшая рядом, то и дело горестно цокала языком и бормотала:

— Боже мой, что творится, боже мой!..

А ему было не страшно и даже, наоборот, весело — когда падали фашисты. А когда падали наши, ему казалось, что они потом все равно встанут.

Вообще-то люди падают на войне точь-в-точь, как падают ребята, когда играют в войну.

Он тоже умеет так падать, с разбегу, будто кто-то подставил ему подножку. Больно, правда, ушибешься, но ничего, встанешь — и снова в наступление, и забываешь об ушибах. Но солдаты не поднимаются, остаются лежать на земле темными, неподвижными бугорками. Он умел падать и по-другому, как те, кому пуля попадала в живот. Они падают не сразу, сперва схватятся за живот, потом согнутся и медленно валятся на траву, выронив из рук оружие. Упав, он объявлял, что не убит, и снова воевал. А солдаты не поднимались.

Война шла. Киноаппарат стрекотал. Вот на экране появились артиллеристы. Под шквальным огнем, среди взрывов и дыма они выкатывали противотанковую пушку, чтобы стрелять прямой наводкой. Толкали ее вверх по склону оврага. Склон был длинный и почти в полнеба. И по этому склону, вскипающему черными всплесками взрывов, двигалась кучка артиллеристов. В их облике было что-то такое, отчего сердце в груди переполнялось гордостью, болью и ожиданием страшного и великого. Их было человек семь. Одежда на них тлела. Один из них был не похож на русского. Мальчик, может, и не обратил бы

на него внимания, если бы не мать. Она шепнула:

— Смотри, это твой отец...

И с той минуты этот артиллерист стал его отцом. И теперь весь фильм был про отца. Отец оказался совсем молодым, похожим на совхозных парней. Роста небольшого, круглолицый, с быстрыми глазами. Они зло сверкали на черном от грязи и копоти лице, и весь он был цепкий, стремительный, как кошка. Вот он, подпирая плечом колесо пушки, обернулся и крикнул кому-то вниз: «Снаряд! Не задерживай!» Голос его заглушил грохот взрыва.

— Мама, это мой отец? — переспросил Авалбек.

— Что? — не поняла она.— Сиди тише. Смотри.

— Ты же сказала: он мой отец.

— Твой отец. Тише, не мешай другим.

Почему она так сказала? Зачем? Может, просто так, не подумав, а может, взволнованная, вспоминая мужа. А сын, несмышленыш, поверил. И обрадовался, и растерялся от этой неожиданной и незнакомой ему радости, и гордился за своего отца — солдата. Вот это настоящий отец! Его, Авалбека, отец. А мальчишки дразнят его, говорят: нет у него отца. Пусть увидят они теперь его отца. И чабаны пусть увидят!

Чабаны, скитальцы гор, никогда толком не знают ребят. Он помогает им загонять отары во двор стригального пункта, он разнимает их собак, когда те грызутся, а чабаны донимают его расспросами. Каждый чабан — сколько их есть на свете! — сидя в седле, обязательно спросит:

— Ну, джигит, как же тебя звать?

— Авалбек.

— Чей же ты будешь?

— Я — сын Токтосуна!

Чабаны не сразу понимают, о ком идет речь.

— Токтосуна? — переспрашивают они. — Это какого же Токтосуна?

— Я — сын Токтосуна,— твердит он.

Так велела отвечать мать, и слепая бабушка наказывала не забывать имени отца. Она не раз драла ему уши — злая...

— А-а, постой, постой, так ты сын телефонистки, что на почте, так ведь?

— Нет, я — сын Токтосуна! — Он стоит на своем.

И тогда чабан начинает догадываться, в чем дело.

— Верно, ты и есть сын Токтосуна! Молодец! Это я просто испытать тебя решил. Не обижайся, джигит. Мы круглый год в горах, а вы тут растете, как трава, не узнал тебя сразу.

И потом чабаны долго припоминают его отца. Видно, совсем молодым ушел на фронт и многие уже не помнят его. И хорошо, что остался сын. А сколько ребят ушли холостыми, и некому теперь носить их имя!

Но теперь, с той минуты, как мать шепнула ему: «Смотри, это твой отец», солдат на экране стал его отцом. И мальчик думал о нем как о своем отце. Солдат и в самом деле походил на молодого солдата в пилотке, которого Авалбек видел на фотографии. Эту фотографию мать потом увеличила и повесила в рамке под стеклом.

Авалбек смотрел на отца глазами сына, и в его детской душе поднималась горячая волна неизведанной сыновней любви и нежности. Отец на экране словно бы знал, что на него смотрит сын, и словно хотел за свою мгновенную жизнь в кино показать себя таким, чтобы сын вечно помнил о нем и вечно гордился им — солдатом минувшей войны. И с этой минуты война уже не казалась мальчику забавной, и ничего смешного не было в том, как падали люди. Война стала серьезней, тревожней, страшней. И он впервые испытал чувство страха за близкого человека, за того, которого ему всегда не хватало.

Киноаппарат стрекотал, война продолжалась. Вот показались фашистские танки. Они грозно надвигались, кромсая землю гусеницами, и на ходу стреляли из пушек. А наши артиллеристы, выбиваясь из сил, тащили орудие вверх по склону оврага. «Скорей, скорей, папа! Танки идут, танки!» — торопит отца сын. Наконец пушку выволокли, вкатили в кусты орешника и стали палить по танкам. А танки палили в ответ. Их было много. Жутко становилось.

Сыну показалось, что и сам он там, рядом с отцом, в огне и грохоте войны. Он подпрыгивал на коленях матери, когда танки горели и их обволакивал черный дым, когда гусеницы их слетали с колес, когда они слепо и злобно кружились на одном месте. Он притихал, собирался в комок, когда падали наши солдаты у орудия. Их становилось все меньше и меньше. А мать плакала, лицо было мокрым и горячим.

Киноаппарат стрекотал, война шла. Бой разгорался с новой силой. Танки подходили все ближе и ближе. Пригнувшись у лафета, отец яростно и громко кричал что-то в трубку полевого телефона, но ничего нельзя было разобрать в грохоте. Вот упал еще один солдат у орудия; он попытался встать, но не смог, ткнулся лицом в землю. И земля почернела от его крови. Вот они остались только вдвоем — отец и еще один солдат. Огонь и тьма. С земли поднимается только один, его отец. Он снова бросается к орудию. Сам заряжает, сам наводит. Это последний выстрел. Снова взрыв окутал экран. Пушку отца искорежило и отбросило в сторону. Но сам он еще жив. Медленно встает и идет, обгоревший, в дымящейся одежде, навстречу танку. В руках у него граната.

«Стой, не пройдешь!» Он замахивается гранатой. И замирает на секунду с искаженным от гнева и боли лицом.

Мать изо всех сил сжала руку сына. Он

хотел вырваться, броситься к отцу, но из танка плеснула длинная пулеметная очередь, и отец упал, как срубленное дерево. Он покатился по земле, попытался встать и снова упал навзничь, широко раскинув руки...

Киноаппарат смолк, война оборвалась. Это был конец части фильма. Киномеханик включил свет, чтобы перезарядить ленту.

Когда в кошаре вспыхнул свет, все зажмурились и заморгали глазами, возвращаясь из мира кино, из войны в свою реальную жизнь. И в этот момент мальчик скатился с тюков шерсти с ликующим криком:

— Ребята, это мой отец! Вы видели? Это моего отца убили...

Мальчик с торжествующим криком бежал к экрану, где в первых рядах сидели друзья-мальчишки, мнение которых было для него самым важным. На короткое время в кошаре воцарилась неловкая тишина. До людей пока не доходил нелепый смысл радости этого маленького человека, никогда не видавшего своего отца. Никто ничего не понимал, все растерянно пожимали плечами. Киномеханик выронил из рук коробку, в которой хранится кинолента. Она звякнула и, разделившись надвое, покатилась по земляному полу. Но никто не обратил на это внимания, и сам киномеханик не бросился ее поднимать.

А он, сын погибшего солдата, продолжал доказывать свое.

— Вы же видели, это мой отец!.. Его убили!— говорил он, возбуждаясь все больше оттого, что люди молчали, и не понимая, почему они не радуются и не гордятся его отцом так же, как он.

Кто-то из взрослых недовольно шикнул:

— Ч-ч, перестань, не говори так.

Другой возразил:

— Почему не говори? Его отец погиб на фронте. Не правда, что ли?

И тогда соседский мальчишка первый решился сказать ему правду:

— Да это не твой отец. Чего ты кричишь? Вовсе он не твой отец, а артист. Спроси вон у дяди-киномеханика.

Взрослые не хотели разрушить горькую и прекрасную иллюзию мальчика, они надеялись, что приезжий киномеханик объяснит все как есть. Все обернулись к нему. Но механик молчал. Уткнулся в аппарат и сделал вид, что очень занят.

— Нет, мой отец, мой! — не унимался мальчик.

— Какой твой отец? Который? — спросил соседский парнишка.

— Он с гранатой пошел навстречу танку. Ты разве не видел? Он упал... вот так!

Мальчишка бросился на землю и покатился, показывая, как упал его отец. И сделал это в точности так, как было. Он лежал перед экраном навзничь, широко раскинув руки.

Зрители невольно рассмеялись. А он лежал, как убитый, и не смеялся.

Снова наступила неловкая тишина.

— Да что же это, куда же ты смотришь, Джеенгуль? — с упреком сказала старая женщина-чабан, и все увидели: мать, скорбная и строгая, со слезами на глазах, шла к сыну.

Она подняла сына с земли.

— Пойдем, сынок, пойдем. Это твой отец,— прошептала она и повела его из кошары.

Луна стояла уже высоко. В темно-синей ночной дали белели горные вершины, а внизу лежала степь, громадная и непроглядная, как омут...

И только теперь, впервые в жизни, он познал горечь утраты. Ему вдруг стало обидно, больно, горестно за убитого в бою отца. Ему хотелось обнять мать и заплакать, заплакать вместе с ней. Но она молчала. И он молчал, сжав кулаки, глотая слезы.

Он не знал, что с этого часа отец, давно погибший на войне, живет в нем, в сыне.

Рисунки В. ДУДКИНА

Кораблик * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

«Если бы я был волшебником,— пишет Вадим НЕФЕДОВ,— я бы сделал так, чтобы дети всей планеты никогда не голодали, не плакали, не скучали и жили бы так же интересно и весело, как живут советские ребята». Вадиму двенадцать лет, он живет в Амурске.

МОЙ КОРАБЛИК

Мне это не почудилось,
Мне это не приснилось —
На грозных волнах моря
Кораблик мой носился
С названием красивым
«Пионер».
Он мне казался гордым,
С большими парусами,
По бурным волнам синим
Он плыл к далеким странам.
Он плыл к другим ребятам,
Чтоб не было им скучно.
Он вез ребятам радость.
Вот для чего я строил
Мой парусник отважный
С названием красивым
«Пионер».

*

Саша СКОПИЧ учится в седьмом классе, живет на Дальнем Востоке, в поселке Большая Картель. Саше нравятся высокие сопки, могучие ели и кедры. Он хотел написать такие стихи, чтобы в них «вся эта красота была как живая».

РОЗОВЫЙ СНЕГ

Садилось солнце за крутые сопки,
И все вокруг окрасил розовый закат.
И стали розовыми лес, дома и небо
И даже белый на высоких сопках снег.

*

«Наш колхоз один из лучших в районе, и мы этим очень гордимся,— пишет Олег КАЧКАЕВ из села Грибовка Ульяновской области.— Весь год и в поле и на ферме идет у нас работа». Олегу пятнадцать лет.

ЗИМОЙ В КОЛХОЗЕ

Пусть скорей весна придет:
Выйдет в поле весь народ.
Тогда распашем мы поля,
Зазеленеет вся земля.

Новая КОНСТИТУЦИЯ СССР — это Основной Закон, по которому строится жизнь в нашей стране. В Конституции записаны права советских граждан, этими правами пользуетесь и вы, ребята. Вы учитесь в школе, отдыхаете в лагерях и санаториях, врачи следят за вашим здоровьем, для вас строят стадионы и дворцы пионеров... Когда вы вырастете, то сможете выбрать себе любую профессию.

Но у всех граждан СССР есть не только права, но и обязанности перед Родиной и своим народом: добросовестно трудиться, беречь мир на земле, укреплять дружбу между народами, а если понадобится, встать на защиту своего Отечества.

Нет для нас ничего милее и дороже родной земли. Родина наша велика, богата и сильна. Об этом говорят ребята в своих стихах и рассказах.

Ире ЧУФАРОВОЙ десять лет, она живет в Москве, но очень любит бывать у бабушки в деревне, где жили еще бабушкины родители. Об этой деревне Ира написала стихотворение.

ДЕРЕВНЯ

Вот школа за рекою,
Вот трактор вышел в поле,
Там лес... За лесом луг.
А озеро большое,
Как небо, голубое,
И камыши вокруг.
Среди садов зеленых
Домишки стали в ряд,
А на опушке леса
Пастух пасет телят.
И золотятся ровные
Пшеничные поля...
Все это наша русская
Родимая земля!

Андрею КОЗЫРЕВУ тринадцать лет. Он живет на берегу Восточно-Сибирского моря в поселке Валькумей.

А ВДРУГ ЭТО БУДУ Я?!

Наш поселок небольшой: всего пять улиц, около сотни домов, а вокруг него тундра, камни, скалы.

Север суров, но мы привыкли к холодам — и живем и ходим в школу, как обычно. А школа у нас замечательная. Мы ее сами помогали строить, а теперь учимся в классах, которые отделывали своими руками.

Зима у нас долгая. Наверное, поэтому мы больше всего любим кататься на лыжах, на коньках и играть в хоккей. У нас на каждой улице — своя хоккейная команда, и мы часто проводим соревнования.

Команда нашей улицы много раз занимала первое место. Нам хочется, чтобы кто-нибудь из наших ребят стал знаменитым хоккеистом, известным во всем мире.

А вдруг это буду я?!

*

Наташа ШУРОВА из села Большая Знаменка Запорожской области, считает, что ее родное село очень красивое, только многие привыкли к этой красоте и не замечают ее.

«А мне хочется,— пишет Наташа,— чтобы эта привычная красота радовала и удивляла нас каждый раз по-новому».

Я РИСУЮ...

Я рисую. Рисую все, что увижу.

Выйду зимой в сад: деревья в снегу, у кормушки птички копошатся — нарисую и сад и кормушку.

Приду в школу: ребята в коридоре играют, смеются, звонок звенит, на урок зовет — нарисую и ребят, и класс, и даже звонок.

А весной увижу, как скворцы в своих домиках устраиваются, как трактора по полю ходят,— тоже все это нарисую.

Летом выйду в поле: колоски шепчутся, золотыми волнами переливаются — опять за краски берусь.

Я рисую еще не очень хорошо, но мне хочется так научиться рисовать, чтобы люди посмотрели на мои рисунки и сразу увидели, как красиво все обыкновенное, к чему они так привыкли, и удивились бы:

— Как же это ты раньше не замечал такой красоты?

Марина ЩУСЬ — пятиклассница, она живет в городе Фрунзе. «Моя мама работает на заводе, она лаборантка,— пишет Марина,— а папа — слесарь-шлифовщик. Они очень хорошо работают: мама — ударник коммунистического труда, она награждена медалью за труд, а у папы пятнадцать похвальных грамот». Марина сочинила стихи про завод.

РАБОЧАЯ СМЕНА

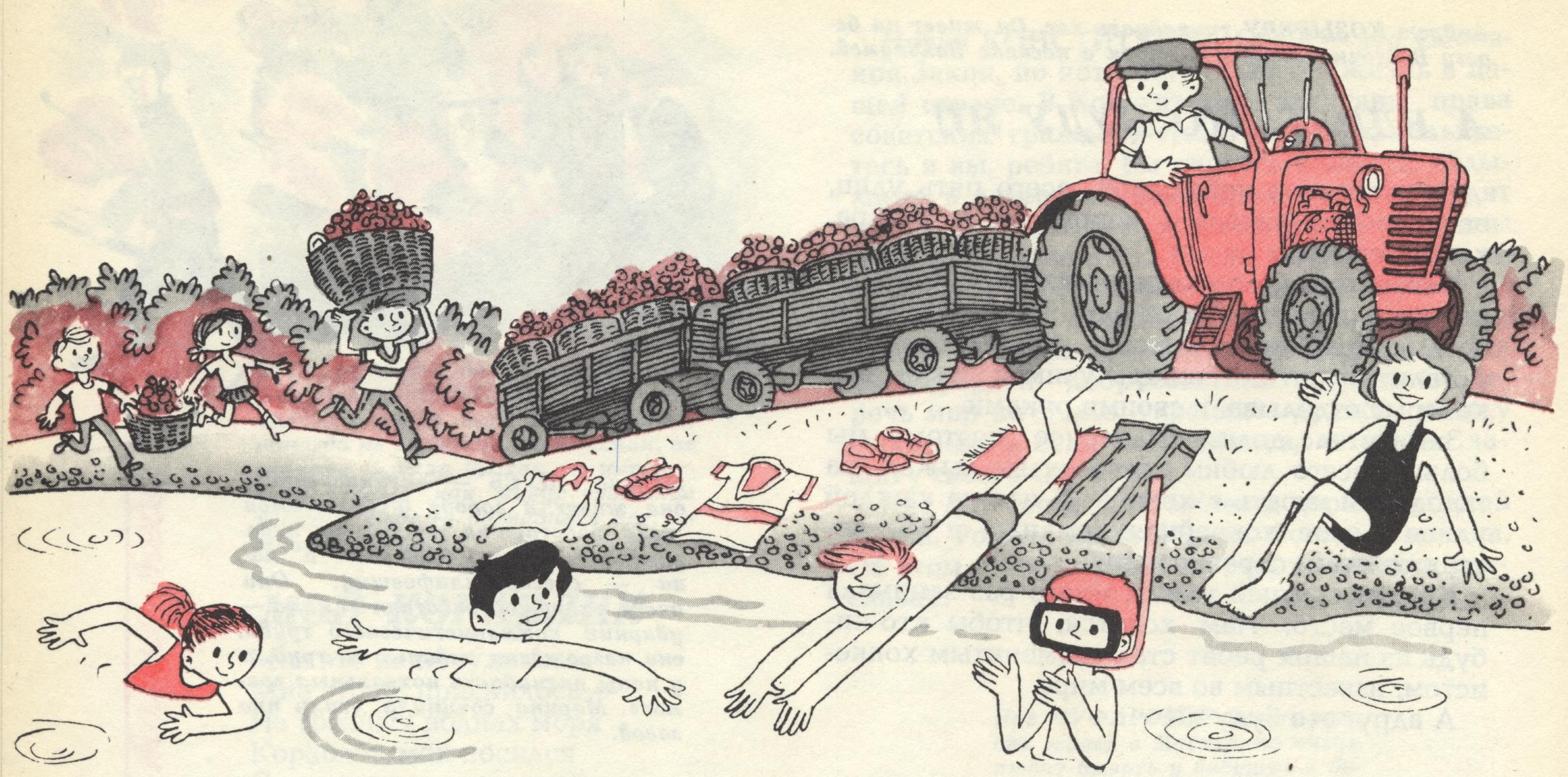
Утром рано на завод
Смена первая идет,
Уходите, сторожа,
Открывайтесь все цеха,
Заходи, рабочий люд,
Всех дела большие ждут,
Закипит работа
На больших заводах,
На фабриках, в поле
И у нас в школе.
Вырасту и чем смогу
Я рабочим помогу.
Смена кончилась, опять
Могут люди отдыхать.
До свидания, завод!
Завтра смена вновь придет.

*

«В нашем селе нет школы, и нам приходится ездить учиться в соседнее село. Но зато школа там замечательная: много кружков, есть свой музей,— пишет шестиклассница Зульфия ВАЛЫШИНА из села Кулаковка, Астраханской области.— Почти каждый день нас ждет в школе что-то интересное. И вообще я считаю, что лучше нашего края нет ничего на свете».

* * *

Солнце встало на заре,
Улыбнулось оно мне,
И река мне подмигнула,
И запели птицы мне.
Солнце стало пригревать,
Щедро радость раздавать,
И от солнца мир кругом
Стал обычным светлым днем.



САМАЯ ВАЖНАЯ РАБОТА

Сегодня в Школе Умелых Хозяев ведет урок Николай Макарович ГУНЬКО, председатель колхоза «Черноморец» в Крымской области.

КТО ВЫРАСТИТ БОЛЬШОЙ УРОЖАЙ?

О чем я мечтал в детстве? Как и многие мальчишки послевоенных лет, хотел быть летчиком-штурманом. Мечтал о небе, но жил-то на земле. В маленькой деревне. И видел, как работают родители и односельчане.

Для нас, детей, учеба хоть и считалась делом важным, однако не освобождала от многих других забот. Мы и на сенокосе помогали, и на жатве, и на сборе фруктов.

Мы помогали взрослым в нелегкой работе земледельца, и земля притягивала нас к себе. И после десятого класса я решил поступить в сельскохозяйственный институт.

Я нисколько не жалею, что не стал летчиком. Люблю свою работу и считаю труд земледельца самым главным на свете. И хочется мне, чтобы ребята, которые сейчас учатся в школе, выросли и пришли работать в колхоз, научились выращивать такие огромные урожаи, каких раньше не собирали.

ВИНОГРАД У МОРЯ

Земли нашего колхоза у самого моря. Длинные ряды виноградников обрываются прямо у спуска на галечный берег. Любому мальчишке нужно совсем немного времени, чтобы пробежать по дороге мимо виноградников. И вот оно, море.

Но как пробежать мимо, если над бесконечными рядами зеленых кустов мелькают белые косынки колхозниц, их руки отводят гибкую лозу, подвязывают ее к проволоке. И ребята не пробегают. Они работают вместе со всеми. Уничтожают сорняки, привязывают к проволоке лозу, обламывают лишнюю поросль.

А когда работа кончена, скатываются кубарем на прибрежную гальку, бегут купаться.

Убежден, что человек с детства должен узнать вкус пота от настоящей работы. И усталость после этой работы. И такой отдых, когда есть от чего отдыхать. Вот почему открывается каждый год при школе лагерь труда и отдыха, где слово «труд» стоит на первом месте. И каждая наша бригада шефствует над одним из пионерских отрядов.

Колхозники и пионеры дружат давно. Старшие учат ребят работать, хозяйствовать. А если что-то случится, бригадир приходит и говорит: «Ребята, нужна ваша помощь»,— пионеры помогают всегда.

Может, у тебя мелькнула такая мысль: хорошо ребятам, которые живут в Крыму, у самого моря, работают не где-нибудь, а в саду или на винограднике... Ну, а кто же не любит виноград и фрукты? Все любят. Но не все знают, как трудно их вырастить. Наши ребята знают.

ГРУШЕВЫЙ САД

Помогают ребята колхозникам отлично. Как председатель могу это сказать. И все-таки по-настоящему человек может себя проверить, если ему полностью поручили какое-то важное дело. Вот поэтому мы и решили отдать школьникам грушевый сад. Сад, в котором все — от ухода за деревьями до сбора груш — делают они сами. Сами распределяют и планируют работу и даже доходы подсчитывают сами. Сад, в котором они хозяева.

А хозяин должен многое уметь делать. Он должен уметь защищать свой сад от засухи, ранних заморозков, от вредителей. Он должен уметь правильно обрезать ветви, формировать крону дерева и даже... собирать, упаковывать груши, чтобы они дошли до покупателя в самом лучшем виде.

Ребята и трактор должны уметь водить: ведь пять гектаров лопатой не обработаешь. В школе появился новый предмет — вождение трактора и свой трактор.

Сад, который мы доверили пионерам, молодой. И это не случайно. С молодыми деревцами нужно много повозиться, чтобы они потом хорошо плодоносили. Мы могли отдать ребятам и старый сад, в котором меньше работы. Но решили по-другому. И это значит, что мы на них надеемся.

ДВОЕЧНИКИ И НАМ НЕ НУЖНЫ

Иногда я слышу, как некоторые родители говорят: «Учись хорошо, а то не поступишь никуда, в колхозе останешься». Как это неправильно! Нам в колхозе не нужны недоучки и двоечники. Да и нигде они не нужны.

В садоводстве, виноградарстве, полеводстве каждый год применяются новые и новые достижения науки. И очень легко отстать, если постоянно не интересоваться этим новым.

Например, совсем еще недавно все деревья в наших колхозных садах были высокими, с огромными кронами, и считалось, что это нормально. Собирали урожай с такого дерева, забираясь на большую, тяжелую лестницу. На смену этим садам пришли другие. Крона дерева растягивается на проволоке, дерево вырастает невысоким, начинает быстро плодоносить. За таким садом легче ухаживать.

А на смену этим садам идут «луговые» сады. Представь себе сад, похожий на плантацию помидоров. Деревья совсем маленькие, посажены очень густо, потому и называют сад луговым. А урожаи в нем просто сказочные.

И в нашем деле нельзя отставать, нужно следить за наукой, за всем новым. Поэтому ребята, которые учатся хорошо, пользуются у нас в колхозе таким же уважением, как и передовики производства.

С каждым годом нам требуется все больше людей со специальным образованием. Уже сейчас почти все бригадиры в колхозе имеют высшее образование.

Многих ребят, которые после школы остаются в колхозе, мы посылаем учиться дальше. Нам нужны люди самых разных профессий. В колхозе выращивают сады, виноградники — значит, нужен агроном по многолетним растениям. Растения могут болеть, пострадать от вредителей — значит, нужен агроном по защите растений — энтомолог. Сады и виноградники необходимо поливать, для этого нужны каналы, насосные станции — значит, нужен инженер-гидротехник. Кто-то должен планировать и регулировать наше сложное хозяйство — нужны экономисты. Дела хватит всем.

Но, конечно, не все, став взрослыми, будут работать в колхозе. Может быть, кто-то станет летчиком, как и я мечтал. И увидит землю с высоты. Но как бы высоко человек ни поднялся, он не должен смотреть на землю свысока. Ведь живем-то все на земле. И делать ее красивой — может ли быть труд почетнее!

Литературная запись Н. АСТАХОВОЙ
Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

Владимир МАЯКОВСКИЙ

ХОРОШО!

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами,
как дуют
при капитализме.
За Троицкий
дули
авто и трамы,
обычные
рельсы
вызмеив.
Под мостом
Нева-река.
По Неве
плывут кронштадтцы...
От винтовок говорка
скоро
Зимнему шататься...
...Видят
редких звезд глаза —
окружая
Зимний
в кольца,
по Мильонной
из казарм
надвигаются кексгольмцы.
А в Смольном,
в думах
о битве и войске,
Ильич
гримированный
мечет шажки,
да перед картой
Антонов с Подвойским
втыкают
в места атак
флажки.
Лучше
власть
добром оставь,
никуда
тебе
не деться!
Ото всех
идут
застав
к Зимнему
красногвардейцы...
...А поверху —
город
как будто взорван —
бабахнула
шестидюймовка Авророва.
И вот
еще
не успела она
рассыпаться,
гулка и грозна,—
над Петропавловской
взвился
фонарь,
восстанья
условный знак.
— Долой!
На приступ!
Вперед!
На приступ! —
Ворвались.
На ковры!
Под раззолоченный кров!
Каждой лестницы
каждый выступ
брали,
перешагивая
через юнкеров.
Как будто
водою
комнаты полня,
текли,
сливались
над каждой потерей,
и схватки
вспыхивали
жарче полдня
за каждым диваном,
у каждой портьеры...
...А в Смольном
толпа,
растопырив груди,
покрывала
песней
фейерверк сведений.
Впервые
вместо:
— и это будет...—
пели:
— и это есть
наш последний...—
...Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами.
Рельсы
по мосту вызмеив,—
гонку
свою
продолжали трамы
уже —
при социализме.

1927

СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР

Товарищ Серго

Этери ОРДЖОНИКИДЗЕ

РАССКАЗЫ ОБ ОТЦЕ

Мой отец, Григорий Константинович Орджоникидзе, был революционером, большевиком. Товарищ Серго — так называли его друзья по подпольной, революционной, партийной работе. Серго Орджоникидзе, ученик и соратник В. И. Ленина, всю свою жизнь отдал делу Ленина, делу Коммунистической партии, делу коммунизма.

СВЯЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Пассажиры парижского омнибуса — громоздкой кареты, которую тянула тройка лошадей, — весело переглядывались. Их смешил молодой человек, видно, приезжий, который время от времени произносил: «Мари-Роз... Мари-Роз...»

Мари-Роз — одна из парижских улиц. Пассажиры омнибуса догадались, что молодой человек ищет улицу Мари-Роз, боится проехать нужную ему остановку. Остановку приезжему, разумеется, показали...

Дверь дома, который он искал, открыла женщина, явно недовольная тем, что ее побеспокоили в обеденное время. Обеденный перерыв во Франции начинался в два часа дня и свято соблюдался всеми, а приезжий не знал этого.

Рассерженная консьержка все же впустила гостя и позвала жильцов второго этажа. На верхней площадке появилась женщина, спросила по-русски:

— Вы к нам?

Послышался мужской голос:

— Надюша, кто приехал?

А гость стоял внизу, держась за перила, улыбался и не мог вымолвить ни слова от волнения.

Долгим, трудным, опасным путем добирался он до этой улицы, до этого дома. Разве могли догадаться пассажиры омнибуса или отворившая дверь консьержка, что застенчивый молодой человек — бесстрашный революционер Серго Орджоникидзе, приехавший в Париж, к Ленину?

«Я спустилась вниз, — рассказывала впоследствии Надежда Константиновна Крупская, — стоит кавказского вида человек и улыбается. Оказался Серго. С тех пор он стал одним из самых близких товарищей».

Григорий Константинович Орджоникидзе — член Реввоенсовета Кавказского фронта.

Серго Орджоникидзе был связным между Владимиром Ильичем Лениным, жившим в то время в Париже, и русскими революционерами. Для этого по заданию партии он уехал в Персию. Владимир Ильич присылал из Парижа в Персию письма, статьи, а отец переправлял их в Россию. Царские жандармы следили за Лениным: посылку от него — да еще с бумагами! — непременно задержали бы. Ленинские рукописи, посланные через отца, благополучно доходили по нужным адресам, появлялись в подпольной большевистской печати.

В Париж Серго Орджоникидзе приехал, когда в 1911 году Владимир Ильич создал в парижском пригороде Лонжюмо партийную школу для революционеров, приехавших из России. Прослушав лекции, они возвращались на родину для дальнейшей подпольной работы.

Так мой отец впервые встретился с В. И. Лениным.

В 1917 году отец приехал к Ленину в Разлив неподалеку от станции Сестрорецк.

Вернувшись в Россию, Владимир Ильич вынужден был скрываться от царских жандармов. Охранял его рабочий Емельянов. Помогал Емельянову его десятилетний сынишка Коля.

Как было условлено, Коля переправил товарища Серго на лодке через озеро, потом они продирались сквозь густой кустарник и наконец вышли на скошенный луг.

Отец с улыбкой рассказывал потом, что ожидал увидеть дачу, в которой живет Владимир Ильич, но не увидел ничего, кроме стога сена. Мальчик подал условный знак — тихонько свистнул, и из-за стога сена вышел Емельянов. Убедившись, что перед ним Серго Орджоникидзе, он позвал кого-то. Появился незнакомый человек. Из осторожности отец сдержанно поздоровался. А незнакомый человек весело воскликнул: «Что, товарищ Серго, не узнаете?»

Узнать Ленина было совершенно невозможно. Отец часто вспоминал об этой встрече: как сидели они потом с Владимиром Ильичем на скошенной траве, ели черный хлеб с селедкой — другой еды не было — и говорили о могучем государстве завтрашнего дня. О неизбежной победе революции.

ОДИН ПРОТИВ БАТАЛЬОНА

Эту удивительную историю я услышала в семье Николая Ильича Подвойского. В дни Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде товарищ Подвойский был одним из руководителей Военно-революционного комитета, и отец получил от него особое задание: он должен был во что бы то ни стало задержать на подступах к Петрограду батальон самокатчиков, вызванных Временным правительством для борьбы с Красной гвардией, с большевиками.

Батальон продвигался к Петрограду на защищенных крепкой металлической броней автомобилях, вооруженных пушками и пулеметами.

Отец же с мандатом Военно-революционного комитета отправился навстречу батальону без всякого оружия.

Доехали они с шофером до станции Новинка. Здесь разведка самокатчиков окружила их машину.

— Стой! Кто таков?

— Большевик, — ответил отец. — Представитель Военно-революционного комитета.

Нарком тяжелой промышленности осматривает стотысячную машину ГАЗ, выпущенную Горьковским автозаводом в 1935 году.

Такого ответа никто не ожидал.

— Что, большевик, сдаваться приехал? — спросили его с издевкой.

— Нет, хочу поговорить с вами.

Солдаты не поверили — слишком уж смело.

— Ну что ж, — сказал кто-то с угрозой. — Выходи из машины, потолкуем. А пока сдавай оружие!

— Нет у меня оружия, — ответил отец, — есть только мандат. Вот он.

— Какой такой мандат может оружие заменить? — удивились дозорные. Многие из них были неграмотные. Снова спрашивают у отца:

— Про что же написано в твоей важной бумаге, если она такую смелость человеку дает?

— Это большевистский мандат, — отвечает отец. — И вручили мне его такие же сыны крестьян и рабочих, как и вы. Собирайте людей!

Вскоре весь батальон знал, что к ним прибыл посланец новой Советской власти. Прибыл без оружия.

Поднялся отец на бронеавтомобиль и стал говорить о том, за что борются большевики, чьи интересы они защищают...

Офицеры встревожились: чем дольше говорил неожиданный гость, тем сочувственнее слушали его солдаты. Один из офицеров попытался оборвать отца, но солдаты не позволили. Они хотели знать правду о революции.

Говорил товарищ Серго около двух часов. И вернулся в Петроград во главе батальона самокатчиков, все они перешли на сторону большевиков.

— Мы прибыли в распоряжение Военно-революционного комитета, — заявили самокатчики. — Спасибо вам, что прислали к нам человека со своим мандатом.

Когда товарищи поздравляли отца с победой над вооруженным до зубов батальоном и спрашивали, как ему удалось их переубедить, отец ответил:

— Не было бы этой победы, не будь у меня большевистского мандата. Я знал, что за мной стоит партия, товарищ Ленин, весь народ.

АВТОМОБИЛЬ СОВЕТСКОЙ МАРКИ

Однажды отец возвращался домой с работы. Видит, толпа собралась. Рассматривают люди новенькую машину и спорят: наша она, советская, или американская. У нас, мол, такие делать не умеют. Молодой водитель даже охрип — все старается доказать, что машина вся, до последнего винтика, сделана на Московском автомобильном заводе.

— Да ты на ней и ездить-то не умеешь, — сказал один человек, — остановился и с места не можешь сдвинуться, а еще споришь...

Водитель и в самом деле как ни старался — машина не трогалась с места. И от этого он еще больше волновался.

Тогда отец вышел из своей машины и говорит:

— Что тут спорить, товарищи. Откроем сейчас мотор и проверим.

Вместе с водителем подняли они капот и стали разбираться в моторе. Проверили зажигание, отвинтили свечу... Показали всем: видите, на деталях штампы московского завода.

Многие узнали отца. С тридцать второго года он был наркомом тяжелой промышленности, часто бывал на заводах. Ездил и на Горьковский автозавод и на Московский, умел сам собрать мотор, хорошо знал машину.

Водитель смутился.

— Не могу понять, — говорит, — товарищ нарком, что с машиной случилось?

— А с ней ничего не случилось, — отвечает отец, — мотор видишь, исправен, просто ты, друг, забыл ее с тормозов снять...

Сел отец за руль машины, и она плавно сдвинулась с места.

Григорий Константинович выступает на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов.

Все восхищенно смотрели вслед машине советской марки. Их не много в то время было на улицах Москвы.

ПЕРЕДОВЫЕ, ЛУЧШИЕ

Утро у нас в доме начиналось с просмотра свежих газет. Каждый день газеты сообщали, где что построено, сколько чугуна и стали выплавлено в стране, сколько грузов перевезено по железным дорогам...

Обычно я приносила газеты отцу в кабинет, и по выражению его лица старалась понять: рад он или огорчен.

Бывало, отец говорил с досадой:

— Зачем ты принесла мне такие плохие вести?

И в тот же день уезжал в командировку: туда, где выплавили мало стали или не ладились дела на стройке...

Но как радовался он успехам! Любил разглядывать в газетах портреты лучших рабочих, колхозников. Со многими из них он был знаком, переписывался.

В стране зарождалось социалистическое соревнование. И газеты рассказывали о трудовых подвигах шахтера-забойщика Алексея Стаханова, кузнеца Горьковского автозавода Александра Бусыгина, фрезеровщика Московского станкостроительного завода Ивана Гудова, ткачих Евдокии и Марии Виноградовых...

Помню, с какой гордостью говорил отец об Алексее Стаханове. Как только узнал о его ошеломляющем рекорде, тут же послал поздравительную телеграмму.

Тысячи километров не были для товарища Серго преградой, если где-то на заводе, в шахте, на стройке рождался новый рекорд, новый почин. Так было, когда в Ленинграде машиностроители предложили «встречный план», в Макеевке металлурги отказались от многомиллионных государственных дотаций, в Заполярье нашли новый способ строительства в условиях вечной мерзлоты.

— Хотите успешно руководить хозяйством, — говорил Серго Орджоникидзе, — стремитесь не только учить, но и учиться у передовых работников, использовать их практический опыт, поощрять каждое проявление полезной инициативы.

В 1935 году отец открывал Первое Всесоюзное совещание стахановцев в Кремле. Ему хотелось поговорить с каждым стахановцем, хотелось видеть каждого рабочего передовым, лучшим.

Запомнился мне рассказ отца о каменщике Самарине. Самарин вызвал на соревнование американца Лангера. Лангер, говорил отец, замечательный мастер своего дела, приехал в нашу страну учить рабочих своему мастерству. И Самарин был одним из его учеников.

Соревновались каменщики десять часов. За это время американец уложил шестнадцать тысяч триста кирпичей, а Самарин — на тысячу больше. Когда это необычное соревнование кончилось, учитель сказал своему ученику:

— Молодец! Я не напрасно приехал в вашу страну. Я не только учил, но и сам многому научился. Лучшему своему ученику я дарю свои инструменты.

Отец от души радовался успеху Самарина. Он говорил, что такими хочет видеть всех молодых граждан Советской страны — всегда готовыми учиться и способными обогнать своих учителей.

ОКТЯБРЬСКАЯ ЭСТАФЕТА «ПИОНЕРА»

Мы, дети пролетариев

В. ЛЕБЕДИНСКИЙ,
доктор педагогических наук, член Бюро Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

«Октябрьская революция,— писала Надежда Константиновна Крупская,— положила конец тому общественному укладу, тому строю, который губил детей, обрекая их на голод, болезни, тяжелый, непосильный, однообразный труд, на невежество, на тяжелейшие бытовые условия, на беспросветное существование. Октябрьская революция открыла перед детьми светлое будущее, сделала их счастливыми».

Беспредельной любовью и преданностью отвечали дети на заботу о них Советской власти. С энтузиазмом участвовали вместе с рабочими в коммунистических субботниках. Для семей красноармейцев заготавливали на зиму дрова. Обучали неграмотных, читали им вслух газеты. Помогали во всей будничной работе городским и сельским Советам.

Подростки четырнадцати лет буквально атаковали комсомольские ячейки, требуя принять их в комсомол. Это Уставом комсомола разрешалось. Но двенадцатилетние ребята тоже хотели быть рядом со старшими в борьбе за построение коммунизма.

Делегаты I съезда комсомола, который проходил в 1918 году, говорили о необходимости объединить детей под своим влиянием.

В. И. Ленин поручил Надежде Константиновне Крупской изучить опыт детских организаций за рубежом. Высказал свои предложения по созданию коммунистической самодеятельной детской организации. За решение

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ

этой задачи взялись соратники Ленина по революционной борьбе: Надежда Константиновна Крупская, Анатолий Васильевич Луначарский — нарком просвещения Советской республики, Михаил Николаевич Покровский — видный ученый, большевик, и многие другие. Искали такое решение и руководители Центрального Комитета комсомола.

Гражданская война помешала созданию единой детской коммунистической организации. В эти годы возникали и действовали в разных районах и городах Советской республики отдельные коммунистические группы, «детские пролетарские клубы», «детские комитеты» или «советы детских депутатов» (в Витебске и Екатеринославе — ныне Днепропетровске), «юная трудовая армия» — на Украине, «исполком детского интернационала» — в Киеве, «детская коммунистическая партия» — в Туле, отряды «юных коммунистов», «юные коммунары»—в Армении и многие другие.

Эти группы отличались друг от друга по формам работы, по названиям, но главной их целью было растить смену комсомола, помощников нашей партии, активных борцов за дело коммунизма.

Коммунисты и комсомольцы стали вожатыми первых детских коммунистических групп. Партия и комсомол направляли их работу, внимательно изучали их опыт.

«ЮНЫЕ КОММУНИСТЫ»

В Москве и Петрограде, в Нижнем Новгороде (сейчас город Горький) и Одессе комсомол организовал отряды юных коммунистов (юков).

Многие из одесских юков активно помогали большевикам вести подпольную работу в городе, когда Одессу в 1919 году захватили войска иностранных интервентов и белогвардейцев.

В Нижнем Новгороде юки устраивали для детей самодеятельные спектакли и утренники. Когда рабочие Сормова выходили на коммунистический субботник, отряд юков тоже работал. Надо было заготовить топливо к зиме, и ребята привозили из-за реки дрова, пилили и кололи их, укладывали в поленницы у школ и детских домов, у больниц и домов красноармейцев.

Документы времен гражданской войны рассказывают, что нижегородские и петроградские юки активно участвовали в «неделе фронта», зарабатывая деньги для Красной Армии, собирая теплые вещи для бойцов. Юки помогали проводить и «неделю ребенка»: оборудовали помещения детских домов, приемников для беспризорных, собирали средства голодающим детям.

Перед московскими юками, участниками парада отрядов Всеобщего военного обучения, на Красной площади 25 мая 1919 года с краткой речью выступил В. И. Ленин. «Организация детей,— сказал Владимир Ильич,— это лучший путь воспитать коммунаров».

«ПЧЕЛКА» — ДЕТСКИЙ КЛУБ

В первые же месяцы после победы Октября городские и районные Советы депутатов искали малейшие возможности, чтобы помочь детским организациям. Нарком здравоохранения Н. А. Семашко, соратник В. И. Ленина по революционной борьбе, писал: «...тотчас после революции мы стали занимать под детские учреждения особняки, лучшие дачи, дворцы; по фабрикам и заводам для детей использовались квартиры и дома директоров, инженеров».

В 1917 году дом купца Свешникова в Москве, на Большой Полянке, стал детским клубом «Пчелка». (В этом особняке и сейчас размещается Дом пионеров и школьников имени Павла Андреева.) Ребята здесь учились рисовать, занимались лепкой, разучивали массовые песни, готовили самодеятельные концерты, играли сценки из спектаклей, выпускали «живые» сатирические газеты, где высмеивали спекулянтов, попов, лавочников и «всю мировую буржуазию».

«ДОМ ЮНОГО ПРОЛЕТАРИЯ»

В 1918 году в Ижевске была создана комсомольская организация. Ребята помладше тоже приходили, просили принять их в комсомол. Комсомольцы поручили организовать этих ребят токарю из Петрограда Кирьякову, который приехал в Ижевск восстанавливать завод. Решили создать в Ижевске для подростков и детей «Дом юного пролетария». На первом своем собрании ребята дали клятву бороться за Советскую власть, быть верными помощниками коммунистов и комсомольцев, быть храбрыми и честными. А в заключение дружно спели «Интернационал».

Время было тревожное, шла гражданская война. Подростки под руководством комсомольцев изучали боевое оружие, учились стрелять, владеть штыком, бросать гранату,

ползать по-пластунски, ходить строем. Участвовали в субботниках по заготовке топлива, расчищали территорию завода от снега. По приказу штаба Красной гвардии подростки охраняли склад с хлебом. Хлеб был собран для питерских рабочих.

Когда армия Колчака подошла к Ижевску, все коммунисты и комсомольцы были мобилизованы. «Дом юного пролетария» решили эвакуировать. Часть ребят уехала, а те, кто остался, вошли в отряд. Отряд помогал ревкому вести разведку, охранять заводское имущество. Вместе с комсомольцами ребята прикрывали отход основных частей из города. В бою за переправу погиб Кирьяков и несколько его воспитанников. Многие «дюповцы» переправиться через реку не успели и остались в городе. По доносу предателей ребята были схвачены колчаковцами и расстреляны.

Недолго удалось белогвардейцам продержаться в городе. Вскоре Красная Армия освободила Ижевск. Через несколько месяцев после освобождения города от белых детская коммунистическая организация была восстановлена.

«ДЕТСКИЙ ПРОЛЕТКУЛЬТ»

В Туле в 1919 году был организован «Детский пролеткульт» — коммунистическая организация детей и подростков.

Ребята выпускали свой журнал и газету «Детский пролеткульт». Журнал был рукописным, а газету удавалось печатать. Юные пролеткультовцы обсуждали политическое положение в стране, выполняли все просьбы Совета депутатов, помогали городу подготовиться к обороне. В газете «Детский пролеткульт» опубликовали Обращение своей организации ко всем детям Тулы: «Товарищи дети!.. Откликнитесь на клич о помощи Красной Армии своим чутким, отзывчивым детским сердцем!»

И ребята откликнулись — участвовали в строительстве оборонительных сооружений, рыли окопы, собирали деньги для фронта. Пролеткультовцы отказались от платы за рытье окопов. В своей газете, редактором которой был пятнадцатилетний Сережа Хайбулин, они писали: «Члены детского пролеткульта ни в коем случае не могут брать денег за окопные работы... Просим деньги обратить в пользу семей красноармейцев».

«МУРАВЕЙНИК»

«Муравейником» назвали свой клуб, открытый в 1919 году, дети Перми. Дети должны брать пример с трудолюбивых муравьев. В клубе «Муравейник» работали кружки технического и художественного творчества, литературно-музыкальные, научные. Ребята выпускали свой журнал «Муравей-чудодей». Он стал организатором общественно полезных дел. По его призыву ребята помогали на уборке сена и хлеба (в крестьянском хозяйстве не хватало рабочих рук — шла война). Летом 1920 года, когда четырнадцать губерний Советской России пострадали от засухи и неурожая, собирали деньги для голодающих ребят.

С библиотечками-передвижками, с пьесами, которые сочиняли сами, отправлялись «муравьи» в казармы к красноармейцам, в детские дома, на заводы. В клубе все делали своими руками — стеллажи для читального зала, гербарии и коллекции минералов, кабинет естествознания, физический кабинет, освещение зрительного зала и сцены.

«Муравьи» активно помогали комсомольцам, в 1922 году организовывали первые пионерские отряды в Перми.

«КРАСНАЯ ЗВЕЗДОЧКА»

В феврале 1920 года, когда Красная Армия освободила от белогвардейцев шахтерский город Черемхово Иркутской губернии, началось восстановление разрушенных шахт, механического завода. Кирпичи в то время приходилось делать вручную. Техники было мало. Эти кирпичи по живому конвейеру передавали к месту кладки стен будущих цехов. Вместе со взрослыми в цепочку становились и дети. Они приходили на стройку с красным флагом. «Красная звездочка» — так назвали дети горняков свою коммунистическую организацию.

Кроме помощи на стройке, ребята возили с железнодорожной станции дрова для больницы, помогали рабочим пустить водопровод, проводили «неделю сухаря» (собирали для голодающих детей сухари), «неделю тары» (ходили по дворам, собирали мешки и старые ящики), «неделю чистоты» — проводили беседы о гигиене, заботились о чистоте во дворах и квартирах.

В декабре 1920 года, когда пускали первый цех, в гости к шахтерам приехал Михаил Иванович Калинин. На митинге в заводском цехе рабочие дали слово одному из членов «Красной звездочки».

В двадцать втором году члены клуба «Красная звездочка» первыми вступили в пионеры.

*

Ты видишь, у первых коммунистических детских групп были разные названия, но цель одна: воспитать поколение активных строителей коммунизма. Второй конгресс Коммунистического Интернационала молодежи, который проходил в 1921 году, отметил: «В задачу детских коммунистических групп входит объединение пролетарских детей под руководством коммунистов... Детская коммунистическая группа поэтому является первой ступенью к коммунистической организации молодежи».

Н. НАДЕЖДИНА

Лесное справочное бюро «Ау!» ведет разговор о снеге

Снова зима. Снова за окном снег. Он никому не в диковинку. Вот и передо мной кипа ваших писем, и в каждом упоминается слово «снег». Эти письма прислали Лесному справочному бюро «Ау!» ребята — участники нашего очередного зимнего конкурса «Кому снег враг, кому друг».

Что же интересного в письмах? Что узнали ребята о снеге, над чем задумались, кому помогли? Мы читаем письма, и ваши голоса как бы перекликаются между собой.

Дима Колодин (Ленинград). Здравствуй, Лесное бюро «Ау!»! Чтоб выполнить твое задание, я пошел в лес к озеру. На снегу было много мышиных следов, я разыскал и норки. И я подумал, что снег — это зимний мышиный дом, где даже могут родиться мышата.

Светлана Погорелова (Ермак). Что там мышата! Под снегом и медвежата родятся. Только маленькие, как игрушечные. Смешно сказать — медведь, которого можно запрятать в портфель! Только я не пойму, почему они родятся в такое неподходящее время?

Лена Пермякова (Чусовая). А по-моему, подходящее! Снег запорошит берлогу, и медвежью семейку не видно. Никто малышей не обидит. Медведи любят долго и спокойно спать.

Равиль Шамсутдинов (Омск). Не все. Белый медведь не спит. Когда ему спать, если в Арктике круглый год зима? Это самый крупный из наших хищников, однако нерпа, вынырнув из полыньи, медведя не замечает, потому что его мех под цвет снега. Нерпа думает, что это сугроб.

Сережа Киркоров (Целиноград). Я знаю другого хищника, который маскируется под снег. Его зовут «снежный барс».

Сережа Семенов (Татария). Зайца-беляка снег прячет, а рыжую лису выдает. Она на белом как огонек.

Марина Дараева (Пензенская область). И хорошо, что прячет. Когда мимо нашего дома охотники тащат убитых зайцев, я просто видеть этого не могу. Сколько у бедняги зайца врагов и только

один друг — снег. Если заяц побелел, а снега нет, ему носа нельзя высунуть: сразу попадает в лапы к лисе. Но когда снега полно, заяц запутает след и потом — прыг в сторону! И заляжет — тут лисе его не углядеть.

Володя Высоцкий (Брянская область). Чтобы ответить правильно, надо еще знать, какой снег. Кабану коротконогому глубокий снег — враг. Такой снег ему приходится пахать грудью.

А вот рябчики и тетерева в поисках теплой ночлежки выбирают поляны, где снег попышней. И бросаются с дерева вниз головой в сугроб. Для них снег — друг.

Ира Гончарова (Ухта). Изменилась погода, и друг превратился в предателя. После оттепели снег подернулся льдистой корочкой. Из-под нее трудно выбиться. Была у рябчиков снежная спальня — стала западня.

Лена Бурманова (Марийская АССР). В моей Красной тетрадке семнадцать видов животных. Особенно меня интересуют лоси. За одной лосихой я наблюдаю уже второй год. Когда у нее появился лосенок, я сделала на дереве возле кормушки отметки красками. Как-то недавно лосенок снова остановился возле дерева, и я смогла определить, что он вырос на два сантиметра.

Зимой я шла по следу лося и увидела на снегу кровь. Что здесь произошло? Я представила себе, как за грузным лосем гонится легкий, тощий от голода волк. Его лапы не пробивают наст, а тяжелые лосиные копыта пробивают, и острые края льдинок режут его ноги, как битое стекло. Мартовский наст — лосиная гибель. Все же я хочу надеяться, что моему лосю удалось спастись.

Светлана Генрихс (Оренбургская область). Снег засыпает клюкву — главный корм боровой дичи. Ягоды свежие, как в холодильнике, но чтобы их достать, птицы должны разрывать снег лапами. Я обращаюсь к ребятам с просьбой: не выбирайте всю клюкву! Оставьте чего поесть глухарям и тетеревам!

Лена Рябова (Челекен). Мы с одной девочкой говорили: почему многие птицы от нас зимой улетают, например, соловьи? Девочка сказала: потому, что соловьи не холодостойкие. По-моему, она не права.

Витя Шабанов (Донецкая область). Конечно, не права! Холод бы соловьи выдержали, у них температура тела 41 градус. Но зимой нет для них корма — мошкары. Голод пострашней холода. Голод не тетка, пирожка не принесет!

Слава Котенков (Уральская область). Грачи улетают поздно, когда земля замерзнет. Они из незамерзшей земли выковыривают клювом личинки и семена. У нас две зимы подряд малоснежные, мокрые, и грачи вовсе не улетали. Я сам видел, как они кружили над поселком.

Юные орнитологи Дворца пионеров (Свердловск). Мелких зимующих птиц снег

лишает корма. Но каждому живому существу нужно не только есть, но и пить. Посмотрите, как воробьи, поклевав крошки, хватают клювами снег. Раздолбить клювом лед они не могут. Они пьют снег.

Сережа Крякин (Кустанай). Мне запомнился ваш вопрос: почему зимой дикие животные тянутся к человеческому жилью? Потому, что они голодные, а возле жилья человека найдется чем поживиться.

Марина Горшкова (Ворошиловградская область). Мы держим в хозяйстве кролей. Их клетки напротив наших окон. Ночью мама проснулась от стука. Ночь была лунная. В окно было видно, что возле клеток крутятся два волка, хотят достать наших кролей. Когда в доме зажгли свет, волки убежали. Мама с папой видели, как волки, прежде чем скрыться в лесу, постояли на краю огорода. Хвосты у них были поджаты, они подрагивали всем телом. Через неделю новая гостья — лиса. Все тоже из-за кролей. Этот случай был прошлой зимой, а в

Рисунки Ю. БОНДАРЕНКО

нынешнюю зиму нас навестили другие гости: стадо кабанов. Бегали по огородам как угорелые, и даже в самом центре поселка у магазина.

Таня Нестеренко (Северный Кавказ). Я думаю, что тем птицам и зверям, кому снег не друг, должен помочь человек.

Оля Короленко (Иркутская область). Ко мне на кормушку прилетает снегирь. Я его назвала «Флажок».

Таня Подгирная (Краснодарский край). Зимой у меня жил снегирь с поломанным крылом. Когда крыло зажило, я его выпустила.

Боря Коротенко (Панфилов). Я уважаю лесников, которые подкармливают птиц и зверей зимой. Такой лесник животным настоящий друг и брат.

Леся Прядко (Киев). Зимние каникулы я провела в городе Белополье у бабушки. Бабушкин дом стоит на окраине. Я ходила гулять в сосновый бор, который совсем близко, и заметила следы оленей. Они привели меня к кормушке с сеном. Потом я видела и самих оленей. Они почти не боялись людей.

Инесса Забаровская (Елгава). Мне очень интересно было смотреть, как лось ел сено, накошенное человеком.

Сережа Савин (Белгородская область). Я и мой друг Леня пошли к леснику дяде Харитону и попросили у него разрешить нам взять лес под охрану. Он разрешил и назвал нас «юными лесниками». Дядя Харитон сказал, что зарегистрирует в лесничестве наш участок.

Наш участок представляет собой квадрат. Леса здесь широколиственные: больше всего дубы, есть липы, ясени, клены, осины. Летом мы заготовляли для диких свиней желуди. Осенью развозили корм: лосям сено, а зайцам еще капусту и морковь. Развесили понаделанные нами птичьи кормушки. Мы хотим, чтоб на нашем участке лесные животные чувствовали заботу человека.

Виктор Самарцев (Куйбышев). На зимние каникулы я поехал в деревню. Там вместе с местными школьниками проводил снегозадержание. Чем больше снега в поле, тем богаче будет колхозный урожай.

Задание мы выполнили, и если немного задержались, то виноват в этом заяц-русак. Он застрял в щели забора на краю деревни. Мы его вытащили, накрыли телогрейкой и стали гадать, что с нашим пленником делать. Один из ребят предложил: «Давайте зайца на жаркое!» Но все на него зашикали.

Как посмотрел на нас русачок, когда мы развернули телогрейку! Несколько раз неуклюже подпрыгнул, еще не верил, что получил свободу. А потом задал стрекача! Мы смотрели ему вслед и смеялись. Оказывается, это большая радость спасти чью-то, хотя бы и заячью, жизнь!

*

Мы смогли напечатать только небольшую часть писем, присланных на конкурс **«Кому снег враг, а кому друг»**. Лесное справочное бюро просит не обижаться тех ребят, чьи фамилии не были упомянуты. Все ребята справились с заданием, и Лесное справочное бюро благодарит всех. Особо хочется отметить **Сережу Савина и Лену Бурманову** за активные наблюдения и помощь животным.

Из писем видно, что ребята довольны конкурсом. **«Он научил меня вдумываться в природу»**, — пишет **Таня Литвинова (Павлодарская область).** Многие ребята спрашивают: какой будет новый конкурс? Название его нам помогла придумать **Валя Шикшнян (Витебская область). «Мне кажется,** — пишет Валя, — **я бы не могла жить в другом месте. У нас, в Белоруссии, даже воздух особенный. Весной я слушаю на крыльце соловьев, шелестят дубы, которые посадил дедушка. Возвращаясь из школы, я встречаю то птиц, то лося, то косуль, то зайчишку. Не только собака, но и другие животные много сделали добра для человека. Мы перед нашими меньшими братьями в долгу»...**

Вот так мы и назовем новый конкурс — **«Меньшие наши братья»**.

* * *

НОВЫЙ КОНКУРС «МЕНЬШИЕ НАШИ БРАТЬЯ»

Животные знакомы человеку с древних времен. Они оказывали ему немалые услуги в научных открытиях, в освоении пустынь, Севера, космоса, в военном деле, в мирном труде и быту. **Напиши, что тебе особенно запомнилось, какую услугу считаешь самой важной.**

Судьба каких животных больше всего тебя волнует? Что бы ты хотел сделать для них? Расскажи, как человек помогает животным зимой, весной, в половодье — в любой сезон.

Есть ли, по-твоему, у животных качества (например, верность, самоотверженность), которые заслуживают уважения? Напиши нам о случаях из жизни, которые тебе известны.

Что тебе лично дала дружба с природой, с животными, кому ты помог, кого защитил, чему сам от них научился?

Как ты представляешь себе дружбу человека с животными в будущем?

Конкурс **«МЕНЬШИЕ НАШИ БРАТЬЯ»** продлится весь 1978 год. Победители получат значки Всероссийского общества охраны природы и грамоты журнала «Пионер».

М. В. Нестеров.

ПОРТРЕТ СКУЛЬПТОРА И. Д. ШАДРА. 1934 год.

Филателистический конкурс

«ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ»

Всем! Всем! Всем!

Внимательно изучив все присланные работы, жюри подводит итоги филателистического конкурса «Великий Октябрь». Прежде чем узнать имена победителей, проверь себя, прочитай правильные ответы на вопросы конкурса. Жюри решило не повторять эти ответы целиком, а остановиться только на тех подробностях, которые знали не все.

Ответ первый. «Аврору» можно увидеть на марках многих почтовых ведомств мира. Если их собрать все вместе, они с трудом уместились бы в одном альбоме. В нашей стране таких марок более пятнадцати. Здесь ты видишь только три марки, выпущенные в СССР, Чехословакии и Вьетнаме.

Ответ второй. Выступление В. И. Ленина перед рабочими Петрограда с башни броневика изображено на марках выпуска 1932, 1953, 1957, 1962 годов и на марке с купоном в серии «100-летие со дня рождения В. И. Ленина». Для создания первой марки был использован кадр из фильма Сергея Эйзенштейна «Октябрь».

Ответ третий. Большинство ребят рассказало о марке в серии, выпущенной к столетию В. И. Ленина. А Вадим Стебелев из г. Уссурийска еще добавил: «Смольный изображен на марке 1927 года. Известны три разновидности этой марки: две из них с разной зубцовкой и одна без зубцовки».

Ответ четвертый. На почтовом блоке, выпущенном в 1974 году, изображена картина художника И. Э. Грабаря «В. И. Ленин у прямого провода». В том же году блок этот был назван лучшим на конкурсе почтовых марок.

Ответ пятый. Шесть почтовых марок, вышедших в разное время, посвящены II Всероссийскому съезду Советов и принятым на нем

Декрету о мире и Декрету о земле.

Ответ шестой. Марка появилась в серии «Боец, писатель, коммунист» в 1964 году и посвящена Николаю Островскому. Другая марка была выпущена в 1954 году в связи с 50-летием со дня его рождения.

Ответ седьмой. На почтовых марках тридцатых годов неоднократно отмечались успехи советской промышленности в годы первой пятилетки. Это и серия 1929 года «За индустриализацию», и марка 1930 года «Пятилетку — в 4 года», и марки, посвященные Днепрогэсу и Магнитке. Хорошо известны ребятам более поздние серии: «50 героических лет» и «50-летие ВЛКСМ».

Ответ восьмой. Марка в честь 50-летия установления дипломатических отношений между СССР и Афганистаном вышла в 1969 году.

Ответ девятый. Ты видишь марки, посвященные комсомольским стройкам и выпущенные в последние годы.

Ответ десятый. Первая марка, на которой изображен Ленин с детьми, появилась в 1938 году в серии «Дети Советской страны». Позже выпущены марки «Ленин с детворой» (1952 год) и «Ленин с детьми» в серии «Пионеры Советской страны» (1970 год).

Ответ одиннадцатый. Ребята рассказали о серии из шести марок 1936 года «Пионеры — друзья социалистической связи». У всех марок этой серии общая деталь: в углу изображен серп, молот, а таже костер — пионерский символ.

Ответ двенадцатый. Артеку посвящены почтовые марки 1938, 1948, 1958 годов, почтовые конверты и карточки.

Ответ тринадцатый. Не все ребята правильно ответили. что памятник героям-пионерам, погибшим в войну, находится в городе Липецке, недалеко от Дома пионеров. Открыт он был в честь 50-летия советской пионерии.

Ответ четырнадцатый. Кроме марки, посвященной Лене Голикову и Вале Котику, которую ты видишь, была выпущена еще одна миниатюра. Она вышла в 1950 году. На ней изображено открытие памятника Павлику Морозову. Есть еще конверты, посвященные Марату Казею, Зине Портновой, Володе Дубинину.

Ответ пятнадцатый. В разное время были изданы марки с портретами Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, соратников В. И. Ленина, много сил отдавших детскому коммунистическому движению.

Ответ шестнадцатый. Первая марка конкурса издана в Венгерской Народной Республике в 1975 году. Она посвящена 30-летию освобождения ВНР.

Марка вторая появилась на Кубе 7 ноября 1966 года в честь советско-кубинской дружбы.

Марка третья вышла в память 25-летия Социалистической Республики Румынии в 1972 году.

Марка четвертая, посвященная польско-советской дружбе, выпущена в Польской Народной Республике в 1956 году.

Марка пятая — в МНР в 1971 году в честь 50-летия Монгольской народно-революционной партии.

Марка шестая выпущена почтовым ведомством Венгерской Народной Республики в честь 50-летия СССР.

Марка седьмая издана в Чехословацкой Социалистической Республике в 1974 году. На марке: здание СЭВ в Москве и план зала заседаний.

Марка восьмая вышла в ГДР в 1972 году к 25-летию Общества германо-советской дружбы.

Марка девятая изображает сбитый полуторатысячный по счету самолет американских интервентов во Вьетнаме. Выпущена в Социалистической Республике Вьетнам в 1966 году.

Марка десятая издана в Народной Республике Болгарии в 1974 году к 30-летию пионерской организации «Септемврийче».

ЖЮРИ БЛАГОДАРИТ ВСЕХ РЕБЯТ, УЧАСТВОВАВШИХ В КОНКУРСЕ, И ПОЗДРАВЛЯЕТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ.

Имена победителей жюри сообщает на 80-й странице журнала.

Имена победителей жюри сообщает на 80-й странице журнала.

Леонард КОНДРАШЕНКО,
лауреат комсомольской премии имени Николая Бирюкова

ПАМЯТНИК У ФИНЛЯНДСКОГО ВОКЗАЛА

**Он говорит
с броневика.
Жест повторен
в певучей бронзе.
Стремительна
его рука,
на ней светло
играет солнце.
Оно садится
на ладонь.
В ней — неземная
мощь и сила.
Да будет вечным
тот огонь,
что эта бронза
воплотила!
Он говорит
с броневика,
в своем бессмертии
нетленен.
И не страшны
броне века:
путь вдаль
указывает
Ленин!**

Что нам читать?

ВЕРНЫЕ ТОВАРИЩИ В БОРЬБЕ

Ты хочешь знать о том, как все начиналось... Ты хочешь знать, как сплачивал вокруг себя мужественных и верных борцов Владимир Ильич Ленин, как создавал он крепкую, сильную организацию революционеров — партию большевиков-ленинцев, как под руководством партии была совершена величайшая в мире революция.

Ты знаешь эти имена — Иван Бабушкин, Анатолий Ванеев, Эрнст Бауман, Инесса Арманд, Елена Стасова. И ты хочешь знать о них больше. Какими они были в детстве, как росли, с кем и во что играли, ты хочешь знать, как вступали в схватку с царским самодержавием, как работали в подполье, вели трудную и опасную революционную работу, как мужественно держались в тюрьмах, на каторге, в ссылке.

Книга Александры Аренштейн «Крепости берут в бою» расскажет тебе о друзьях, соратниках, единомышленниках Владимира Ильича.

Каждая глава ее посвящена одному из товарищей Ленина по борьбе. Но по названиям ты не всегда сможешь догадаться, о ком идет речь: Богдан, Абсолют, Клер — это подпольные конспиративные клички Ивана Васильевича Бабушкина, Елены Владимировны Стасовой, Глеба Максимилиановича Кржижановского. Названия других глав сразу скажут тебе, о ком рассказывает автор: Серго — это об Орджоникидзе, Инесса — это об Инессе Арманд.

Главу за главой читаем мы и все больше убеждаемся вот в чем. Великие трудности, суровые испытания выпадали на долю каждого из тех, кто посвятил себя делу борьбы за освобождение трудящихся. Но совершенно разные люди, с разными судьбами будто скроены из одного материала. Там, где иной сдался бы, утратил веру, потерял надежду, они не сдавались, сохраняли не только твердость духа, но и жизнерадостность. Они словно смеялись над бедами, опасностями и лишениями.

...Бабушкина заточили в жандармский застенок. Сделали все возможное, чтобы он не смог убежать. А он, слесарь-металлист по профессии и борец по призванию, буквально раздвинул

стальную решетку, выбрался во двор, преодолел тюремную стену и оказался на воле. Радоваться, однако, было рано. Бабушкину предстоял далекий путь через многие границы — в Лондон к Ленину. Ему пришлось перекрасить волосы, наклеить черную бородку и усы. Добравшись до Германии, Иван Васильевич увидел, что его перекрашенные волосы вдруг из черных превратились в зеленые. Это могло привлечь внимание немецких полицейских. Полиции Германии и России были связаны между собой, и беглого русского революционера могли выдать царскому правительству. Друзей рядом нет, иностранных языков Иван Васильевич не знает. И все-таки, минуя все трудности, Бабушкин добирается до Ильича.

Как смеялись Владимир Ильич и Надежда Константиновна, когда увидели неимоверного цвета шевелюру Ивана Бабушкина!

Мы читаем книгу о тех, кого называют бойцами ленинской гвардии. И удивительно: все больше и больше узнаем о самом Владимире Ильиче, хотя прямо о нем в книге не рассказывается. Мы видим, чувствуем, понимаем, как относились к Ленину его товарищи, как любили его, как ценили его волю, ум, мужество революционера, его человеческое обаяние, доброту и простоту.

Разыщи на полках библиотек книгу **А. Аренштейн «Крепости берут в бою»**, ты узнаешь, как все начиналось...

В. МАТВЕЕВ

КНИГА О ПЯТИЛЕТКЕ

Каждый человек мечтает стать героем. «...Быть светлым лучом для других, самому излучать свет — вот высшее счастье для человека», — сказал рыцарь революции Феликс Дзержинский.

И в твоей жизни, юный друг, обязательно наступит момент, когда ты будешь искать ответ на волнующий вечный вопрос: «Кем быть?»

Книгу **«Излучать свет»** мы писали с горячим желанием помочь тебе не только найти свое призвание, но и понять, ради чего люди трудятся не покладая рук, ради чего они совершают подвиги. Поэтому на вопрос «Кем быть?» мы решили ответить не описанием разных профессий, а рассказом о ярких судьбах людей, о героях советских пятилеток, о том, как труд и подвиг рождали новые слова, навсегда вошедшие в словари.

...31 августа 1935 года в Донбассе молодой шахтер Алексей Стаханов установил мировой рекорд добычи угля. Парторга шахты окружили забойщики: «Возьми нас на заметку, парторг. Записывай в стахановцы. Будем соревноваться...» Так родилось стахановское движение и слово «стахановец». Героев труда первых пятилеток с того памятного дня называли стахановцами.

...12 апреля 1961 года мир облетела весть: «Человек в космосе!» В наших блокнотах по минутам расписан этот праздничный день: вот Юрий Гагарин сказал свое знаменитое «Поехали!», вот он докладывает о ходе полета С. П. Королеву, вот приземлился на высоком берегу Волги, вот инженеры вбили в землю железный лом на том месте, где сейчас стоит обелиск-памятник в честь первого в мире полета.

С тех пор в нашу жизнь вошло звездное слово «космонавт».

Мы вспоминали встречи с П. А. Малининой и А. В. Горшковым, задушевные рассказы председателей двух колхозов о том, как за короткий срок — меньше жизни одного поколения — крестьяне от нищеты и неграмотности пришли к счастливой и зажиточной жизни.

Где бы мы ни бывали: в Братске и Голодной степи, на атомной электростанции и в колхозах Нечерноземья, в угольных шахтах и Звездном городке, — всюду мы убеждались в простой и важной истине: из биографии людей труда складывается биография Страны Советов. Все лучшее, что есть в нашем народе, — мужество, стойкость, честность, ответственность, любовь к Родине, — воплощают они в своей жизни. Недаром Алексей Стаханов и Юрий Гагарин на вопрос зарубежных корреспондентов, с кем из знаменитостей они в родстве, ответили одинаково: с рабочим классом и колхозным крестьянством.

Книга «Излучать свет» заканчивается девятой пятилеткой. Для нового выпуска, который издательство «Детская литература» подготовит к 60-летию Октября, написаны главы о героях девятой и десятой пятилеток.

Тебе продолжать эту историю, читатель, в годы новых, будущих пятилеток в рядах великой армии труда.

М. БАРАНОВА,
Е. ВЕЛТИСТОВ

19 июля 1977 года. Кремлевский Дворец съездов. Торжественное открытие Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

С. МАКЕЕВ

Фотографии Б. ЗАДВИЛЯ

РАЗГОВОР У КОСТРА

«Очень рад, что все вы, собравшись на свой фестиваль, демонстрируете пример того, как нужно с юных лет учиться жить в мире и дружбе, совместно бороться за осуществление самых светлых помыслов и устремлений».

Из приветствия Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева участникам Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!»

Две недели продолжался Международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!». После торжественного открытия в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, все участники фестиваля уехали в «Артек».

Дети из разных стран встретились на фестивале, чтобы рассказать о себе, о своей жизни, о своих мечтах, ближе узнать друг друга. Чтобы объединить свои усилия в борьбе за мир, свободу и независимость народов, за социальный прогресс.

Девять дней в «Артеке» стремительно мчались один за другим: митинги, манифестации, выставки, концерты, встречи с писателями, артистами, композиторами, спортивные соревнования, трудовые десанты... Но больше всего мне запомнились те вечерние часы, когда ребята собирались у костров. Обсуждали события дня, рассказывали о себе, говорили о том, что считали самым важным, пели песни о борьбе и труде, о стремлении людей к счастью...

Мне хотелось бы передать вам один такой разговор у костра.

Франк Вольфрам, ГДР

За эти несколько дней у меня появилось много друзей из Советского Союза, из Вьетнама, из США, с Кубы. Я записал их адреса и, когда приеду домой, всем напишу. Я люблю писать и получать письма. А когда закончу школу, пойду учиться на переводчика, чтобы помогать людям разных стран находить общий язык. Очень важно, чтобы люди понимали и уважали друг друга! Поэтому в письме, которое я отправил с «бутылочной почтой», я написал: «Дорогой незнакомый друг! Я очень хочу, чтобы и ты стал борцом за счастье детей всего мира и всегда помнил о том, что любить чистое небо и яркое солнце — значит бороться за мир!»

Ахмад Ауада, Ливан

Я живу на юге Ливана.

Каждый день над нашим поселком кружат израильские самолеты, воют снаряды. Израиль пытается втянуть нас в войну, хочет поссорить с тысячами палестинских беженцев, которые живут у нас в Ливане.

Горе пришло во многие ливанские семьи и в наш дом. Погиб мой старший брат. И тогда отец позвал нас, оставшихся в живых трех братьев, и сказал: «Идите на борьбу, дети мои! Пусть победит мир и справедливость!» Мы все вступили в Прогрессивно-социалистическую партию. Мой народ беспредельно благодарен Советскому Союзу, социалистическим странам, которые поддерживают борьбу арабов, выступают за справедливое решение ближневосточного вопроса.

Джоулин Боунс, США

Моя мама — индианка. Несколько лет назад я бросила школу, потому что надо мной издевались, а иногда и жестоко избивали. С пеленок вдалбливают каждому американцу, что индеец — человек второго сорта. Сгоняя наши племена с исконных земель, американцы придумали фразу, ставшую поговоркой: «Лучший индеец — это мертвый индеец». Когда у нас, в Америке, говорят про равные права для всех, я не испытываю ничего, кроме гнева.

Я знаю, что в СССР бок о бок живут люди разных национальностей. Они крепко дружат. Говорят и учатся они на родных языках, носят национальную одежду, поют свои песни... Мы тоже должны бороться за такую жизнь.

Коррадо Урсолео, Италия

Иногда, если удается скопить немного денег, наша семья уезжает к морю. Мы снимаем маленький домик на берегу.

Я вижу, что год от года Средиземное море все больше загрязняется нефтью и другими промышленными отходами... Я люблю природу,

Дружба начинается с улыбки.

Ярмарка солидарности. Здесь было продано на 5740 рублей сувениров и разных ребячьих поделок. Деньги перечислены в Фонд солидарности.

Рядом с участниками манифестации — детский врач из США, неутомимый борец за мир Бенджамин Спок.

В эти дни почетным гостем фестиваля была чилийская патриотка, генеральный секретарь Коммунистической молодежи Чили Гладис Марин.

хочу стать агрономом, когда вырасту. И еще хочу убедить людей в том, что они часть самой природы, что ее нужно беречь и охранять.

Изабел Бревари, Новая Зеландия

Мои родители — журналисты, работают в газете «Новозеландская трибуна». Это орган партии Социалистического единства Новой Зеландии.

Не всем живется сладко в

В гости к кубинским пионерам в день их Национального праздника 26 июля пришли ребята разных стран. Многие поздравили друзей песнями борьбы и солидарности.

нашей стране. У многих родителей нет денег, чтобы платить за обучение детей. Часто нечем заплатить врачу. Я решила стать врачом, потому что моя подруга Дайна давно и тяжело больна.

Я знаю, что в социалистических странах лечат бесплатно. Я тоже очень хотела бы бесплатно лечить людей.

Хауа Камара, Гвинея

Вот уже скоро двадцать лет, как гвинейский народ стал хозяином своей страны. С помощью Советского Союза и других социалистических государств гвинейцы построили новые заводы, фабрики, рудники; у нас собирают хорошие урожаи кукурузы, риса, маниоки, бананов, ананасов, арахиса.

Теперь все дети у нас учатся в школе. Но родители многих из нас не умеют ни читать, ни писать. Гвинейские пионеры обучают счету и письму взрослых, которые не могли учиться при колонизаторах, помогают ликвидировать в стране неграмотность.

Мария Жозе Самокейро Росу, Португалия

25 апреля 1974 года португальцы свергли ненавистную диктатуру. «18 месяцев спустя» — так называется наш ансамбль, мы создали его спустя 18 месяцев после уничтожения фашистского режима в Португалии. Мы поем о революции, о солидарности, о дружбе. Песни «Португалия должна быть свободной!» и «Народ Чили победит!» знакомы теперь интернационалистам всего мира.

Еще мы ставим спектакли по пьесам Брехта, а иногда сочиняем сами пьесы.

Выступаем мы перед рабочими, крестьянами, рыбаками бесплатно. Нам достаточно их благодарности и сознания, что мы помогаем португальцам в борьбе за свободу и демократию. За полтора года мы дали 66 спектаклей и концертов. А недавно разучили новую песню «Пусть алые маки станут ярче, чем кровь». Она посвящена памяти коммунистки Катарины Фелисии. В годы диктатуры Катарина подняла восстание крестьян в деревне Баледео и погибла от рук карателей.

Умберто Гутьерес, Колумбия

Наш город и район печаль-

но известны: цены на товары у нас выше, чем во всей стране, а плату за труд наши родители получают очень низкую. В борьбе рабочих людей за свои права пионеры всегда рядом со своими старшими. Мы выступаем на митингах и демонстрациях, хотя это и опасно,— можно угодить в тюрьму. Если узнают, что ты пионер, немедленно исключат из школы.

Но мы участвуем в борьбе своего народа. Примером для нас служат подвиги юных героев национально-освободительного движения. Мы все хотим быть похожими на Хаиро Трухильо, отважного мальчика. Он был связным в партизанском отряде и погиб, выполняя боевое задание. Имена многих маленьких героев пока остаются неизвестными. Мы стараемся узнать их, рассказать всем о подвигах юных героев. Красный галстук пионеров Колумбии—символ верности борьбе всех поколений революционеров.

Рейноль Диас Баэса, Куба

На днях один журналист спросил меня: «Кто твои родители?» Я ответил: «Революционеры». «Но ведь революция уже свершилась...»— возразил он. Я сказал: «Мой отец воевал на Плайя-Хирон, защищал рес-

публику от врагов. Сейчас он работает на заводе, а мама — в больнице. Но они не перестали быть революционерами. Дело революции победило, но оно не окончено. Мы строим социализм».

*

Слушая разговор ребят, я думал о том, что им жить в двадцать первом веке.

Каким он будет, новый век человечества? Во многом это будет зависеть и от них, сегодняшних мальчиков и девочек. И от тебя, наш читатель. И от твоих зарубежных сверстников. Многое предстоит вам совершить, чтобы мир на земле стал прочным, отношения между людьми справедливыми, жизнь счастливой.

Конкурс политического плаката: тут ценится не столько умение рисовать, сколько решимость бороться за мир и справедливость.

Рудольф Герерро вносит кубинский флаг на костровую площадку «Озерной» дружины. Через минуту трехцветное полотнище будет развеваться на флагштоке.

Что нам читать?

Так называется книга Льва Разгона, которую выпустило издательство «Детская литература». Посвящена она первому пятилетию жизни Страны Советов — с того исторического дня, когда победила революция и было создано первое в мире правительство рабочих и крестьян, до 30 декабря 1922 года, когда в Москве представители трудового народа, одержавшего победу над белогвардейцами и интервентами, собрались на свой Первый съезд Советов и было образовано единое, сплоченное, многонациональное государство — Союз Советских Социалистических Республик.

Книга составлена из маленьких рассказов, и каждый из них насыщен яркими, интересными фактами из истории Республики Советов. Писатель раскрывает великое значение Октябрьской Социалистической революции для трудящихся России и всего мира, разъясняет смысл таких понятий, как «Советская республика» или «Совет Народных Комиссаров», рассказывает о самом важном, что принесла революция трудовому народу.

Перед нами воскресают картины утра нового, Советского государства, когда вождь революции Владимир Ильич Ленин готовил первые Декреты Совнаркома о земле и мире, об уничтожении сословий, существовавших при царе, о введении восьмичасового рабочего дня, о равноправии мужчин и женщин, об отделении церкви от государства и школы от церкви и другие декреты, которые ломали старые, несправедливые устои самодержавия и утверждали новые законы новой жизни, завоеванной народом в суровой и героической борьбе за власть Советов.

Один из декретов, подписанных Лениным, начинался словами: «Все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте...» По этому ленинскому декрету уже тогда, в годы гражданской войны, годы голода и разрухи, начали создаваться новые школы, где учились не только малые дети, но и их родители, не знавшие азбуки, ставившие на бумагах крестики вместо своей подписи.

С первых дней революции партия и правительство заботятся о детях, о том, чтобы они жили счастливо, росли культурными и образованными людьми. Невозможно без волнения читать страницы, повествующие о спасении детей в дни голода и блокады, когда страна отдавала им последние запасы суррогатного хлеба, сахара и манной крупы.

МОЛОДОСТЬ

РЕС- ПУБ- ЛИКИ

Автор рассказывает о создании на Красной Пресне первого пионерского отряда и о первом в стране пионерском вожатом, молодом парне в красноармейской шинели и буденовке — Мише Стремякове.

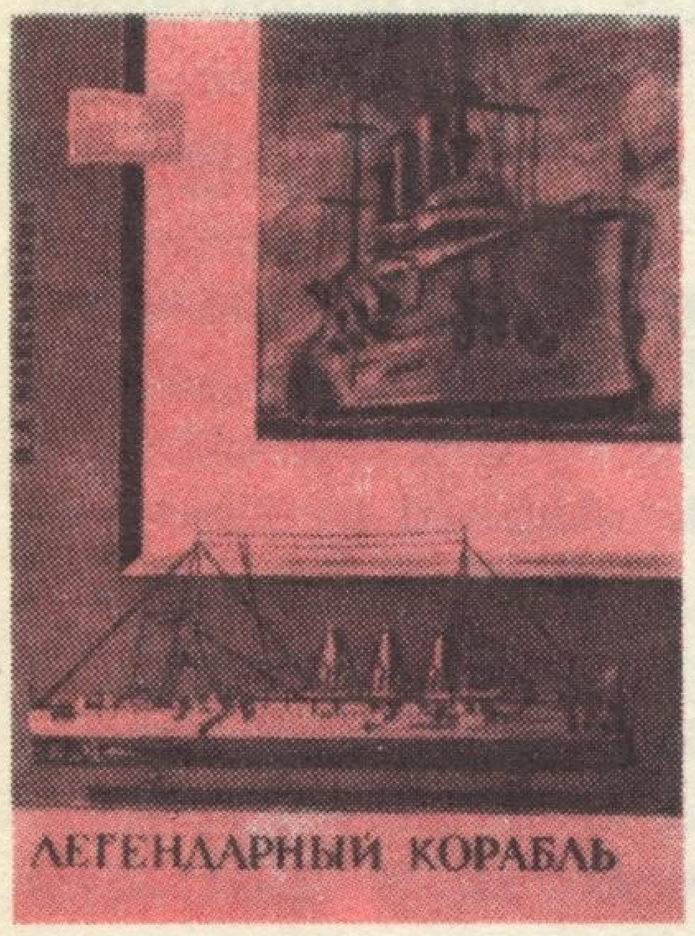
Есть в книге глава, которая называется «...И еще раз учиться...». Вы, ребята, конечно, знаете, что слова эти произнес В. И. Ленин на III съезде комсомола, в октябре 1920 года. Шла гражданская война, фронт требовал все новых и новых бойцов. Делегаты съезда рвались туда, на передний край битвы с белогвардейщиной. Они были уверены, что Владимир Ильич именно об этом и будет говорить на съезде. А он заговорил о завтрашнем дне революции, о будущем нашего государства, о том, что комсомольцам необходимо учиться, потому что строителем коммунизма «стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знаниями всех тех богатств, которые выработало человечество».

«...Прошли годы,— говорится в книге.— И те молодые ребята, с гранатой в кармане и наганом за пазухой, которые слушали Ленина 2 октября в доме на Малой Дмитровке, стали уже немолодыми. Многие из них — партийные руководители, профессора, начальники больших отраслей промышленности. Но они, и все их сверстники, и все новые поколения советских людей навсегда, на всю жизнь запомнили слова Ленина о том, что учиться нужно постоянно, все время, учиться всему новому... И это значит — думать о будущем, о завтрашнем дне, о тех, кто будет жить после нас».

Книга рассказов **Льва Разгона «Молодость Республики»** приближает к нам, к сегодняшнему дню, первые годы революции. Не зная прошлого, трудно оценить настоящее, увидеть будущее. Вот почему мне хочется посоветовать каждому пионеру, каждому школьнику прочесть эту книгу. Она учит дорожить революционным прошлым и заставляет думать о своем месте в рядах строителей коммунистического общества.

Владимир РАЗУМНЕВИЧ

ДЛЯ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ



В издательстве «Молодая гвардия» вышла книга **И. Максимихина «Легендарный крейсер».** Прочитайте ее и вы узнаете об истории «Авроры», сможете сделать модель легендарного крейсера для школьного музея революционной, боевой и трудовой славы.

В книге есть описания и чертежи всех деталей корабля — корпуса, надстроек, кормовой палубы, артиллерийского вооружения, судовых устройств; советы, как лучше покрасить модель.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Общество книголюбов

О ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Я не могу себе представить, какой была бы жизнь без книги. Я много читаю, и книги дают мне очень много...

Самая любимая моя книга моей любимой писательницы **Любови Воронковой «Алтайская повесть».** Эта книга о школьной жизни. Эту книгу Л. Воронкова написала давно. На берегу бурлящей Катуни стоит школа. В школе учатся обыкновенные ребята. Они горячо любят свой край. Горный Алтай — край несказанной красоты. Тихие леса, шумные, кипучие речки, яркие цветы — жарки, будто пригоршни горячих углей, певучие водопады... Тот, кто побывал там, уже не забудет никогда зеленых долин и прекрасных гор, которые встают одна над другой — вблизи зеленые, дальше — туманно-синие и совсем далеко — голубые, как полуденный мираж...

Раньше, при царе, алтайцев называли ойротами. Скотоводы-кочевники, они не знали засеянных полей и цветущих садов, они никогда не видели, как растет яблоко. Аилы, в которых они жили,— черные, продымленные шалаши с костром посредине земляного пола — еще встречаются кое-где в горах, напоминая о тяжелом и темном прошлом алтайского народа.

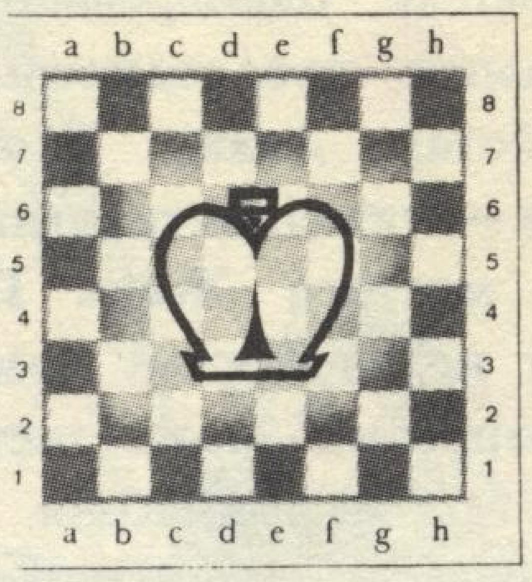
«Книга «Алтайская повесть» писалась давно... Прошло много лет, мои школьники уже выросли и, конечно, заняты большими, настоящими делами. А школа по-прежнему стоит на берегу белопенной Катуни, и школьный сад, в котором ребята научились-таки выращивать яблоки, еще богаче зеленеет под укрытием большой горы... И уже другие ребята учатся в этой школе и работают в этом саду. А у них свои удачи и радости, свои горести, свои маленькие события, из которых складывается жизнь».

Так писала Л. Воронкова об этой книге. А я особенно близко принимаю эту повесть к сердцу, потому что сама хочу стать биологом и тоже иногда ревела, когда от моих экспериментов погибала хризантема или кактус. Я сама точно такая, как и Чечек,— люблю смеяться, озорничать, играть и веселиться.

Я люблю читать все книги для детей, но, пожалуй, больше всего мне хочется читать книги о школьной дружбе, об интересных приключениях школьников, сказки и фантастические повести.

Света Дягилева,
п. Коханово,
Витебская область.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ



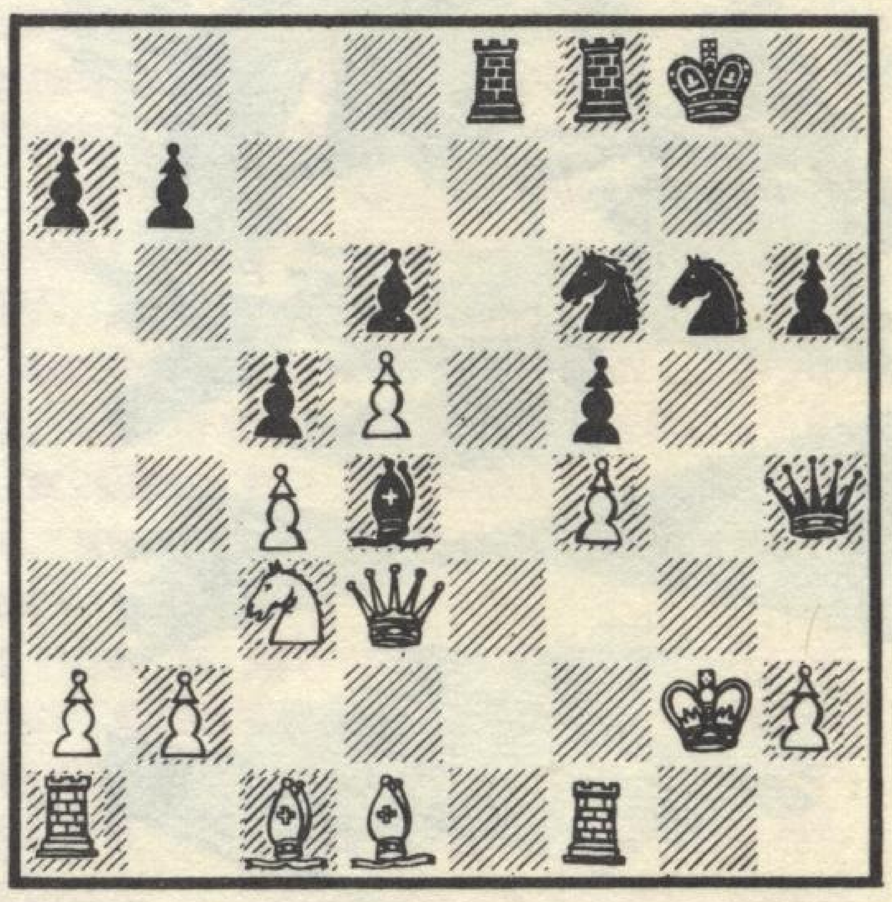
Мастера и чемпионы

Пионерский шахматный клуб! Их тысячи в дворцах и домах пионеров, в спортивных обществах, школах, при домоуправлениях. Обучение шахматам у нас бесплатное, ребята встречаются со взрослыми мастерами и гроссмейстерами, набираются у них шахматного ума-разума.

Ребята, живущие в капиталистическом мире, даже мечтать об этом не могут. Там тоже есть детские шахматные клубы, но, чтобы стать членом такого клуба, нужно внести значительную сумму. А это не всякому по карману.

А сколько проводится в нашей стране различных соревнований по шахматам! В них мужают, закаляются юные любители шахмат. Вот почему среди наших школьников есть шахматисты высоких спортивных разрядов, есть мастера и даже гроссмейстеры.

Так, например, на турнире дворцов пионеров на приз газеты «Комсомольская правда» сражалось много сильных юных рыцарей шахмат, среди них был один мастер, 19 кандидатов в мастера и 22 перворазрядника.



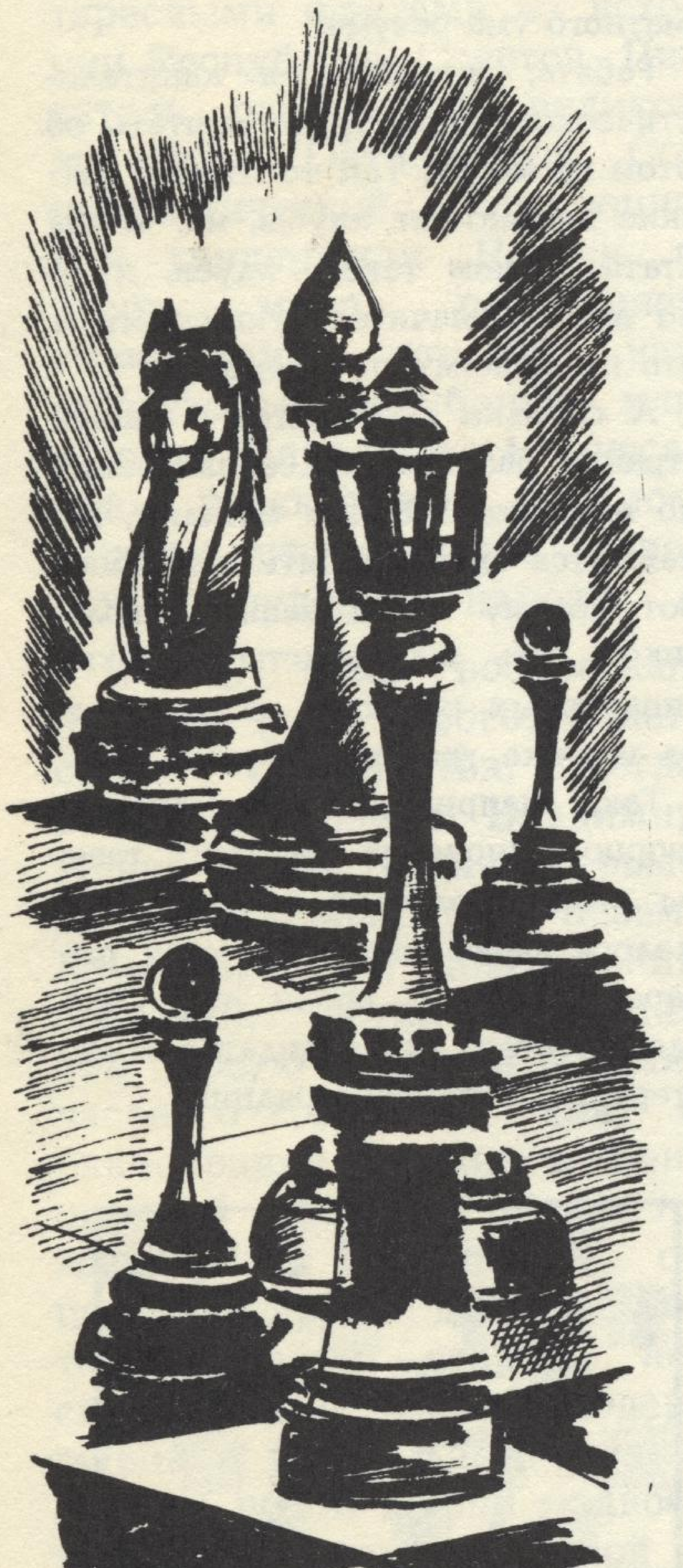
Пешкин просит своих друзей разобрать позицию, которая воз-

никла в партии этого соревнования, в котором гроссмейстеры давали сеансы одновременной игры. Белыми предводительствовал гроссмейстер **Давид Бронштейн**, черными — пятнадцатилетний кандидат в мастера **Женя Пигусов**, который недавно стал чемпионом среди взрослых шахматистов Кемерова, где живет Женя. Он победил во всех одиннадцати партиях!

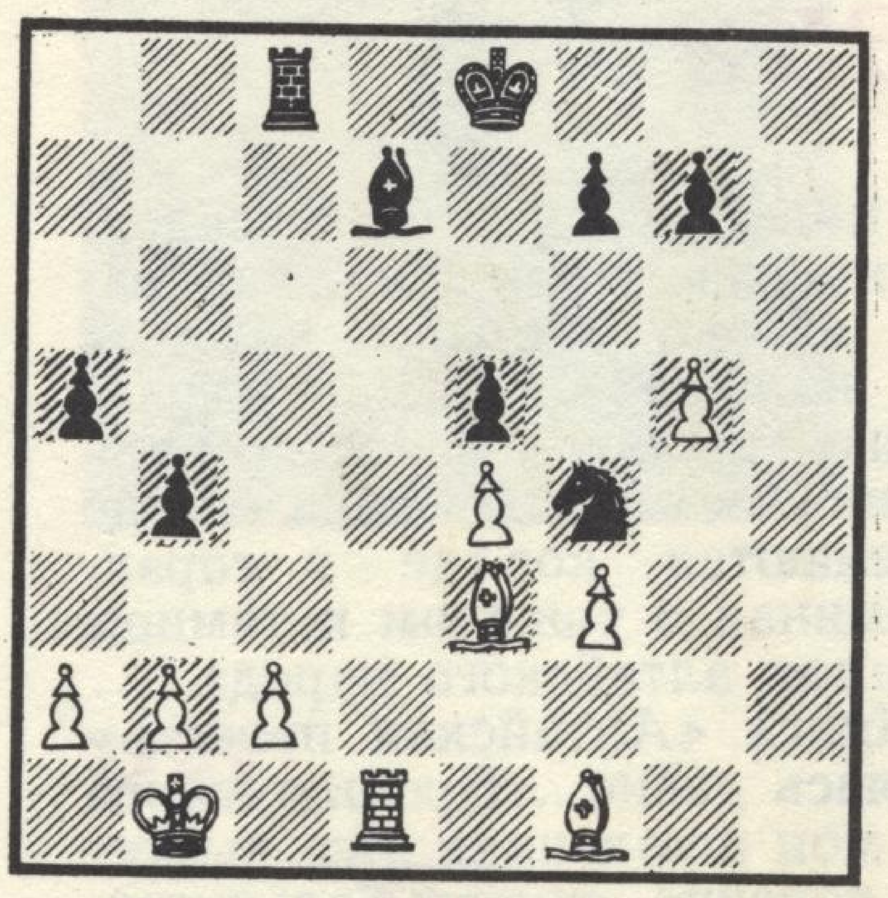
Далее события развивались так: 23... Кf6—g4 24. Фd3—g3 Лe8—e3!

Начало отлично проведенной комбинационной атаки.

25. Лf1—f3 (плохо 25. Ф : h4 К : h4+ 26. Крh1 Кf2+ и т. д.) 25... Кg6 : f4! 26. Фg3 : f4 Лe3 : f3 27. Сd1 : f3 Фh4—f2+ 28. Крg2—h3 Сd4—e5 29. Кс3—e4 (последняя попытка запутать противника) 29... Фf2—f1+ 30. Сf3—g2 Фf1—g1 31. Сc1—d2 Фg1 : a1 32. Фf4—f3 Фa1—g1 33. Сd2—f4 Сe5 : f4 34. Фf3 : f4 Кg4—e3 35. Фf4—g3+ Крg8—h7 36. Сg2—f3 (или 36. К : d6 Лg8) 36... Фg1—f1+ 37. Крh3—h4 f5 : e4 38. Сf3 : e4+ Кe3—f5+. Белые сдались.



Мы уже не раз рассказывали о тбилисской школьнице Майе Чибурданидзе. В тринадцать лет Майя стала международным мастером. Пятнадцати лет она завоевала звание международного гроссмейстера среди женщин и вошла в число претенденток на звание чемпионки мира. Посмотрите, как уверенно и четко реализовала Майя свое преимущество в партии с международным гроссмейстером **Валентиной Козловской.** Эта партия игралась на межзональном турнире в Тбилиси в 1976 году.



Последовало: 29. Сe3 : f4 e5 : f4 30. Лd1 : d7! Крe8 : d7 31. Сf1—h3+ Крd7—c7 32. Сh3 : c8 Крc7 : c8 33. c2—c3! b4 : c3 34. b2—b3! Крc8—d7 35. Крb1—c2 Крd7—e6 36. Крc2 : c3 f7—f5 37. g5 : f6 Крe6 : f6 38. a2—a3 g7—g5 39. b3—b4 a5 : b4 40. a3 : b4 g5—g4 41. f3 : g4. Черные сдались.

Пешкин советует вам, ребята, внимательно разобрать это поучительное окончание.

«Конкурс дружбы»

Этот конкурс был объявлен в № 5 «Пионера». В нем приняли участие не только советские ребята, но и юные шахматисты других социалистических стран. Особый интерес вызвал этот конкурс у польских любителей шахмат.

Решения заданий конкурса.

1. К мату в два хода ведет красивый маневр 1. Сe4—b1!

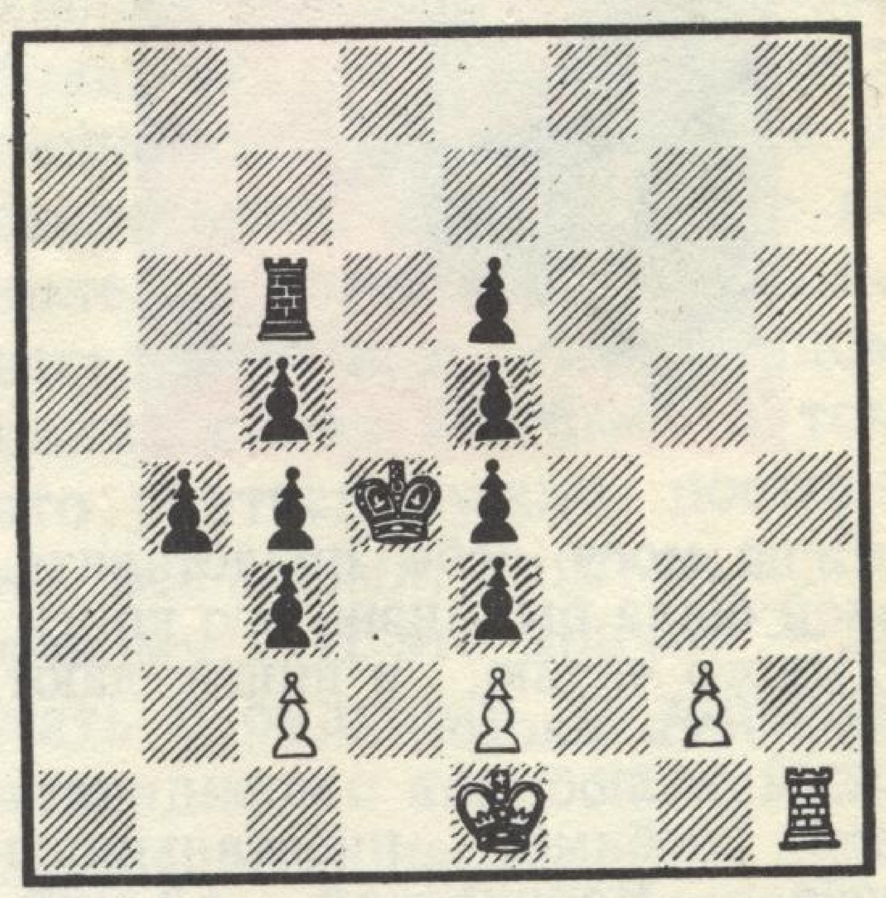
2. Мат в три хода достигается только после неожиданной жертвы ладьи 1. Лb3—b4!, и если 1... a5 : b4, то 2. Фa3—b2+ Крe5—d6 3. Сd2 : b4 мат.

3. К ничьей ведет продолжение 1. Сa6—d3!, например: 1... Кe1 : d3 2. Крb3—c2 Кd3—c1 3. Лb8 : b2 e2—e1Ф 4. Лb2—b1+ Крa1—a2 5. Лb1—a1+ Крa2 : a1, пат.

Пешкин наградил книгами и «Грамотами ферзя и ладьи» своих друзей из Польской Народной Республики. Вот их имена: Малгожата Бжосовска, Александра Веньгжиньска, Кристиан Вресе. Мажена и Яцек Жольковски, Януш Новак, Станислав Собуш, Йоахим Студзински и Ричард Турлей.

Новое задание Пешкина

Задача необычная и оригинальная. Мат достигается вне зависимости от того, кто начинает игру. При ходе белых они дают мат в два хода, при ходе черных белым не избежать мата на втором ходу.



Не торопитесь с выводами, хорошенько подумайте. Не спешите заглянуть в решение, напечатанное на этой странице.

Решение шахматной задачи

При ходе белых: 1. 0—0, и от мата ладьей на d1 защиты нет.

При ходе черных: 1... Лc6—a6 с неизбежным матом на a1. Рокировать белые не могут. Подумайте, почему, и напишите об этом Пешкину.

Как, вероятно, заметили наши постоянные читатели, первая наша «Переменка» отводится творчеству самих читателей-школьников. На этот раз в ней участвует и учитель, и мы очень этому рады.

Преподаватель В. А. Бусыгин из Калужской области пишет, что уже третий год он собирает смешные и нелепые фразы, встречающиеся в сочинениях ребят. Он предлагает их вашему вниманию.

«Лучшими сплетниками в городе были два брата: Бобчинский и Добчинский».

«Мое отношение к Гриневу почтительно».

«Прохоров поехал разнимать драку и ему так попало, что его два дня отливали холодной водой».

«Солнце так пекло, что я чуть не сварилась».

«Снег шел крупными шапками».

«С крыш капают сосульки...»

«На стене висит картина, потом идет зеркало».

«На шифоньере стоит памятник».

«Бурлаки одеты в старинные лохмотья».

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Что такое айсберг?

Ученик. Айсберг — это гора, которая умеет плавать.

Юра Шептяков,
г. Петрозаводск

Учительница. Что такое оазис?

Ученица. Это там, где живут верблюды.

Юра Григоренко,
Алма-Атинская область,
с. Новоалексеевка

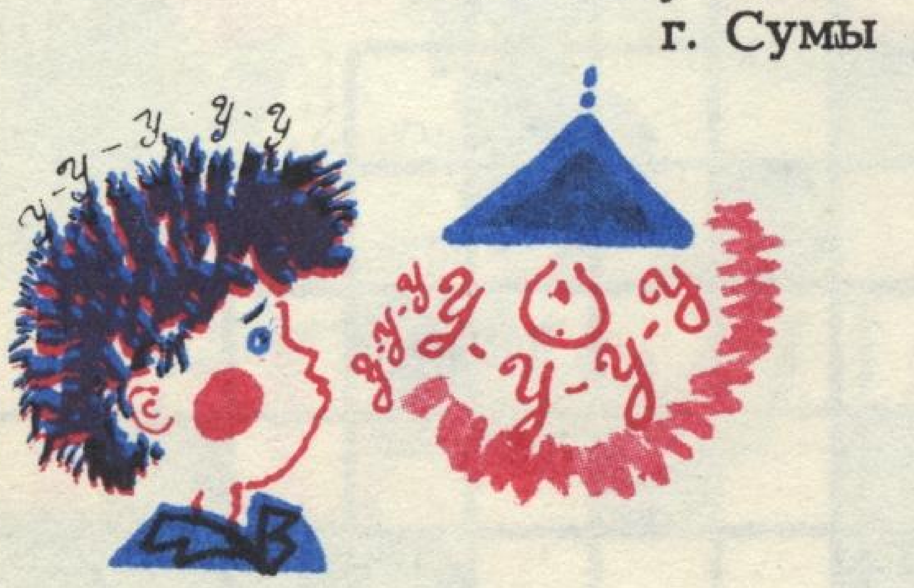
НЕВЫДУМАННЫЕ ДИАЛОГИ

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учитель. Расскажи, как работает трансформатор.

Ученик. У-у-у-у...

Таня Шаульская,
г. Сумы



НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учитель. Почему утром на растениях, на траве, на земле мы видим капельки росы?

Ученик. Земля ночью вращается, устает, ну и потеет...

Виолетта Козлова,
г. Свердловск

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

В своих письмах вы просите поподробней рассказать о членах жюри конкурса «Невыдуманные диалоги». Они обещали в свободное время от чтения ваших писем, а также от основной своей работы, то есть постановки фильмов, сочинения стихов, сценариев, пьес и рассказов, выступлений в концертах, встретиться с вами на страницах «Переменки». Сегодня состоится первая такая встреча. Мы получили несколько писем, адресованных Геннадию ХАЗАНОВУ. Десятилетний Саша Ивлев из Омска пишет: «Срочно сообщите, где учат говорить, как Райкин и Озеров. И вообще расскажите, как вы сделались подражателем».

На эти и другие вопросы член жюри конкурса «Невыдуманных диалогов» ответил нашему корреспонденту Регине ДУБОВИЦКОЙ. Интервью с Геннадием Хазановым читайте на второй «Переменке» — на 3-й странице обложки.

Игры деда Буквоеда

Шесть слонов

С _ Л О Н _ _

Этот слон белоголовый
На столе живет в столовой.

С _ _ Л _ О _ Н _

Враг шоферов этот слон,
Много зла приносит он.

С _ _ _ Л О _ Н _ _

Этот бдителен всегда,
Он разводит поезда.

_ _ _ _ С _ Л О Н

Этот огненного цвета
В час заката и рассвета.

С Л О _ _ Н _ _

Этот слон со знаком плюс,

С _ Л О _ _ Н _ _ _ _ _

В этом — дружба и союз,
(Есть ли он в твоем звене?
Напиши скорее мне!)

Ума палата

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Игры Лупы и Пинцета

Марк заика

Иногда к нам попадают обрывки марок. Мы их не выбрасываем, а аккуратно наклеиваем кусочки на маленькие листы плотной бумаги. При этом мы придерживаемся такого правила: если на первом листе есть марка какой-нибудь страны, то и на втором обязательно должна быть марка этой же страны. Запомните это, и тогда вам легче будет узнать: каких стран фрагменты марок перед вами.

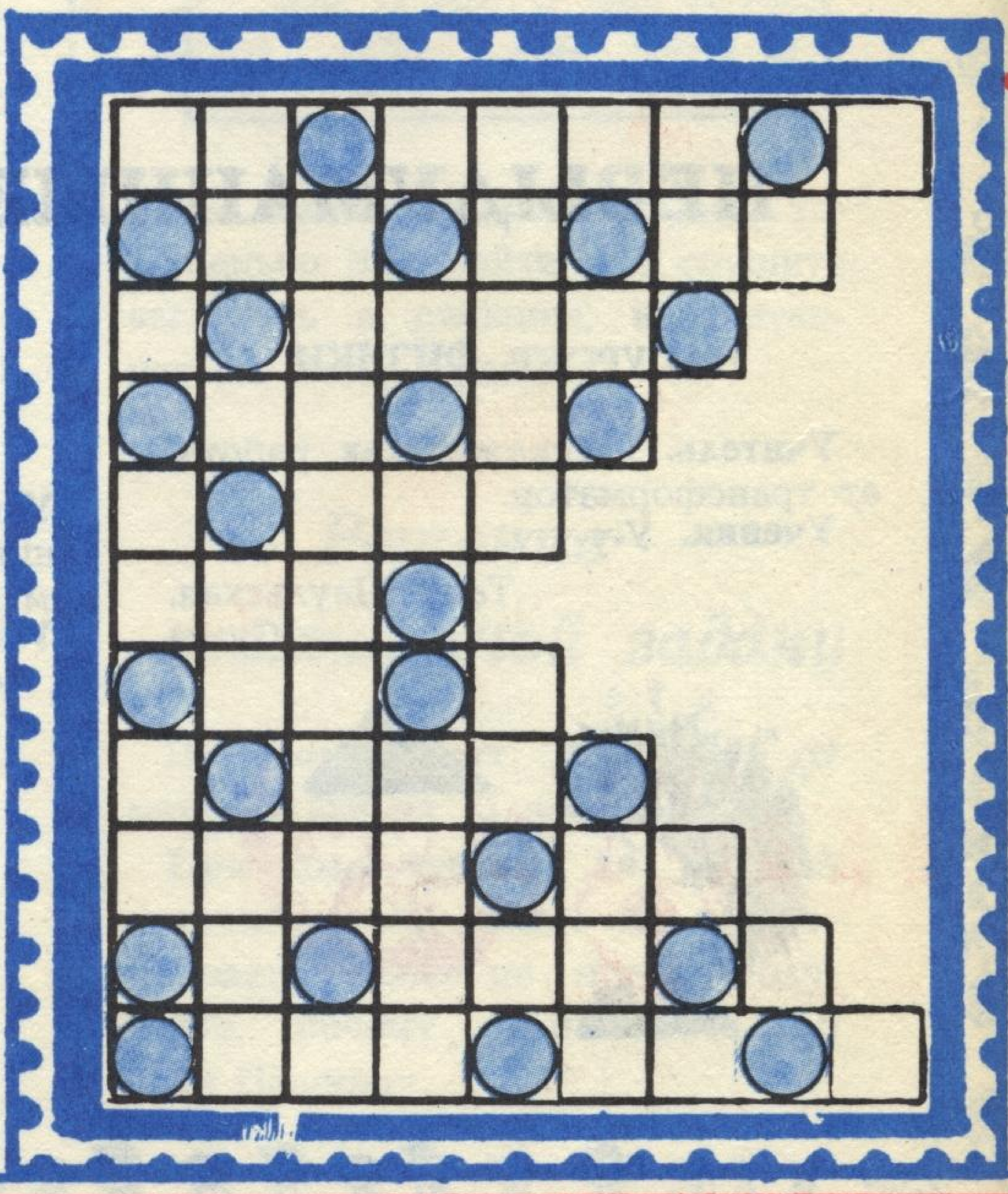
Конкурс „Аллигатор"

Условия конкурса простые: заполните строчки с названиями зверей, рыб, птиц. За каждую согласную букву, входящую в название, записывайте себе два балла, за гласную — три, за гласную, попавшую в кружок, втрое больше (9 баллов), «и» в кружке — 12 баллов. Для первой строки подходят, например, слова «аллигатор» и «тушканчик». «Тушканчик» больше принесет вам баллов, чем «аллигатор»: у него «и» попадает во второй кружок, а это дает 12 баллов.

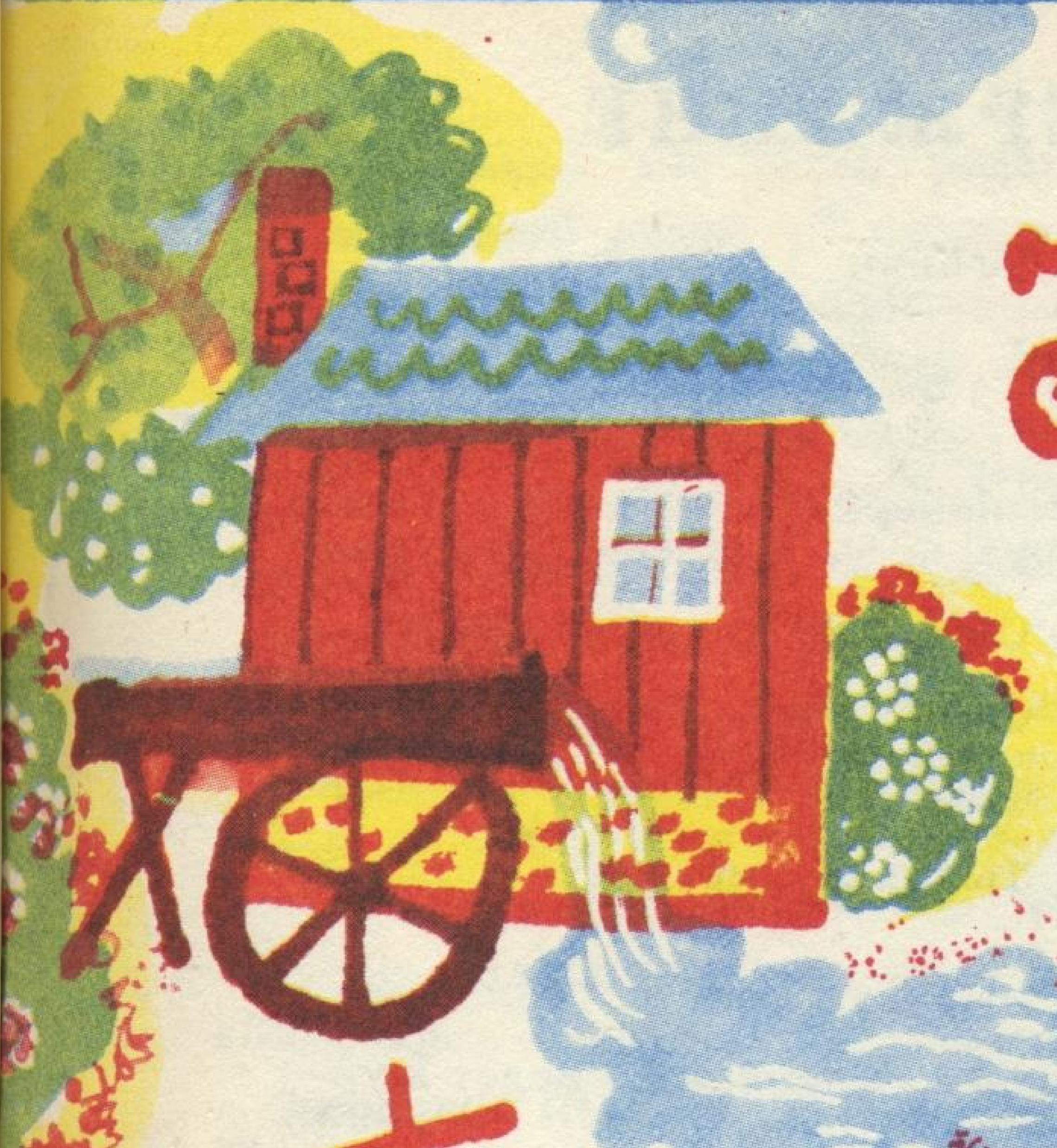
На листке бумаги в клеточку нарисуйте эту таблицу, заполните ее и внизу укажите общее число набранных вами баллов. На конверте сделайте пометку: на конкурс «Аллигатор».

Десять победителей будут премированы наборами марок.

Лупа и Пинцет



Кто первый?



Недавно я перевел с английского забавное стихотворение. Вот оно:

Собачка за пятки кусала юнца,
Юнец разревелся и вызвал отца.
Собачка в испуге пустилась бежать,
На помощь собачке пришла ее мать.
Все четверо мчатся! В начале пути
Юнец быстроногий бежал впереди.
Он стал уставать, быстроногий юнец,
И первым бежит его смелый отец.
Но вот утомились и тот и другой,
И первая мчится собачка стрелой.
Но вот и она понемногу сдает,
Юнец вырывается снова вперед.
Но вот и юнец уже валится с ног,
Его обгоняет упрямый щенок.
Но вот и щенок уже снова устал,
Отец подналег и щенка обогнал.

* * *

Ужасно устал я за ними бежать,
Кто первый, сейчас не могу вам сказать.
И если еще вас не клонит ко сну,
Бегите, смотрите, а я отдохну.
Старательно свой нарисуйте ответ!
Заранее всем благодарен.

Привет.

Живживка

Аргентинский аллигатор
Широко разинул пасть.

Должен ты, мой друг, в призеры
Обязательно попасть.

I II III

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 10

Игры Деда Буквоеда: самосвал, пословица, дрессировщица, сеновал, словарь, исследование, сковорода, рисование.

Загадка Клоуна: № 2 ЖУЖУ.

Капитан Перо ищет помощника. У Красного Карандаша будет 105 бойцов. Все числа надо перемножить между собой и разделить на два.

Игры Лупы и Пинцета: Га-мб-ия, Ан-го-ла.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ПОБЕДИТЕЛЯМИ КОНКУРСА СТАЛИ:

Алешин Саша из Кривого Рога, Бугримов Алеша из Вологды, Капранов Андрей из Москвы, Мальцев Виктор из Херсона, Мотина Аня и Орешкин Костя из Днепропетровска, Наркова Света из Железноводска, Подгорбунских Сережа из Ачинска Красноярского края, Сутягина Лена из Горького, Чернышев Ролан из Актюбинска.

ЖЮРИ НАГРАЖДАЕТ ЗА КОЛЛЕКТИВНЫЕ РАБОТЫ:

кружок юных филателистов (КЮФ) Дома пионеров г. Балви Латвийской ССР, КЮФ Дома пионеров г. Выкса Горьковской области, КЮФ средней школы № 49 г. Запорожье, КЮФ Дома пионеров им. Я. Юдина г. Казани, КИД им. Пясковского средней школы № 73 г. Львова, КЮФ «Юность» средней школы № 1 пос. Карабулак ЧИАССР, КЮФ Дома пионеров имени В. Волошина г. Кемерово, кружок «Юные друзья библиотеки» средней школы № 1 имени В. Дубинина г. Керчи, КЮФ с. Новая Тараба Алтайского края, КЮФ Дворца пионеров г. Рязани, КЮФ «Кругозор» средней школы № 2 г. Черкассы, кружок юных филателистов основной девятилетней школы в Долном Кубине Кугутов сад (Чехословакия), Красоткину Свету, Маракову Таню и Швецову Лену из г. Вологды, Таню Коваленко, Сашу Пахомова и Алексея Бацуле из г. Донецка Ростовской области.

ЗА ЛУЧШИЕ ОТВЕТЫ НА ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

Амельченко Марину из пос. Буюклы Сахалинской обл., Анохина Алешу из Москвы, Баранову Свету из Казани, Возякову Таню из Свердловска, Гаврилову Валю из Волжска, Гибадуллина Наиля из Богульмы, Затуловского Леню из Москвы, Заголовичей Андрея и Алешу из Тамбова, Коршаря Сашу из хутора Трудобеликовский Краснодарского края, Навасартяна Карена из Пятигорска, Пархоменко Костю из Балабаново Калужской обл., Приступе Германа из Горловки, Гухову Марину из Колпино Ленинградской обл., Проценко Диму из Тамбова, Рыбникова Павла из Кемерово, Рыбина Андрея из г. Свободный Амурской обл., Саволайнен П. из Махачкалы, Садакова Виктора из г. Апрелевка Московской обл., Сапронова Игоря из Грозного, Стебелева Вадима из г. Уссурийска Приморского края, Сторчевого Костю и Теплухина Павла из Москвы, Федорова Диму из Ленинграда, Широкова Андрея из г. Мыски Кемеровской области, Усенко Сергея из ст. Чертково Ростовской обл., Четкову Любу из пос. Лев Толстой Липецкой обл.

Всем участникам конкурса жюри пришлет открытку с автографами летчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза Демина Л. С., Председателя Правления Всесоюзного общества филателистов, и главного редактора журнала «Пионер» Фурина С. А. — председателя жюри конкурса.

ЖЮРИ КОНКУРСА

СОДЕРЖАНИЕ

Ростки из корня. — М. Шагинян 1
Вселенский гимн. — Отрывки из поэмы Л. Фюрнберга. Перевел с немецкого Л. Гинзбург 3
Рассказы о Ленинграде. — В. Торопыгин. Рисунки А. Аземши 4
Юбилею Октября посвящается 9, 15, 65
Октябрьская эстафета «Пионера»
Равнение на «Аврору»! — М. Матвеева. Рисунки А. Гришина 10
К русской революции. — Стихи В. Брюсова. Рисунки Ю. Карповой 14
Пароль — Надежда. — Повесть З. Воскресенской. Книга третья. Продолжение. Рисунки С. Трофимова . 16
Наш герб. — Стихи Я. Смелякова. Рисунок Ю. Карповой 33
На площади. — Стихи П. Тычины. Перевел с украинского Н. Ушаков 33
История в картинках
Красные знамена революции. — О. Московая. Рисунки И. Красулина 34
Международный пресс-центр «Пионера». — Ведет журналист-международник Вл. Васильев. Рисунки Е. Шабельника 36
Маршрутами десятой пятилетки
Дороги, которых не было. — М. Аджиев. Рисунки Ю. Родина 40
Я — сын Токтосуна. — Рассказ Ч. Айтматова. Рисунки В. Дудкина 45
«Кораблик» 50
Школа умелых хозяев
Самая важная работа. — Литературная запись Н. Астаховой. Рисунок Е. Шабельника 52
Хорошо! — Отрывки из поэмы В. Маяковского. Рисунок Ю. Карповой 54
Советский характер
Товарищ Серго. — Э. Орджоникидзе. Рассказы об отце 55
Октябрьская эстафета «Пионера»
Мы, дети пролетариев. — В. Лебединский. Рисунки Т. Ларионовой 59
Красная тетрадка
Лесное справочное бюро «Ау!» ведет разговор о снеге. — Н. Надеждина. Рисунки Ю. Бондаренко 62
Всем! Всем! Всем! — Итоги филателистического конкурса «Великий Октябрь» 66
Памятник у Финляндского вокзала. — Стихи Л. Кондрашенко 68
Что нам читать? 68, 74
Международный пионерский клуб «Товарищ» . . . 70
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович 75
«Переменка!» — Ведет Н. Ростовцева. Рисунки А. Вовиковой 77
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой 78
Поздравляем! — Победители филателистического конкурса «Великий Октябрь» 80
На обложке:
Салют Октябрю! — Рисунок А. Аземши

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (редактор отдела оформления), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. КОСТИЦЫНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1977.

Адрес для писем: **101459. ГСП-4. Москва, А-15. Бумажный проезд, 14. 11-й этаж.** Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26/VIII 1977 г. А 09294.
Подписано к печати 4/X 1977 г. Формат 84×60[1]/[8].
Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2455. Заказ № 1056.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24

Несколько лет назад редакция Всесоюзного радио «С добрым утром!» пригласила в студию Геннадия Хазанова и Николая Озерова для записи в их исполнении одного шуточного репортажа-пародии. Совсем еще молодой артист эстрады Гена Хазанов должен был читать репортаж голосом Озерова. Сам Озеров читал как обычно. Потом обе записи предполагалось пустить в эфир, чтобы радиослушатели сами догадывались — кто есть кто? Но... монтируя пленку, сотрудники редакции сами запутались и не смогли отличить подлинного голоса от пародии. Позвали на помощь Николая Николаевича. Озеров внимательно прослушал записи и только развел руками: «Ничего не понимаю! По-моему, и там и там говорю я... Знаете, давайте-ка мы с Геной еще раз запишемся, а то запутаем радиослушателей...»

Корреспондент. Этот случай, мне кажется, лучше всего показывает, как успешно артист овладевает «чужим голосом». Скажите, Геннадий, как вам это удается, когда вы стали учиться этому своеобразному мастерству?

Хазанов. С детства. А если точнее, с пятого класса. Именно тогда, во время зимних каникул, я заговорил голосом Озерова. Дело было так: у нас была дворовая хоккейная команда, в которую меня ребята не брали. А мне очень хотелось играть. И вот, чтобы обратить на себя внимание наших дворовых чемпионов, я стал, подражая интонациям Николая Озерова, комментировать эти встречи. Мои комментарии имели успех у хоккеистов, и в знак одобрения они даже иногда разрешали мне стоять в воротах. Правда, после первой же пропущенной шайбы меня выпроваживали, приговаривая: «Давай иди лучше в Озеровы...» И я снова комментировал их игру.

Корреспондент. И вот тогда вы решили стать артистом?

Хазанов. Ну что вы! Тогда я мечтал стать хоккеистом, а об артистической карьере и не думал. Но вот как-то увидел по телевизору выступление народного артиста СССР Аркадия Райкина. И все! С тех пор я буквально, если можно так выразиться, заболел Райкиным. Я ходил на его концерты, подражал его походке, голосу, голосам его героев. Даже на уроках! Представляете, что было, когда, например, закон Ома я рассказывал голосом героя одной из миниатюр Райкина? А я ведь делал это не нарочно, честное слово!

Корреспондент. И все-таки вы не ответили на вопрос: как вы стали артистом?

Хазанов. После школы я поступил в Московский инженерно-строительный институт, прозанимался там год и... неожиданно для всех забрал документы и отправился с ними в эстрадно-цирковое училище. Приняли меня туда только благодаря известному артисту Анатолию Дмитриевичу Папанову, хотя он об этом и не догадывался. Дело в том, что на вступительных экзаменах надо было прочитать какую-нибудь басню. Вот я и прочел «Ворону и лисицу» голосом Папанова... Меня приняли. Потом была учеба, концерты, репетиции и снова концерты.

Корреспондент. А какой из ваших концертов больше всего запомнился?

Хазанов. Понимаете, выход на сцену — это каждый раз экзамен. И все же был один концерт, который я помню до мельчайших подробностей. Проходил он в Лиме, столице Перу. Туда приехала на гастроли большая группа советских артистов, а я был конферансье и вел программу на испан-

ском языке. Все, что я должен был говорить, перевели на испанский, и я добросовестно выучил текст наизусть. Признаюсь, это была адская работа. Например, я никак не мог запомнить слово «деспиден» — «прощаются». И тут меня осенило: это слово созвучно названию советского радиоприемника «Спидола». «Спиден» — «Спидола». Так я и запомнил.

А теперь представьте первый наш концерт в Лиме. Я волнуюсь страшно. Но все вроде складывается удачно: в зале смех, аплодисменты. И вот я должен сказать заключительную фразу: «Советские артисты прощаются с вами». И о ужас! Я забыл марку приемника, созвучную этому слову — «прощаются». Быстро в уме перебираю все марки: «Радуга», «Меридиан», «Океан»... Все не то. А на сцене десятые доли секунды тянутся мучительно долго. И неожиданно для себя самого я говорю: «Лос артистос советикос де приемник дэ устэдэс!» К счастью, эта фраза прозвучала, когда гремела музыка и аплодисменты, и никто ничего не заметил.

Корреспондент. От имени всех наших читателей благодарю!

Хазанов. А я, в свою очередь, хочу сказать «спасибо» всем ребятам, пригласившим меня на «Переменку». Желаю им никогда не киснуть, почаще улыбаться. А главное — всегда говорить своим собственным голосом!

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА

Цена 25 коп. Индекс 70694